Zool 82B
204
28.6
R-52

Николай Степанович
ГУЛЯЕВЪ

Ойротский Музей

Ойротск

ГОМ 8218
204
28.6
11П.52
Сиротский Музей

I.

Положительное изученіе инстинкта и ума животныхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Положительное изученіе инстинктовъ и ума животныхъ, начатое Бюффономъ и Реомюромъ, было можетъ-быть въ первый разъ разсматриваемо какъ особая наука Г. Леруа. «Анатомическія описанія», говоритъ Г. Леруа, остроумный авторъ Lettres philosophiques sur les animaux [1]), «внѣшніе признаки, отличающіе роды, разнообразіе природныхъ наклонностей, суть конечно очень важные предметы исторіи животныхъ, но когда все это извѣстно, все-таки мнѣ кажется, немало остается еще дѣла для философа». Онъ прибавляетъ: «Послѣ того какъ натуралистъ уже тщательно разсмотрѣлъ строе-

---

[1]) Сперва изданныя подъ заглавіемъ: „Lettres sur les animaux, par un physicien de Nuremberg". Paris, 1781; а позже (вторымъ изданіемъ сдѣланнымъ по смерти автора, Ру-Фазильякомъ) подъ заглавіемъ: „Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux etc.", par Charles George Leroy, Paris, 1802.

ніе какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ частей животныхъ и нашелъ ихъ употребленіе, онъ долженъ оставить свой скальпель, покинуть свой кабинетъ, углубиться въ лѣса, чтобы слѣдить за образомъ дѣйствій этихъ чувствующихъ существъ, изучать развитіе и проявленіе ихъ способности чувствовать и стараться увидѣть, какимъ-образомъ посредствомъ повтореннаго дѣйствія ощущенія и памяти, инстинктъ ихъ возвышается до ума».

Итакъ, по мнѣнію Г. Леруа, кромѣ анатоміи, изучающей части животныхъ и зоологіи, означающей признаки ихъ родовъ, есть еще опредѣленное поприще изысканій, особенная наука; и предметъ этой науки есть положительное и наблюдательное изслѣдованіе, именно опытное изученіе фактовъ ума животныхъ. Какъ мы видимъ, наука эта еще совершенно нова. Не оттого, чтобы со времени Декарта мало занимались вопросомъ о душѣ животныхъ; не знаемъ даже, есть ли хоть одинъ вопросъ въ этомъ родѣ, о которомъ писали бы болѣе. Но, повторяемъ, положительное и наблюдательное изслѣдованіе, изученіе фактовъ, начинается съ Реомюра, Бюффона, съ Г. Леруа, потомъ продолжается нѣкоторыми искусными наблюдателями и получаетъ въ наше время нѣкоторую цѣлость, благодаря трудамъ Ф. Кювье.

ДЕКАРТЪ.

Метафизическій вопросъ о душѣ животныхъ возникъ, какъ всѣмъ извѣстно, вслѣдствіе одного мнѣнія Декарта. Старинные споры объ Аристотелѣ начинали утомлять всѣхъ, такъ-что нужны были какіе-нибудь новые предметы спора, этой вѣчной потребности школъ. Декартъ явился, и обновилъ вдругъ—и содержаніе, и форму философіи. Мнѣніе его объ *автоматизмѣ* животныхъ надѣлало особенно-много шума. Дѣло доходило до того, что позволялось именоваться картезіанцемъ лишь подъ условіемъ поддерживать мнѣніе, что животныя—машины. Весьма умно замѣчаетъ объ этомъ Даніэль въ одномъ изъ своихъ писемъ [1]). Онъ говоритъ: «Главный пунктъ картезіанской философіи и, какъ-«бы пробирный камень употребляемый вами, гла-«вами партій, для распознанія вѣрныхъ учениковъ «вашего великаго учителя, есть ученіе объ автома-«тахъ, которое дѣлаетъ изъ животныхъ машины, «отнимая у нихъ всякое чувство и знаніе. Кто «на столько упрямъ, что не находитъ затрудненія «признать этотъ парадоксъ, тому тотчасъ даруется «право именоваться вездѣ картезіанцемъ. Этотъ «одинъ пунктъ заключаетъ или влечетъ за собою

[1]) Suite du voyage du monde de Descartes. Lettre première touchant la connaissance des bêtes, page 3.

«всѣ начала и основанія секты... Съ этимъ убѣж-
«деніемъ невозможно не быть картезіанцемъ, безъ
«него же невозможно быть имъ.»

Но если, съ одной стороны, чистый автоматизмъ животныхъ былъ защищаемъ съ жаромъ истинными картезіанцами, то, съ другой стороны, онъ былъ опровергаемъ толпою писателей, поддерживавшихъ споръ съ такою же пылкостью и такимъ же упорствомъ. Отсюда произошли всѣ тѣ книги о душѣ животныхъ, изъ которыхъ первыя появились съ Декартомъ, а послѣднія окончились только съ XVIII вѣкомъ.

Бо́льшая часть этихъ книгъ достойна вниманія. Особенная философская сила господствуетъ въ сочиненіяхъ Пардиса [1]) и Булье [2]); въ сочиненіи Даніэля [3]) видѣнъ умъ; сочиненіе Бужа́на [4]), который предполагаетъ, что животныя суть нечистые духи, чѣмъ и объясняетъ способность ихъ мыслить, понимать и чувствовать, есть остроумная шутка. Это самое сильное противоположеніе мнѣнію Декарта и остроумная критика его. Декартъ отвергаетъ у животныхъ всякій умъ, Бужа́нъ находитъ

---

[1]) Discours de la connaissance des bêtes.
[2]) Essai philosophique sur l'âme des bêtes.
[3]) Suite du voyage du monde de Descartes.
[4]) Amusement philosophique sur le langage des bêtes.

въ нихъ столько ума, что, по его мнѣнію, онъ дается имъ нечистою силою.

Но всѣ эти книги страдаютъ одною и тою же погрѣшностью, — недостаткомъ фактовъ, разсужденіями безъ опоры; читатель утомляется, видя что вопросъ впередъ не подвигается. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ ему подвинуться? Вопросъ объ умѣ животныхъ есть вопросъ фактовъ, вопросъ опытнаго изслѣдованія; онъ не можетъ быть простымъ метафизическимъ тезисомъ.

Между-тѣмъ всѣ эти писатели, начиная отъ Декарта, никогда не выходятъ за предѣлы метафизики, что̀ очень легко доказать, особенно у Декарта.

Подробнѣе всего объ автоматизмѣ животныхъ Декартъ говоритъ въ сочиненіи *Разсужденіе о методѣ* [1]) и въ немъ онъ приводитъ два основанія, весьма тонкія и весьма глубокія. Первое, что «животныя не могутъ употреблять словъ и другихъ «знаковъ, которые мы употребляемъ для выраженія «нашихъ мыслей, и второе, что хотя животныя дѣ«лаютъ многое такъ же хорошо, какъ мы, и мо«жетъ-быть лучше насъ, но есть дѣйствія, кото«рыхъ не замѣчено у нихъ и слѣда, и по недостатку «ихъ можно убѣдиться, что они дѣйствуютъ не по

[1]) Discours sur la méthode, V partie, édition de œuvres de Descartes par M. Cousin.

«сознанію, а только по извѣстному устройству «своихъ органовъ. Весьма замѣчательно, —говоритъ «Декартъ,—то, что нѣтъ людей столь тупыхъ и «глупыхъ, не исключая даже сумасшедшихъ, ко- «торые не были бы способны расположить нѣсколь- «ко словъ въ порядкѣ, такъ, чтобы составить рѣчь «для выраженія своихъ мыслей; напротивъ, нѣтъ «ни одного животнаго, какъ бы оно ни было со- «вершенно и какими бы прекрасными способностя- «ми ни было надѣлено природою, которое могло «бы сдѣлать что-нибудь подобное. Это обстоя- «тельство, продолжаетъ онъ, доказываетъ нетоль- «ко-что у животныхъ разума меньше, чѣмъ у че- «ловѣка, но что у нихъ его вовсе нѣтъ [1]).» Да- лѣе онъ говоритъ: «Также весьма замѣчательно, «что хотя многія животныя больше насъ показы- «ваютъ искусства въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйстві- «яхъ, но тѣ же самыя животныя не показываютъ «его вовсе во многихъ другихъ дѣйствіяхъ; такъ, «что все, что они дѣлаютъ лучше насъ, не есть «еще доказательство ихъ ума, потому-что въ та- «комъ случаѣ они должны были бы имѣть разума «больше насъ и дѣлали бы все лучше,—но скорѣе «у нихъ его вовсе нѣтъ; дѣйствуетъ же въ нихъ «природа по устройству ихъ органовъ: такъ часы

[1]) Тамъ же.

«составлены только изъ колесъ и пружинъ, а меж-«ду-тѣмъ могутъ считать минуты и измѣрять вре-«мя вѣрнѣе, нежели мы со всѣмъ своимъ разу-«момъ [1]).»

Итакъ Декартъ, изъ того что животныя не могутъ говорить, выводитъ заключеніе, что у нихъ нѣтъ ума. Если въ-самомъ-дѣлѣ вникнуть въ то, что̀ такое рѣчь [2]), это выраженіе разума человѣка, созданное имъ самимъ, то легко понять всю силу, заключающуюся въ первомъ доказательствѣ Декарта.

Второе его доказательство показываетъ не менѣе глубокую проницательность. Эти странныя работы животныхъ, *то, что̀ они дѣлаютъ лучше насъ*, служатъ доказательствомъ не за ихъ разумъ, но противъ него: онѣ показываютъ,—выражаясь удачными словами самого Декарта,—«что вмѣсто «разума, долженствующаго быть общимъ орудіемъ «во всѣхъ случаяхъ, органы животныхъ необходи-«мо требуютъ нѣкотораго особеннаго расположе-«нія для каждаго особеннаго дѣйствія [3]).» Но здѣсь Декартъ смѣшиваетъ инстинкты животныхъ съ ихъ умомъ; въ эту же ошибку точно такъ же впадала

---

[1]) Discours sur la méthode, cinquième partie.

[2]) См. дальше главу о языкѣ животныхъ.

[3]) Discours sur la méthode, cinquième partie.

бо́льшая часть писателей послѣ Декарта, и различеніе этихъ, двухъ понятій е́сть первый шагъ, который долженъ былъ сдѣлать занимающій насъ вопросъ, какъ-скоро этотъ вопросъ былъ хорошо понятъ [1]).

Оставимъ на-время это различіе и разсмотримъ отчетливо, что́ Декартъ понимаетъ подъ автоматизмомъ, говоря о животныхъ. «Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [2]),—«что человѣкъ, (котораго онъ ставитъ, правда, въ нѣкоторыя особенныя условія [3]), необходимо приметъ, что въ животныхъ нѣтъ никакого настоящаго чувства, никакой настоящей страсти, какъ въ насъ, но что они только автоматы, несравненно совершеннѣе всякой машины, сдѣланной человѣкомъ.» Этими словами автоматизмъ животныхъ утверждается рѣшительно.

---

[1]) См. дальше главу о различіи инстинкта и ума животныхъ.

[2]) Oeuvres de Descartes, tome VII, page 398.

[3]) Онъ предполагаетъ человѣка, *никогда никого не видавшаго, кромѣ людей*, и который дѣлалъ бы самъ такихъ совершенныхъ автоматовъ, что еслибы не было двухъ вышеозначенныхъ признаковъ (*недостатка дара слова и невозможности во всемъ подражать*), „то онъ не могъ бы различить людей отъ автоматовъ, имѣющихъ видъ человѣка„. Этотъ-то человѣкъ, видя впослѣдствіи *животныхъ, которыхъ мы видимъ*, заключилъ бы, что это автоматы, потому-что у нихъ также *нѣтъ* дара слова, и также они *не имѣютъ возможности во всемъ подражать намъ*.

Но въ другомъ письмѣ [1]), гдѣ дѣло идетъ не о томъ, что подумалъ бы человѣкъ, поставленный въ то или другое положеніе, но о собственной мысли автора, онъ говоритъ: «Впрочемъ должно замѣтить, что я говорю о мысли, а не о жизни или чувствѣ; ибо я не отрицаю жизни ни у какого животнаго.... Я даже не отрицаю у нихъ ощущенія, на сколько это зависитъ отъ органовъ тѣла. Итакъ мое мнѣніе не слишкомъ жестоко для животныхъ.....»

Эти слова достойны замѣчанія, и на-самомъ-дѣлѣ они вполнѣ рѣшаютъ вопросъ. Декартъ не отнимаетъ у животныхъ ни жизни, ни чувства, а только мысль. Его автоматы суть живые, чувствующіе автоматы; слѣдовательно, автоматы не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Поэтому вопросъ измѣняется, коль-скоро чувство допущено у животныхъ. Здѣсь вопросъ уже не о чистомъ автоматизмѣ, но, если можно такъ выразиться, о смѣшанномъ автоматизмѣ или автоматизмѣ Бюффона.

БЮФФОНЪ.

«Если я хорошо выразился, — говоритъ Бюффонъ — «то должно быть понятно, что я далеко не отни- «маю всего у животныхъ, но напротивъ, приписы-

[1]) Oeuvres de Descartes, tome X, page 280.

«ваю имъ все, кромѣ мысли и разсужденія: въ нихъ «есть чувство, даже въ высшей степени, нежели у «насъ; въ нихъ есть сознаніе своего настоящаго существованія, но нѣтъ сознанія существованія прошедшаго; они принимаютъ впечатлѣнія, но имъ недостаетъ способности сравнивать ихъ, т.-е. силы, образующей понятія, потому-что понятія суть только сравненныя впечатлѣнія или, лучше, сочетаніе впечатлѣній [1]).»

Итакъ Бюффонъ допускаетъ у животныхъ жизнь и чувство, какъ Декартъ; онъ даетъ имъ сверхъ-того *сознаніе* своего настоящаго существованія [2]), и это есть значительный шагъ впередъ противъ Декарта. Но онъ отвергаетъ у нихъ мысль, способность разсуждать, память или сознаніе прошедшаго существованія и способность сравнивать впечатлѣнія или образовывать понятія.

Каждое изъ этихъ положеній заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія. У животныхъ есть сознаніе настоящаго существованія, но нѣтъ мысли; но что

---

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, p. 41, édition in-4, de l'imprimerie royale.

[2]) Декартъ всегда отрицалъ у животныхъ сознаніе впечатлѣній, онъ говоритъ: „Я именно показалъ, что, по моему мнѣнію, животныя не видятъ, какъ мы, когда мы чувствуемъ, что видимъ. Tome VI, p. 339.

же такое сознаніе существованія, какъ не различеніе, познаніе и, слѣдовательно, *мысль* существованія? Можетъ ли быть сознаніе безъ познанія и познаніе безъ мысли?

У нихъ нѣтъ *памяти*. Какъ! Неужели собака, которая различаетъ, т.-е. узнаетъ мѣста, въ которыхъ она жила, дороги, по которымъ бѣгала, эта собака, которую исправляетъ наказаніе, которая оплакиваетъ потерю господина, которая даже умираетъ на его могилѣ, не имѣетъ *памяти*?

«Все, повидимому доказываетъ,—говоритъ самъ «Бюффонъ,—что нельзя не признать памяти у жи«вотныхъ, и памяти дѣятельной, обширной и, можетъ «быть, болѣе вѣрной, чѣмъ наша [1]).» А между-тѣмъ онъ отвергаетъ память у животныхъ и почему? Потому-что этого требуетъ его система [2]).

---

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 55.

[2]) Факты заставляютъ его, несмотря на то, приписывать животнымъ нѣчто въ родѣ памяти (стр. 60). Онъ называетъ это *воспоминаніемъ*; но значитъ ли что-нибудь слово? Онъ говоритъ, что воспоминаніе есть возобновленіе впечатлѣній, тогда-какъ память есть слѣдъ представленій. Итакъ животныя имѣютъ чувство, ощущеніе, сознаніе своего существованія, воспоминаніе своихъ впечатлѣній, т.-е. кромѣ названія имъ приписывается настоящій умъ, разумѣется, гораздо ниже нашего, умъ, который недостигаетъ до размышленія, потому-что размышленіе есть, по мнѣнію Бюффона, способность общихъ идей и отвлеченныхъ понятій. Итакъ вопросъ объ умѣ животныхъ есть на-самомъ-дѣлѣ

Но послушаемъ Бюффона, когда онъ по-крайней-мѣрѣ отчасти забываетъ свою систему. «Горячій, гнѣвный, даже лютый и кровожадный нравъ дикой собаки, дѣлаетъ ее страшною для всѣхъ животныхъ; въ домашней же собакѣ онъ замѣняется чувствами самыми кроткими, удовольствіемъ привязанности и желаніемъ нравиться; она подползаетъ и кладетъ къ ногамъ своего господина свою храбрость, свою силу, свои способности; *она ждетъ* его *приказанія, чтобы употребить ихъ въ дѣло; она вопрошаетъ* его, *умоляетъ* его, *понимаетъ* волю его, выраженную знаками; не имѣя, какъ человѣкъ, свѣта мысли, она имѣетъ весь жаръ чувства и больше его обладаетъ вѣрностью, постоянствомъ въ своей привязанности; въ ней нѣтъ никакого честолюбія, никакой корысти, никакого желанія мщенія, никакой боязни, кромѣ опасенія неугодить; она вся—усердіе, пылкость и послушаніе; она болѣе чувствительна къ *воспоминанію* благодѣяній, нежели обидъ; ее не отталкиваетъ худое обращеніе; она переноситъ его, *забываетъ* или *помнитъ* только длятого, чтобы еще больше привязаться; отнюдь не раздражаясь и не убѣгая, подвергаетъ себя сама новымъ испытаніямъ, лижетъ орудіе боли—руку, которая ее

только вопросъ о предѣлѣ ума животныхъ; вопросъ, рѣшаемый фактами, а не словами, и къ которому я возвращусь дальше.

только-что ударила; отвѣчаетъ ей только жалобою и, наконецъ, обезоруживаетъ ее своимъ терпѣніемъ и покорностью [1]).»

Правда, что даже въ этомъ удивительномъ изображеніи Бюффонъ отказываетъ собакѣ въ *свѣтѣ мысли*. Но какимъ-образомъ безъ нѣкоторой *мысли*, т.-е. безъ нѣкотораго разума, собака можетъ *вопрошать* своего господина, *умолять его, понимать знаки его воли?* Какимъ-образомъ можетъ она *понимать* безъ *разума?* Особенно же какимъ-образомъ можетъ она, *не имѣя памяти*—какъ сейчасъ увѣрялъ Бюффонъ—*помнить* благодѣянія, *забывать* худое обращеніе? Бюффонъ, какъ историкъ, признаетъ то, что̀ отвергаетъ какъ философъ. Откуда же происходитъ такое странное противорѣчіе, обнаруживающееся даже въ выраженіяхъ? Не то̀ ли причиною этому, что Бюффонъ, несмотря на свой великій умъ, подчиняется вліянію того труда, которому предается; что какъ историкъ, онъ ближе къ фактамъ, а какъ философъ—къ системѣ?

Я продолжаю разборъ предложеній, въ которыхъ, какъ мы видѣли, онъ самъ вкратцѣ изложилъ свою систему. Онъ отнимаетъ у животныхъ способность размышлять и, разумѣется, въ этомъ случаѣ

---

[1]) Histoire du chien, tome V, page 126.

онъ совершенно правъ; ибо онъ понимаетъ подъ размышленіемъ «то дѣйствіе, по которому мы возвышаемся до общихъ понятій, необходимыхъ для постиженія отвлеченныхъ предметовъ [1])». Но можетъ ли быть отнято у животныхъ всякое размышленіе? Собака, которая, держа въ пасти добычу, противится настоящему желанію пожрать ее, дѣлаетъ это нетолько потому, что *помнитъ* полученное наказаніе, но потому-что *предвидитъ*, что новая ошибка будетъ имѣть послѣдствіемъ новое наказаніе; она противится, потому-что *помнитъ* и *предвидитъ*, а если есть *предусмотрѣніе*, то нѣтъ ли въ этомъ нѣкотораго *размышленія?*

Наконецъ Бюффонъ отказываетъ животнымъ даже въ *способности сравнивать впечатлѣнія.* Однакожъ собака, будучи поставлена между воспоминаніемъ о *прошедшемъ* наказаніи и возбужденіемъ *настоящаго удовольствія*, колеблется, разсуждаетъ, сомнѣвается и рѣшается только послѣ долгой борьбы; эта собака конечно *сравниваетъ*. Но Бюффонъ не допускаетъ этого; онъ видитъ во всей этой внутренней борьбѣ животнаго, только видимыя явленія и механизмъ. «Какъ ни поразительны эти видимыя явленія,—говоритъ

---

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 68.

онъ,—по моему мнѣнію, можно доказать, что они насъ обманываютъ [1]).»

Простыя *механическія сотрясенія* достаточны для него, чтобы объяснить все. «Если число сотрясеній, способныхъ возбудить желаніе,—говоритъ онъ,—превосходитъ число сотрясеній, способныхъ возродить отвращеніе, то животное необходимо рѣшится сдѣлать движеніе длятого, чтобы удовлетворить желанію; если же число или сила сотрясеній желанія будутъ равны числу или силѣ сотрясеній отвращенія, то животное ни на что не рѣшится,—оно останется въ равновѣсіи между этими двумя равными силами и не сдѣлаетъ никакого движенія, ни для достиженія, ни для избѣжанія [1]).» Итакъ въ животныхъ нѣтъ никакого сравниванія, никакого разсужденія, никакой борьбы; все приводится къ простымъ *сотрясеніямъ желанія и отвращенія*. Таковъ *механизмъ* Бюффона: *механизмъ*, въ которомъ, по довольно странному произволу, принимаются какъ *дѣйствительность*, всѣ факты относящіеся къ чувству и отвергаются, какъ *ка-*

---

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 55.

[1]) Тамъ же стр. 29. Я замѣняю въ этой цитатѣ слово—образъ словомъ—сотрясеніе, потому-что во всей ситемѣ Бюффона родовое названіе есть сотрясеніе и я ссылаюсь на этотъ примѣръ только длятого, чтобы дать лучшее понятіе о его общей системѣ.

жущіеся, всѣ факты относительно ума, *механизмъ*, въ которомъ все опровергаетъ само себя и противорѣчитъ себѣ, и который, какъ очень хорошо выразился Жоржъ Кювье, менѣе понятенъ, чѣмъ Декартовъ [1]).»

РЕОМЮРЪ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Бюффонѣ. Съ Реомюромъ и Бюффономъ начинается положительное и наблюдательное изученіе *внутреннихъ способностей* животныхъ. Геній обоихъ этихъ знаменитыхъ мужей былъ нетолько различенъ, но даже противоположенъ. Реомюръ съ самою остроумною проницательностью наблюдаетъ подробности; въ Бюффонѣ же видна вездѣ привычка смотрѣть съ общей точки зрѣнія и потребность — доходить до причинъ. Реомюра легко узнать по слѣдующей фразѣ: «Будемъ описывать, сколько возможно-точно, произведенія Божеской Премудрости: это самый лучшій способъ славить Ее [2])». Бюффонъ же, когда старается составить себѣ понятіе о Всевышнемъ Существѣ, то видитъ его Творцомъ вселенной, создателемъ гармоніи существъ, основывающимъ природу на законахъ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ ([3]).

---

[1]) Biographie universelle: Vie de Buffon.

[2]) Mémoires pour servir à l'histoire des insectes, tome I, page 25.

[3]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 95.

Реомюръ сказалъ о насѣкомыхъ вообще: «Мы видимъ въ этихъ животныхъ, какъ и во всякихъ другихъ, дѣйствія, дающія поводъ думать, что у нихъ есть умъ въ извѣстной степени [1]).» Говоря о пчелахъ, онъ упоминаетъ о ихъ *предусмотрительности*, о ихъ *привязанности* и пр. въ выраженіяхъ, слишкомъ-много отзывающихся энтузіазмомъ наблюдателя. Послѣ Реомюра многіе естествоиспытатели вдались еще въ бо̀льшую крайность. По ихъ мнѣнію, насѣкомыя превосходятъ всѣхъ другихъ животныхъ смышленостью. Поэтому Бюффонъ говоритъ съ ироніею, что, «всегда тѣмъ больше восхищаются, чѣмъ больше наблюдаютъ и чѣмъ меньше разсуждаютъ [2]).»

Онъ оспаривалъ всѣ эти преувеличенныя мнѣнія. «Тѣ животныя, — говоритъ онъ, — которыя болѣе походятъ на человѣка и по наружному виду, и по организаціи, всегда удержатъ, несмотря на защитниковъ насѣкомыхъ, мѣсто ими до-сихъ-поръ занимаемое, и будутъ выше всѣхъ прочихъ по внутреннимъ качествамъ.... такъ, что обезьяна, собака, слонъ и другія четвероногія, будутъ въ первомъ разрядѣ; китообразныя [3]) во второмъ разрядѣ; птицы въ третьемъ, пото-

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire des insectes, tome I, page 22.

[2]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 91.

[3]) Со временъ Бюффона китообразныя заняли свое настоящее мѣсто, которое, въ отношеніи къ уму, ставитъ ихъ гораздо выше

му-что онѣ во всякомъ случаѣ отличаются отъ человѣка болѣе, чѣмъ китообразныя и четвероногія; и еслибъ не было существъ, которыя, какъ напр. устрицы или полипы, повидимому отличаются отъ него больше всѣхъ, то насѣкомыя были бы по-справедливости животными послѣдняго разряда [1]).»

Итакъ Бюффонъ указываетъ насѣкомымъ ихъ настоящее мѣсто и, что̀ еще важнѣе, означаетъ степени *внутреннихъ способностей* животныхъ. Но, съ одной стороны, онъ видитъ въ этихъ внутреннихъ способностяхъ, даже самыхъ возвышенныхъ, только *механизмъ*; тогда-какъ, съ другой стороны, Реомюръ видитъ *умъ* даже въ очень низкихъ животныхъ, т.-е. въ насѣкомыхъ.

Это происходитъ отъ того, что до-тѣхъ-поръ не было еще сдѣлано основательнаго различія между *инстинктомъ и умомъ* животныхъ. Реомюръ и Бюффонъ вездѣ смѣшиваютъ инстинктъ съ умомъ; Бюффонъ, думая что отрицаетъ только *умъ*, доходитъ даже до отрицанія *инстинкта*; Реомюръ же, желая можетъ-быть вездѣ приписывать животнымъ только *инстинктъ*, доходитъ до признанія у нихъ *ума*.

многихъ другихъ млекопитающихъ. Птицы же занимаютъ второй разрядъ.

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 100.

Какъ бы то ни было, первый шагъ къ разрѣшенію важной задачи о внутреннихъ способностяхъ животныхъ состоитъ въ этомъ различеніи. Но его не видѣли ни Реомюръ, ни Бюффонъ, даже самъ Кондильякъ, обладавшій столь свѣтлымъ и вѣрнымъ умомъ, также не замѣтилъ его. Такъ онъ въ своемъ разсужденіи о животныхъ (Traité des animaux), направленномъ преимущественно противъ Бюффона, является въ двухъ различныхъ видахъ: онъ выражается съ удивительною ясностью и точностью, пока дѣло идетъ объ умственныхъ отправленіяхъ животныхъ, и становится мелочнымъ, запутаннымъ и темнымъ, какъ-только дѣло доходитъ до ихъ инстинктивныхъ отправленій.

Бюффонъ допускаетъ, какъ мы уже видѣли, что животныя чувствуютъ. Кондильяку вовсе нетрудно доказать ему, что если животныя чувствуютъ, то они должны чувствовать точно такъ, какъ мы; ибо, какъ замѣчаетъ онъ, «предложенія: *животныя чувствуютъ и человѣкъ чувствуетъ*, должны быть понимаемы одинакимъ образомъ, въ противномъ случаѣ съ словомъ *чувствовать*, когда оно говорится о животныхъ, не соединяютъ никакого представленія [1]).» Далѣе онъ доказываетъ ему

[1]) Traité des animaux, chapitre II, première partie.

явное противорѣчіе въ выраженіяхъ, что въ животныхъ все дѣлается по механизму и что въ то же время они чувствуютъ [1]). Наконецъ онъ доказываетъ, что у животныхъ есть память, представленія, что они сравниваютъ и судятъ [2]); но какъ-только онъ переходитъ къ инстинкту, который старается подвести *подъ умъ посредствомъ привычки*, онъ теряетъ всѣ свои преимущества. Онъ говоритъ, *что инстинктъ или ничто, или начало познанія* [3]). Въ этомъ предложеніи заключается двойное заблужденіе: инстинктъ есть фактъ, фактъ коренной, который не можетъ быть сведенъ ни въ какой другой; слѣдовательно *инстинктъ* есть *ничто*; между-тѣмъ онъ не есть начало познанія. Онъ также не можетъ быть привычкою [4]), какъ думаетъ Кондильякъ, потому-что инстинктъ предшествуетъ всякой *привычкѣ*.

«Размышленіе,—говоритъ онъ,—дѣйствуетъ при началѣ привычекъ, но помѣрѣ-того какъ оно

---

[1]) „Я не могу понять,—говоритъ онъ,—что онъ (Бюффонъ) понимаетъ подъ способностью чувствовать, приписываемою имъ животнымъ; онъ, который, какъ Декартъ, думаетъ объяснить всѣ дѣйствія ихъ механизмомъ, ibidem. Выше можно было видѣть, что самъ Декартъ впалъ въ это противорѣчіе. Какъ въ Декартѣ, такъ и въ Бюффонѣ фактъ выказывается самъ, несмотря на систему.

[2]) Traité des animaux, chapitre V, premiѐre partie.

[3]) Traité des animaux, chapitre V, deuxième partie.

[4]) „Инстинктъ, говоритъ онъ, есть только привычка, лишенная размышленія.“ Тамъ же, глава V, часть вторая.

ихъ образуетъ, оно предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Такъ-что,—прибавляетъ онъ,—всѣ дѣйствія привычки лишены размышленія [1]).» И все это справедливо, но справедливо только въ-разсужденіи предметовъ, относящихся къ разуму. Итакъ, онъ бываетъ и правъ, и не правъ, смотря потому, говоритъ ли онъ объ *инстинктѣ*, или объ *умѣ*. Онъ правъ, когда говоритъ, что если животныя изобрѣтаютъ меньше чѣмъ мы, если они совершенствуются меньше, то это не значитъ, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ ума, но что ихъ умъ ограниченнѣе [2]). Но онъ неправъ, когда говоритъ, что бобръ строитъ свою хижину, или птица вьетъ гнѣздо вслѣдствіе нѣкотораго изобрѣтенія, т.-е. потому, что они *сравниваютъ, судятъ, открываютъ* [3]). И вся его теорія способностей животныхъ существенно ошибочна въ томъ, что онъ смѣшиваетъ два существенно-различныхъ факта—*инстинктъ и умъ*.

ГЕОРГЪ ЛЕРУА.

Недостатокъ теоріи Леруа, хотя и въ меньшей степени, тотъ же самый.

Г. Леруа смѣшиваетъ, также какъ и Кон-

---

[1]) Traité des animaux, chapitre I, deuxième partie.

[2]) Traité des animaux, chapitre II, deuxième partie.

[3]) Ibidem.

дильякъ — *инстинктъ* съ *умомъ*. «Задача состоитъ въ томъ, — говоритъ онъ въ самомъ началѣ, — чтобы понять, какимъ-образомъ посредствомъ повторенаго дѣйствія ощущенія и посредствомъ дѣятельности памяти, инстинктъ животныхъ возвышается до ума [1]).»

Почти вездѣ онъ старается найти источникъ особенныхъ инстинктовъ животныхъ, въ какомъ-нибудь общемъ свойствѣ ихъ обыкновенныхъ способностей: такъ искусство производитъ онъ отъ слабости [2]), общежительность отъ боязни [3]), инстинктъ побуждающій запасать кормъ отъ прежде-испытаннаго голода [4]). Онъ выражаетъ даже мнѣніе, что перелеты птицъ суть плодъ обученія, переходящаго изъ поколѣнія въ поколѣніе [5]).

А между-тѣмъ въ дѣйствительности особенныя искусства животныхъ, какъ напр. бобра въ постро-

---

[1]) Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux, page 5.

[2]) Стр. 53. Говоря о кроликѣ, роющемъ себѣ нору, онъ замѣчаетъ: „что можетъ-быть приписываютъ то его искусству, что происходитъ только отъ его слабости.“

[3]) Стр. 64. „Животныя, которыя повидимому живутъ въ обществѣ, соединяются изъ боязни, и пр. стр. 65. „Всѣ травоядныя, живущія обществомъ, кажется, соединяются единственно отъ страха“, и пр.

[4]) Стр. 76.

[5]) Lettres philosophiques, page 216.

къ хижины, кролика въ вырытой норы, птицы при свиваніи гнѣзда, зависятъ отъ коренныхъ и опредѣленныхъ инстинктовъ. Вслѣдствіе инстинкта, нѣкоторые роды бываютъ общежительны, другіе запасаютъ кормъ, третьи, изъ класса птицъ, переселяются или путешествуютъ.

Но если отложить въ сторону смѣшеніе извѣстнаго числа явленій инстинкта съ явленіями собственно ума, то сочиненіе Г. Леруа снова получаетъ всю свою важность. Это самое глубокое изученіе умственныхъ способностей животныхъ, какое только было до тѣхъ поръ. Авторъ шагъ-за-шагомъ слѣдитъ за развитіемъ этихъ способностей и, если можно такъ выразиться, за зарожденіемъ ихъ: онъ видитъ, что ощущеніе и память достаточны для объясненія бо́льшей части дѣйствій животныхъ [1]), что опытность исправляетъ ихъ сужденія [2]), вниманіе и привычка размышлять—расширятъ ихъ умъ [3]).

Онъ доказываетъ, что воспитаніе молодыхъ животныхъ основывается на ихъ памяти; онъ разсматриваетъ ту послѣдовательность, съ которою животное переходитъ отъ нужды къ желанію, отъ желанія къ вниманію, и отъ вниманія къ опыту [4]).

[1]) Lettres philosophiques, page 5.
[2]) Page 34
[3]) Page 36.
[4]) Page 52.

Онъ наконецъ заключаетъ, «что животныя представляютъ, хотя въ низшей степени чѣмъ мы, всѣ признаки ума [1]); что они чувствуютъ, потому-что выказываютъ очевидные знаки боли и удовольствія; вспоминаютъ, потому-что избѣгаютъ того, что имъ повредило и ищутъ того, что имъ понравилось; сравниваютъ и судятъ, потому-что колеблются и выбираютъ; размышляютъ о своихъ дѣйствіяхъ, потому-что опытъ научаетъ ихъ, а повторенные опыты измѣняютъ ихъ первоначальныя сужденія [2])».

Итакъ животныя имѣютъ умъ. Но вся трудность очевидно состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить точный предѣлъ этого ума. Замѣтимъ, что здѣсь существуетъ не одинъ предѣлъ; разсматривая всѣхъ животныхъ вдругъ, здѣсь дѣлали то же самое смѣшеніе, какъ и принимая во всѣхъ дѣйствіяхъ животныхъ и разумныхъ инстинктивныхъ, одно начало — или механическое [3]), или разумное [4]).

Я уже сказалъ: *инстинктъ* есть сила коренная, самостоятельная, какъ *чувствительность*, какъ *раздражительность*, какъ *умъ*. Даже въ человѣкѣ

---

1) Lettres philosophiques, page 258.

2) Page 259.

3) Механическое: Декартъ, Бюффонъ.

4) Разумное: Реомюръ, Кондильякъ, Г. Леруа.

есть *инстинктъ*: дитя по особому *инстинкту* сосетъ грудь тотчасъ послѣ рожденія [1]), но человѣкъ почти все дѣлаетъ вслѣдствіе ума, и *умъ* замѣняетъ у него *инстинктъ*. У низшихъ животныхъ на оборотъ: инстинктъ имъ дарованъ какъ пособіе ихъ уму.

Итакъ первый шагъ, который нужно было сдѣлать,—различить *инстинктъ* отъ *ума*, второй—отличить классы и роды въ отношеніи, какъ къ уму, такъ и къ инстинктамъ. Бюффонъ, какъ мы видѣли, подалъ первую мысль объ этой постепенной лѣствицѣ *внутреннихъ способностей* животныхъ. Но чѣмъ болѣе дѣлалось наблюденій, тѣмъ болѣе понимали и тѣмъ лучше обозначали всѣ эти степени, почти безчисленныя, которыя ставятъ млекопитающихъ такъ далеко выше птицъ, птицъ выше пресмыкающихся, и рыбъ, всѣхъ позвоночныхъ, выше безпозвоночныхъ и всѣ различные классы безпозвоночныхъ на такое огромное разстояніе однихъ отъ другихъ. И это еще не все: есть степени, различные предѣлы для семействъ, родовъ, видовъ, точно также какъ и для классовъ. Изъ млекопитающихъ: собака, лошадь, слонъ, орангъ-

1) Я повѣрялъ надъ многими животными тотъ извѣстный фактъ, что дѣтеныши приближенные къ сосцамъ, сосутъ даже еще не совсѣмъ вышедши изъ утробы матери.

утангъ стоятъ гораздо выше овцы, лѣнивца и даже бобра, несмотря на особенный инстинктъ, который онъ имѣетъ, но который есть только инстинктъ. Есть птицы, которыя привязываются къ своему хозяину, идутъ на его голосъ, даже подражаютъ его словамъ. Не всѣ рыбы одинаково тупы и пр. Итакъ вездѣ степени, вездѣ предѣлы, и два великіе факта господствуютъ надъ всѣмъ вопросомъ о смышлености животныхъ: одинъ отдѣляетъ инстинктъ отъ ума, а другой раздѣляетъ животныхъ на классы и виды по уму или по инстинктамъ.

Ф. КЮВЬЕ.

Начиная съ Декарта до Бюффона [1]) втеченіи болѣе ста лѣтъ, вопросъ объ умѣ животныхъ былъ, какъ мы сейчасъ видѣли, только чисто-метафизическимъ вопросомъ. Съ Бюффономъ, съ Г. Леруа, онъ начинаетъ становиться вопросомъ положительнымъ и опытнымъ.

Онъ совершенно становится такимъ у Ф. Кювье.

Ф. Кювье искалъ фактовъ чистыхъ, ясныхъ, разграниченныхъ точными предѣлами.

Онъ искалъ предѣловъ, различающихъ умъ у

---

[1]) Т.-е. начиная съ *разсужденія о методѣ*, изданнаго въ 1637, до *разсужденія о природѣ животныхъ*, въ 1753 году.

разныхъ родовъ, предѣловъ, раздѣляющихъ инстинктъ отъ ума, и умъ человѣка отъ ума животныхъ. И какъ-только эти три предѣла были найдены, то вопросъ объ умѣ животныхъ, предметъ столь долгихъ споровъ, принялъ новый видъ.

Съ одной стороны Декартъ и Бюффонъ отнимаютъ у животныхъ всякій умъ, потому-что имъ весьма справедливо не желалось бы приписывать животнымъ умъ человѣка; это потому, что они не видятъ границы, отдѣляющей умъ человѣка отъ ума животныхъ.

Съ другой стороны Кондильякъ и Леруа приписываютъ животнымъ даже самыя возвышенныя умственныя дѣйствія: это потому, что они основываются на явленіяхъ, которые на-самомъ-дѣлѣ еслибы зависѣли отъ ума, то потребовали бы непремѣнно этихъ дѣйствій; они не видятъ границы, отдѣляющей инстинктъ отъ ума.

Первый результатъ наблюденій Ф. Кювье есть опредѣленіе степеней ума въ различныхъ разрядахъ млекопитающихъ.

Въ низшей степени *ума* является *у грызуновъ*, онъ болѣе развитъ у *отрыгающихъ жвачку*, еще болѣе у *толстокожихъ*, въ главѣ которыхъ должны быть поставлены лошадь и слонъ, еще болѣе у *хищныхъ*, въ главѣ которыхъ должна стоять со-

бака, и, наконецъ, у *четырерукихъ*, въ главѣ которыхъ находятся орангъ-утангъ и шимпанзе.

Этотъ фактъ существованія степеней ума у млекопитающихъ, съ одной стороны выводимый изъ прямаго наблюденія, съ другой подтверждается и анатоміею, которая показываетъ, что часть мозга, составляющая по преимуществу сѣдалище ума у животныхъ, болѣе-и-болѣе развивается, начиная отъ грызуновъ и переходя къ отрыгающимъ жвачку, къ толстокожимъ, хищнымъ и четырерукимъ [1]).

Грызунъ не различаетъ индивидуально человѣка, который за нимъ ходитъ, отъ всякаго другаго. Отрыгающее жвачку животное отличаетъ своего хозяина, но простая перемѣна платья достаточна для того, чтобы оно не узнало его. Такъ бизонъ въ королевскомъ саду былъ вполнѣ подчиненъ своему сторожу, но какъ-только этотъ сторожъ перемѣнилъ платье, то бизонъ, не узнавши его, бросился на него. Сторожъ надѣлъ опять обыкновенное свое платье, и бизонъ узналъ его. Два барана, живущіе вмѣстѣ, какъ-скоро бываютъ острижены, съ яростью бросаются другъ на друга.

Всѣмъ извѣстенъ умъ *слона, лошади,* между тол-

---

[1]) Смотри Recherches expérimentales sur les propriétés et les onctions du système nerveux (seconde édition). Paris. 1842.

стокожими. Ф. Кювье думаетъ, что *свинья*, несмотря на свои грубыя наклонности, стоитъ не очень ниже слона по уму; онъ видѣлъ одну мексиканскую свинью (pecari), которая была столь же кротка, ручна, какъ самая покорная собака. Кабанъ легко дѣлается ручнымъ; онъ узнаетъ того, кто за нимъ ходитъ, повинуется ему, его можно кой-чему выучить.

Наконецъ у *хищныхъ* и *четырехъ рукихъ*, кажется, умъ является въ самой высшей степени, какой можетъ достигнуть у животныхъ. И изъ всѣхъ животныхъ орангъ-утангъ, повидимому, обладаетъ наибольшимъ умомъ.

Молодой орангъ-утангъ, котораго изучалъ Ф. Кювье, былъ только 15 или 16 мѣсяцевъ; между-тѣмъ онъ любилъ общество, привязывался къ особамъ, которыя за нимъ ходили, любилъ ласки, цѣловался какъ мы, сердился когда ему противились, и изъявлялъ свой гнѣвъ тѣмъ, что кричалъ и катался по землѣ.

Вотъ нѣкоторые факты, наблюденные Ф. Кювье. Его молодой орангъ-утангъ любилъ лазить по деревьямъ и сидѣть на нихъ. Однажды кто-то показалъ видъ, что хочетъ взлѣзть на одно изъ деревьевъ, чтобы взять его; онъ тотчасъ изъ всѣхъ силъ сталъ качать дерево, чтобы испугать прибли-

жающуюся къ нему особу: какъ-только эта особа удалялась, онъ останавливался; когда она приближалась, онъ опять начиналъ качать дерево. «Съ какой бы стороны, говоритъ Ф. Кювье, ни разсматривать только-что приведенное дѣйствіе, невозможно не видѣть въ немъ плода соединенія мыслей и не признать въ животномъ, которое его сдѣлало, способности обобщать.» Въ-самомъ-дѣлѣ, орангъ-утангъ очевидно дѣлалъ въ этомъ случаѣ заключеніе отъ себя къ другимъ: не разъ пугало его сильное колебаніе тѣлъ, на которыхъ онъ помѣщался, поэтому онъ изъ боязни, испытываемой имъ самимъ, выводилъ заключеніе о боязни, испытываемой другими или, другими словами, какъ выразился Ф. Кювье, изъ частнаго обстоятельства дѣлалъ общее правило».

Г. Леруа сказалъ: «какъ-только волкъ появляется, его преслѣдуютъ; толпа и смятеніе показываютъ ему, какъ его боятся и все, чего онъ самъ долженъ бояться. Зато всякій разъ, какъ человѣческій запахъ поражаетъ его обоняніе, онъ возбуждаетъ въ немъ мысли объ опасности. Предложеніе самой привлекательной добычи остается тщетнымъ при подобной страшной обстановкѣ; даже и тогда, когда пройдетъ уже этотъ запахъ, добыча долго кажется ему опасною. Волкъ, продолжаетъ онъ, можетъ

имѣть только отвлеченное представленіе объ опасности; такъ-какъ у него нѣтъ частнаго знанія свѣтей, которыя ему ставятъ [1]).»

Но возвратимся къ орангъ-утангу. Длятого, чтобы отворить дверь комнаты, въ которой онъ содержался, онъ долженъ былъ, по своему малому росту [2]), взлѣзать на стулъ, стоявшій возлѣ двери. Вздумали унести этотъ стулъ; орангъ-утангъ отъискалъ другой стулъ и, поставивъ его на мѣсто перваго, точно такъ же взлѣзалъ на него, чтобы отворять дверь. Наконецъ, когда ему отказывали въ томъ, чего онъ сильно желалъ, то такъ-какъ онъ не смѣлъ сдѣлать что-нибудь особѣ, которая ему не уступала, онъ наказывалъ самъ себя и бился головою объ землю: онъ причинялъ себѣ боль длятого, чтобы внушить къ себѣ больше участія и состраданія. То же самое дѣлаетъ человѣкъ въ дѣтствѣ; изъ животныхъ же ни одно не прибѣгаетъ къ этому, кромѣ орангъ-утанга.

Но вотъ что̀ еще замѣчательнѣе. Умъ орангъ-утанга, такъ сильно развитый и съ столь раннихъ лѣтъ, пропадаетъ съ лѣтами. Орангъ-утангъ въ молодости удивляетъ насъ своею проницатель-

---

[1]) Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux, page 18.

[2]) Около двухъ съ половиною футовъ.

ностью, хитростью, ловкостью; орангъ-утангъ взрослый дѣлается звѣрскимъ, грубымъ, неукротимымъ. То же бываетъ со всѣми обезьянами. У всѣхъ у нихъ умъ упадаетъ помѣрѣ возрастанія силъ. Итакъ для животнаго, разсматриваемаго какъ существо способное къ усовершенствованію, положенъ извѣстный предѣлъ нетолько для каждаго рода, но даже для каждаго недѣлимаго. Животное, обладающее больше всѣхъ умомъ, обладаетъ имъ только въ молодости.

Положивъ границы, отдѣляющія умъ разныхъ видовъ животныхъ, Ф. Кювье ищетъ границу, раздѣляющую инстинктъ отъ ума. Здѣсь наблюденія его въ-особенности обращены на бобра.

Бобръ есть млекопитающее изъ разряда грызуновъ, т.-е. разряда, обладающаго умомъ менѣе всѣхъ другихъ, какъ мы уже и видѣли; но бобръ обладаетъ чудеснымъ инстинктомъ устроивать себѣ хижину, строить ее въ водѣ, дѣлать плотины, гати и все это съ такимъ искусствомъ, которое предполагало бы въ этомъ животномъ очень развитый умъ, еслибы только оно зависѣло отъ ума.

Итакъ главною задачею было доказать, что оно не зависитъ отъ ума, и Ф. Кювье доказалъ это. Онъ бралъ очень молодыхъ бобровъ, которые, будучи воспитаны вдали отъ родителей, не могли ничего

перенять отъ нихъ; между-тѣмъ когда ихъ уединяли и помѣщали въ клѣтку нарочно длятого, чтобы они не имѣли надобности строить, они все-таки строили, влекомые какою-то машинальною, слѣпою силою, однимъ словомъ, чистымъ инстинктомъ.

Самая полная противоположность раздѣлятъ инстинктъ отъ ума.

Въ инстинктѣ все слѣпо, необходимо и неизмѣнно; въ умѣ все подлежитъ выбору, условію и измѣняемости. Бобръ,—устроивая себѣ хижину, птица—свивая себѣ гнѣздо, дѣйствуютъ только по инстинкту.

Собака, лошадь, которыя даже выучиваютъ значеніе нашихъ словъ и повинуются намъ, дѣйствуютъ по уму.

Въ инстинктѣ все врожденно: бобръ строитъ, никогда тому не учившись; ничто въ инстинктѣ не зависитъ отъ произвола: бобръ строитъ, будучи управляемъ постоянною и непреодолимою силою.

Въ умѣ все происходитъ отъ опытности и обученія: собака повинуется только потому, что ее тому научили; все въ умѣ свободно: собака повинуется только потому, что хочетъ этого.

Наконецъ въ инстинктѣ все частно: свое столь удивительное искусство при постройкѣ хижины, бобръ можетъ приложить только къ постройкѣ

своей хижины; въ умѣ все обще: такъ, та же самая гибкость вниманія, употребляемая собакою при по-виновеніи, можетъ быть ею приложена и ко всякому другому случаю.

Итакъ въ животныхъ заключаются двѣ силы различныя и коренныя: *инстинктъ* и *умъ*. Пока эти силы были смѣшиваемы, все въ дѣйствіяхъ животныхъ было темно и противорѣчило одно другому. Изъ числа этихъ дѣйствій — по однимъ человѣкъ стоялъ выше скота, по другимъ же, казалось, преимущество переходило на сторону скотовъ. Противорѣчіе, сколь нелѣпое, столь же и жалкое! Какъ-скоро найдено различіе слѣпыхъ и необходимыхъ дѣйствій отъ дѣйствій избираемыхъ и условныхъ, или однимъ словомъ инстинкта отъ ума, то исчезаетъ всякое противорѣчіе, ясность заступаетъ мѣсто запутанности: все, что̀ въ животныхъ есть дѣло ума, ни въ какомъ отношеніи не приближается къ уму человѣка; все же, что̀ кажется умомъ, превышающимъ умъ человѣка въ животныхъ, есть ничто иное, какъ машинальная и слѣпая сила.

Теперь остается только положить также границу между умомъ человѣка и умомъ животныхъ.

Животныя своими чувствами получаютъ впечатлѣнія, подобныя тѣмъ, которыя мы получаемъ;

они сохраняютъ, какъ и мы, слѣды этихъ впечатлѣній; сохраненныя впечатлѣнія образуютъ, какъ у нихъ, такъ и у насъ, многочисленныя и разнообразныя сочетанія; они ихъ совокупляютъ, находятъ между ними отношенія и выводятъ сужденія, слѣдовательно, обладаютъ умомъ.

Но весь ихъ умъ тѣмъ и ограничивается. Этотъ умъ ихъ не созерцаетъ, не видитъ, не знаетъ самого себя. Въ нихъ нѣтъ способности размышлять, этой высочайшей способности человѣческаго ума— наблюдать надъ самимъ собою и изучать умъ.

Итакъ способность *размышлять*, опредѣленная такимъ образомъ, составляетъ границу между умомъ человѣка и умомъ животныхъ. Въ этомъ состоитъ глубокая черта разграниченія. Мысль, которая сама себя созерцаетъ, разумъ, который себя видитъ и изучаетъ, знаніе, которое себя знаетъ, очевидно, составляютъ рядъ опредѣленныхъ рѣзкихъ явленій, недосягаемыхъ ни для какого животнаго. Въ этомъ заключается, если можно такъ выразиться, міръ чисто-духовный, принадлежащій только человѣку. Однимъ-словомъ, животныя чувствуютъ, знаютъ, мыслятъ; но одному только человѣку изъ всѣхъ живыхъ существъ дана возможность чувствовать, *что онъ чувствуетъ*, знать, что онъ знаетъ, мыслить, что онъ мыслитъ.

II.

О НѢКОТОРЫХЪ МНѢНІЯХЪ ОБЪ УМѢ ЖИВОТНЫХЪ.

АРИСТОТЕЛЬ.

Аристотель въ своей книгѣ о *животныхъ* излагаетъ все вмѣстѣ—и зоологію, и сравнительную анатомію, и естественную исторію въ собственномъ смыслѣ.

Онъ далъ зоологіи первые зародышы естественной системы, сравнительной анатоміи—великое начало *сравненія органовъ* [1]); естественной исторіи, собственно говоря, множество наблюденій, которыя новѣйшіе ученые находили тѣмъ болѣе точными, чѣмъ болѣе узнавали сами.

Я стараюсь здѣсь только составить себѣ ясное представленіе о томъ, что̀ думалъ Аристотель относительно ума животныхъ.

Философія Декарта есть философія качествъ рѣзкихъ и исключающихъ другъ друга. Философія Аристотеля есть философія качествъ, идущихъ постепенно и связывающихся между собою.

---

[1]) См. что̀ я говорилъ о началѣ *сравненія органовъ*, въ моей „Исторіи трудовъ Г. Кювье“ (Histoire des travaux de G. Cuvier. Второе изданіе, стр. 150.

Гораздо прежде Лейбница и Боннета, Аристотель предполагалъ лѣствицу существъ [1]).

«Переходъ отъ существъ неодушевленныхъ къ животнымъ, говоритъ онъ, совершается мало-помалу: непрерывность градацій закрываетъ предѣлы, раздѣляющіе эти два класса существъ, и не даетъ видѣть границы, отдѣляющей ихъ одинъ отъ другаго. За неодушевленными существами слѣдуютъ сперва растенія, которыя различаются между-собою тѣмъ, что въ однихъ изъ нихъ, повидимому, жизнь участвуетъ болѣе, чѣмъ въ другихъ. Весь родъ растеній кажется почти одушевленнымъ, если сравнивать его съ другими тѣлами; напротивъ, онѣ кажутся неодушевленными, если сравнивать ихъ съ животными. Отъ растеній къ животнымъ переходъ не внезапный и не рѣзкій; въ моряхъ находятъ тѣла, о которыхъ можно сомнѣваться — животныя ли они или растенія.... Таже незамѣтная постепенность, которая даетъ нѣкоторымъ тѣламъ болѣе жизни и движенія, чѣмъ другимъ, видна и въ жизненныхъ отправленіяхъ [2]).»

Нигдѣ Декартъ не былъ такъ исключителенъ, какъ въ дѣлѣ ума; онъ даетъ все человѣку и отни-

[1]) См. О постепенности существъ въ моей „Исторіи трудовъ и идей Бюффона“ (Histoire des travaux et des idées de Buffon). Второе изданіе, стр. 34.

[2]) Histoire des animaux, traduction de Camus, livre VIII, page 451.

маетъ все у животныхъ. Аристотель видитъ здѣсь, какъ и вездѣ, аналогіи, степени, оттѣнки.

«Въ бо́льшей части животныхъ, говоритъ онъ, встрѣчаются слѣды тѣхъ же душевныхъ способностей, которыя являются въ человѣкѣ болѣе рѣзкимъ образомъ. У животныхъ можно замѣтить нравъ, покорный или дикій: кротость, свирѣпость, великодушіе, низость, боязливость, довѣріе, гнѣвъ злобу... Въ нѣкоторыхъ замѣчается даже что́-то, похожее на обдуманное благоразуміе человѣка. Къ этому можно примѣнить то, продолжаетъ онъ, что было сказано о частяхъ тѣла. Нѣкоторыя животныя, въ сравненіи съ человѣкомъ, различаются отъ него или излишествомъ, или недостаткомъ чего либо.... Иногда человѣкъ, относительно нѣкоторыхъ свойствъ, превосходитъ животныхъ; иногда же животное превосходитъ человѣка; наконецъ, есть пункты, по которымъ можно установить между ними только аналогическое отношеніе. Такъ, между-тѣмъ какъ человѣку даны въ удѣлъ искусство, разумъ и благоразуміе, нѣкоторымъ животнымъ дарована также управляющая ими, врожденная способность другаго рода, которую впрочемъ можно сравнивать съ способностями человѣка. Это становится еще яснѣе, прибавляетъ онъ, если разсматривать человѣка въ дѣтствѣ. Въ дѣтствѣ видны какъ-бы признаки и

зародыши его будущихъ привычекъ; но душа его, въ этомъ возрастѣ, такъ-сказать, ничѣмъ не отличается отъ души животныхъ. Слѣдовательно, вовсе не значитъ идти наперекоръ разуму, если принять, что у человѣка и у животныхъ есть способности общія, сосѣдственныя и аналогическія [1]).»

Аристотель хорошо видѣлъ степени, раздѣляющія животныхъ: «овца, говоритъ онъ, есть самое глупое изъ четвероногихъ [2]). «Изъ всѣхъ дикихъ животныхъ, слонъ есть самое послушное и легче всего дѣлающееся ручнымъ. Въ немъ замѣтенъ умъ и его можно выучить многому.... Чувства его очень тонки, а понятливостью превосходитъ онъ всѣхъ животныхъ [3])».

Аристотель въ-особенности хорошо видѣлъ границу, отдѣляющую человѣка отъ животнаго.

«Единственное животное, говоритъ онъ, способное размышлять и разсуждать, есть человѣкъ. Правда, что многія животныя имѣютъ способность учиться и запоминать, но онъ одинъ можетъ разсматривать то, чему научился [4])».

---

[1]) Histoire des animaux, livre VIII, page 451.
[2]) Livre IX, page 545.
[3]) Livre IX, page 633.
[4]) Livre I, page 13.

Вся книга его полна любопытныхъ фактовъ [1]), вѣрныхъ замѣчаній, тонкихъ наблюденій.

«Характеръ самки, говоритъ онъ, болѣе кроткій она скорѣе дѣлается ручною, охотнѣе принимаетъ ласки, ее легче выучить [2]).» «Во всѣхъ животныхъ замѣтны, такъ-сказать, слѣды этихъ разныхъ характеровъ, но они поразительнѣе въ тѣхъ, у которыхъ больше характера; еще замѣчательнѣе они въ человѣкѣ, котораго природа совершенна; оттого всѣ привычки души въ немъ гораздо рѣзче выказываются [3]). Такъ мы видимъ, что женщина болѣе склонна къ состраданію, чѣмъ мужчина; болѣе подвержена слезливости, болѣе ревнива и болѣе расположена къ жалобамъ на то, что ее презираютъ. Она болѣе мужчины любитъ злословить, она скорѣе приходитъ въ уныніе и отчаявается ... Женщинъ легче обмануть, но онѣ труднѣе забываютъ. Еще другое замѣчаніе: женщины живѣе характеромъ, хотя лѣнивѣе... [4]).»

---

[1]) Особенно о двухъ классахъ животныхъ, которыхъ новѣйшіе мало изучали, — о рыбахъ и китообразныхъ.

[2]) Histoire des animaux, livre IX, page 533.

[3]) Оттого всѣ привычки души въ немъ гораздо рѣзче выказываются. „Черты гораздо болѣе бываютъ различны у человѣка, говоритъ Плиній, чѣмъ у другихъ животныхъ. Быстрота мысли, живость чувствованій, разнообразіе ощущеній, производятъ безконечныя различія: у другихъ животныхъ душа неподвижна“. Histoire naturelle, livre VII.

[4]) Histoire des animaux, livre IX, page 635.

Итакъ переходъ отъ животныхъ къ человѣку есть только цѣпь послѣдовательныхъ оттѣнковъ; человѣкъ имѣетъ то болѣе, то менѣе животнаго; правда, одинъ только человѣкъ, повидимому, способенъ размышлять, а «впрочемъ въ нѣкоторыхъ животныхъ замѣтно что-то, похожее на обдуманное благоразуміе человѣка [1])»; «хорекъ выказываетъ способность размышлять при ловлѣ птицъ [2])», «способность управляющая животными хотя другаго рода, чѣмъ та, которая управляетъ человѣкомъ, однако же можетъ быть съ нею *сравниваема* [3])»; итакъ все здѣсь относительно; ничего нѣтъ абсолютнаго.

Древніе не имѣли ясныхъ понятій о безсмертномъ существѣ, въ насъ заключающемся,— о душѣ, тѣхъ понятій, которыя мы имѣемъ теперь; для этихъ новыхъ понятій нужна была новая философія, которую далъ намъ Декартъ.

«Я нѣсколько распространился объ этомъ предметѣ, говоритъ онъ, потому-что онъ одинъ изъ самыхъ важныхъ; ибо послѣ заблужденія людей, отвергающихъ бытіе Божіе, заблужденія, которое, я полагаю, достаточно опровергнулъ выше, нѣтъ заблужденія болѣе удаляющаго слабые умы отъ

---

[1]) Histoire des animaux, livre VIII, page 451.

[2]) Livre IX, page 553.

[3]) Livre VIII, page 451.

прямаго пути къ добродѣтели, какъ предположеніе, будто душа животныхъ имѣетъ ту же природу, какъ наша и, что, слѣдовательно, мы ничего не должны бояться и ничего не должны надѣяться послѣ земной жизни, точно такъ, какъ мухи и муравьи; между-тѣмъ когда дознано различіе душъ, то гораздо понятнѣе основанія, доказывающія, что природа нашей души совершенно независима отъ тѣла и потому душа не можетъ умереть вмѣстѣ съ тѣломъ [1])».

ПЛУТАРХЪ.

Всѣмъ извѣстно маленькое сочиненіе Плутарха о томъ, что *животныя обладаютъ умомъ.*

Въ этомъ маленькомъ сочиненіи Гриллусъ, который обращенъ Цирцеею въ поросенка и котораго разумъ, какъ весьма хорошо замѣчаетъ Улиссъ [2]), нѣсколько измѣненъ его положеніемъ, Гриллусъ утверждаетъ, что «душа животныхъ лучше способна и болѣе совершенна для добродѣтели, чѣмъ душа человѣка»... Онъ утверждаетъ, что нѣтъ добродѣтели, къ которой животныя не были бы спо-

[1]) Oeuvres de Descartes, I, page 189.

[2])„ Кажется, Гриллусъ, что это питье нетолько испортило тебѣ форму тѣла, но даже пониманіе, или же должно сказать, что удовольствіе испытываемое тобою отъ этого тѣла, околдовало тебя по причинѣ того долгаго времени, которое уже ты въ немъ находишься.“ (Переводъ Аміо.)

собны, «и даже болѣе, чѣмъ самый умный человѣкъ» и пр....

Улиссъ отвѣчаетъ словами, весьма достойными славы его мудрости: «Берегитесь, Гриллусъ, чтобы не было очень странно и невѣроятно допустить употребленіе ума тѣми, которые не имѣютъ никакого понятія, ни помышленія о Богѣ».

Часто ошибаются, ссылаясь на Плутарха. Плутархъ заставляетъ свои дѣйствующія лица говорить и pro и contra; но между этими лицами всегда есть одно такое, въ которомъ больше осторожности, практическаго ума, здраваго смысла, чѣмъ въ другихъ, и это-то лицо естъ самъ Плутархъ.

Впрочемъ, въ отношеніи къ животнымъ Плутархъ не то, что Аристотель. Онъ не наблюдатель, не натуралистъ, онъ скорѣе моралистъ, чѣмъ философъ; и здѣсь его взглядъ вѣренъ; ибо онъ превозноситъ животныхъ длятого, какъ самъ говоритъ, чтобы пристыдить людей [1]), а между-тѣмъ онъ вездѣ различаетъ умъ человѣка отъ инстинктовъ, отъ наклонностей животныхъ. «Что же касается до живот-

---

[1]) „И развѣ можно думать, что природа дала эти чувства и страсти животнымъ для заботливости ихъ о потомствѣ, а не для того, чтобы пристыдить людей?“ (De l'amour naturelle de père et mères envers leurs enfants).

ныхъ, говоритъ онъ, то въ нихъ нѣтъ ни большаго разума смягчающаго нравы, ни большой тонкости пониманія... но въ нихъ много инстинктовъ, наклонностей и желаній, неуправляемыхъ разумомъ [1])».

МОНТАНЬ.

Монтань поступаетъ такъ же, какъ Плутархъ. Онъ не гоняется ни за точнымъ наблюденіемъ натуралиста, ни за строгимъ философскимъ разборомъ; онъ употребляетъ животныхъ для «обузданія человѣка», ему нравится «ставить ихъ подъ законы того же рода» [2]).

«Есть нѣкоторое различіе, говоритъ онъ, есть раздѣлы и степени, но все это суть виды одной и той же природы [3])».

Онъ безъ затрудненія приписываетъ даже паукамъ разсужденіе, мышленіе и заключеніе [4]); онъ забавляется сравненіемъ себя съ своею кошкою.

«Когда я играю съ своею кошкою, говоритъ онъ,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Essais, livre II, chapitre XII.

[3]) Livre II, chapitre XII.

[4]) Livre II, chapitre XII. „Почему паукъ въ одномъ мѣстѣ сгущаетъ свою паутину, въ другомъ распускаетъ въ одно время употребляетъ одного рода узелъ, въ другое другаго рода, если въ немъ нѣтъ способности разсужденія, и мышленія, и заключенія?“ Кстати, говоря о разсужденіи и мышленіи паука, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ Плинія о муравьяхъ, которые ни болѣе серьозны ни менѣе остроумны.... „У нихъ также вы находите родъ государства, признаки памяти, предусмотрѣнія: у нихъ бываютъ свои торговые дни для того, чтобы познакомиться другъ съ другомъ.

кто знаетъ, что она не забавляется надо мною болѣе, чѣмъ я надъ нею? Мы занимаемъ другъ друга взаимными обезьянствами; если иногда я начинаю или отказываюсь играть, то въ другое время это дѣлаетъ она [1]).»

«Весьма пріятно, говоритъ Боссюэтъ, читать, какъ Монтань заставляетъ разсуждать своего гуся, который, прогуливаясь на своемъ птичьемъ дворѣ, говоритъ самому себѣ, что все сдѣлано для него; что для него солнце восходитъ и заходитъ; что земля производитъ плоды только для того, чтобы питать его; что домъ построенъ только для того, чтобы ему жить въ немъ; что даже человѣкъ сотворенъ для того, чтобы заботиться о немъ, и что, наконецъ, если онъ иногда убиваетъ гусей, то дѣлаетъ тоже и съ подобными себѣ [2]).»

АРКУСІЯ.

Аркуссія, владѣтель Эспарронскій, написалъ много

Какая толпа бываетъ тогда, съ какимъ усердіемъ они останавливаютъ и спрашиваютъ тѣхъ, которыхъ встрѣчаютъ!“ И какъ хорошо эта картина кончается этою внезапною и столь вѣрною мыслью: „Мы видимъ булыжники, истертые ихъ стопами, тропинки, натоптанныя въ землѣ, по которымъ они ходятъ на работу; великій примѣръ того, что можетъ сдѣлать во всякомъ случаѣ продолжительность самаго небольшаго усилія!“

[1]) Essais, livre II, chapitre XII.

[2]) De la connaissance de Dieu et de soi-même.

сочиненій о соколиной охотѣ [1]). Авторы сочиненій о псовой и соколиной охотѣ, были первыми авторами, писавшими о естественной исторіи: доказательствомъ этому служатъ Гастонъ-Фебюсъ, котораго толковалъ Кювье, дю-Фульу, на котораго часто ссылаются Бюффонъ, Аркуссія и др. Аркуссія былъ въ одно и то же время страстный охотникъ до соколиной охоты, ученый и вельможа. Какъ писатель, пристрастный къ своему предмету, онъ ставитъ смышленность птицъ выше смышленности всѣхъ прочихъ животныхъ. «А все-таки другія животныя, говоритъ онъ, далеко не такъ хорошо разсуждаютъ, какъ птицы [2]).» Какъ ученый, онъ ссылается на каждомъ шагу на древнихъ писателей: Аристотеля, Плинія и т. д. Въ качествѣ вельможи, онъ съ неуваженіемъ отзывается о тѣхъ, на кого ссылается: «Я оспаривалъ заблужденія, какъ его (Аристотеля), такъ и Плинія [3]).» «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что еслибы Аристотель былъ на свѣтѣ и видѣлъ то, что мы показали бы ему, то онъ согласился бы съ нами [4])».

---

[1]) La fauconnerie de Charles d'Arcussia, de Capre, seigneur d'Esparron, etc. 1621; la Conférence des fauconniers, les Lettres de Philoiérax à Philofalco.

[2]) Lettres de Philoiérax etc. lettre VIII.

[3]) Ibidem

[4]) Ibidem.

Изъ числа писемъ [1]) Аркуссія, есть одно, восьмое, подъ заглавіемъ: *что птицы обладаютъ умомъ.*

Аркуссія сначала передаетъ нѣкоторые случаи о своихъ птицахъ, доказывающіе, до какой степени онѣ способны на хитрость. Послѣ чего онъ заключаетъ такъ: «не совершенно ли очевидны эти доказательства, для того, чтобы заставить насъ признать, что птицы имѣютъ нѣкоторую долю ума?... Итакъ пусть же не отнимаютъ у нихъ того,—прибавляетъ онъ,—что имъ принадлежитъ и пусть найдутъ имъ названіе болѣе мягкое, нежели несмысленный [2])».

Замѣчаю особенно слѣдующую фразу: «Какимъ-образомъ птицы (безъ нѣкотораго ума) нашли бы новыя изобрѣтенія противъ новыхъ же изобрѣтеній, ежедневно употребляемыхъ человѣкомъ для того, чтобы ихъ ловить [3])?»

«Мы видимъ, замѣчаетъ Боссюэтъ, говоря о животныхъ, что они избѣгаютъ опасностей, ищутъ удобствъ, нападаютъ и защищаются такъ искусно, какъ только можно себѣ вообразить, даже хитрятъ, и что еще хитрѣе, предупреждаютъ хитрости [4]).»

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) De la connaissance de Dieu et de soi même.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Лейбницъ, какъ Аристотель, какъ Декартъ, задавалъ себѣ важную задачу объ умѣ животныхъ.

Никогда философъ не имѣлъ философіи столь единой; этотъ обширный геній, кажется, видѣлъ связь во всемъ. Въ философіи его первымъ закономъ является *законъ непрерывности;* въ естественной исторіи первое начало есть начало *постепенности существъ.*

«Трудно видѣть, говоритъ Лейбницъ, гдѣ начинается чувствительность и разумъ. Есть чрезвычайное различіе, продолжаетъ онъ, между нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми животными; но если мы захотимъ сравнить разумъ и способности нѣкоторыхъ людей съ разумомъ и способностями нѣкоторыхъ животныхъ, то найдемъ такъ мало разницы, что не легко будетъ считать разумъ этихъ людей чище и обширнѣе разума животныхъ [1]).»

Лейбницъ такъ далеко простираетъ свои представленія о непрерывности, о послѣдовательности, что когда ему недостаетъ непрерывности на нашей землѣ, то онъ отъискиваетъ ее въ другомъ мѣстѣ. Онъ предполагаетъ, что «въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ есть существа среднія между человѣкомъ и

[1]) Nouveaux essais sur l'entendement humain livre IV, chapitre XVI.

животнымъ [1]);» онъ также предполагаетъ, «что гдѣ-нибудь есть животныя разумныя, которыя превосходятъ насъ».

Обратимся къ Лейбницу, когда онъ говоритъ съ бо́льшею строгостію. Онъ прямо объявляетъ, что самый тупоумный человѣкъ безконечно выше самаго умнаго животнаго.

«Самый тупоумный человѣкъ,—говоритъ онъ,—несравненно разумнѣе и покорнѣе, нежели самое умное изъ всѣхъ животныхъ, хотя иногда говорятъ противное для краснаго словца [2]).»

Лейбницъ приводитъ и одобряетъ эти слова Локка: «Мы не можемъ отрицать, чтобы въ животныхъ не было разума въ извѣстной степени. И мнѣ кажется также очевиднымъ то, что они способны разсуждать, какъ и то, что они могутъ чувствовать. Но они разсуждаютъ только о частныхъ представленіяхъ, смотря потому, какъ они даются имъ чувствами [3]).»

Здѣсь-то находится, въ-самомъ-дѣлѣ, предѣлъ ума животныхъ; они чистые эмпирики [4]); они ос-

---

[1]) Лафонтенъ сказалъ: „Декартъ, изъ котораго язычники сдѣлали бы бога и который занимаетъ середину между человѣкомъ и духомъ, какъ занимаютъ ее между устрицей и человѣкомъ нѣкоторые изъ людей, прямые скоты.“

[2]) Nouveaux, essais sur l'entendementt humain, livre VI, chapitre XVI

[3]) Ibidem, livre II, chapitre XI.

[4]) Выраженія Лейбница.

*

новываются только на примѣрахъ [1]); они никогда не достигаютъ до возможности составлять необходимыя предложенія [2]); все въ нихъ приводится къ чувствамъ [3]). Лейбницъ полагаетъ глубокое различіе «между истинами необходимыми и истинами фактическими [4])»; то же различіе онъ полагаетъ и «между человѣческимъ размышленіемъ и заключеніями животныхъ, подобными только тѣни его [5])».

ЛОККЪ.

Новые опыты о разумѣ человѣка Лейбница, какъ всѣмъ извѣстно, суть только толкованіе *опыта о разумѣ человѣка* Локка: толкованіе генія на генія, генія весьма возвышеннаго, весьма обширнаго, на генія весьма проницательнаго, весьма отчетливаго.

Лейбницъ говоритъ: «животныя переходятъ отъ

---

[1]) Выраженія Лейбница.

[2]) Выраженія Лейбница.

[3]) „Въ этомъ-то состоитъ, говоритъ онъ, все размышленіе животныхъ;... они управляются только чувствами и примѣрами (Nouveaux essais etc. Avant propos).“ Онъ говоритъ еще: „Заключенія животныхъ чисто такія, какъ заключеніе прямыхъ эмпириковъ, которые предполагаютъ, что то, что случилось одинъ разъ, случится и тогда, когда встрѣтятся подобныя обстоятельства, причемъ они не способны судить о томъ, есть ли здѣсь тѣ же основанія. Отъ этого людямъ бываетъ такъ легко ловить животныхъ, а простымъ эмпирикамъ дѣлать ошибки (Nouveaux essais sur l'entendement humain. Avant propos).“

[4]) Ibidem, livre I, chapitre I.

[5]) Ibidem, livre I, chapitre I.

одного представленія къ другому по связи между ними, которую они нѣкогда чувствовали: напр. когда хозяинъ беретъ палку, собака боится быть битою. Это можно было бы назвать заключеніемъ и разсужденіемъ въ весьма обширномъ смыслѣ слова; но мнѣ кажется лучше сообразоваться съ принятымъ обыкновеніемъ и относить эти слова только къ человѣку, ограничивая ихъ познаніемъ нѣкотораго основанія связи впечатлѣній, котораго одни ощущенія не могли бы дать...» [1]). Познаніе нѣкотораго *основанія* связи впечатлѣній, вотъ остроумный взглядъ, принадлежащій, какъ кажется, Лейбницу.

Впрочемъ Локкъ сказалъ: «Я думаю, что животныя сравниваютъ свои представленія только въ отношеніи къ какимъ-либо воспринимаемымъ чувствами обстоятельствамъ, связаннымъ съ самыми предметами. Но что касается другой способности сравнивать, замѣчаемой въ человѣкѣ, которая имѣетъ дѣло съ общими представленіями и служитъ только для отвлеченныхъ разсужденій, то мы можемъ догадываться, что ее нѣтъ у животныхъ [2]).»

Локкъ принимаетъ какъ фактъ, что животныя немогутъ составлять отвлеченныхъ понятій. «Я считаю себя вправѣ предполагать, говоритъ онъ, что способность составлять отвлеченныя понятія имъ не

[1]) Nouveaux essais sur l'entendement humain, livre II, chapitre XI.
[2]) Essais sur l'entendement humain, livre II, chapitre XI.

дана и что эта-то способность составлять общія представленія и составляетъ совершенное различіе между человѣкомъ и животными [1]).»

Лейбницъ отвѣчаетъ Локку. «Я того же мнѣнія.... я съ восхищеніемъ вижу, что вы такъ хорошо замѣтили преимущества человѣческой природы [2]).»

Итакъ животныя не могутъ имѣть отвлеченныхъ понятій. Не имѣя отвлеченныхъ понятій, они не имѣютъ языка — самаго отвлеченнаго созданія человѣческаго духа. «И нельзя сказать, продолжаетъ Локкъ, чтобы это происходило отъ недостатка органовъ, способныхъ составлять членораздѣльные звуки, потому-что мы видимъ многихъ животныхъ, которыя могутъ издавать подобные звуки и довольно внятно произносить слова. Съ другой стороны, люди, лишенные способности говорить по какому-либо недостатку въ органахъ, не перестаютъ однако выражать свои общія представленія знаками, замѣняющими имъ общіе термины [3]).»

Съ Локкомъ, какъ мы видѣли, согласенъ Лейбницъ; навѣрно съ нимъ былъ бы согласенъ и Декартъ, потому-что у Декарта онъ и заимствуетъ эти два ве-

---

[1]) Essais sur l'entendement humain, livre II, chapitre XI.
[2]) Nouveaux essais sur l'entendement humain, livre II, chapitre XI.
[3]) Ibidem.

ликіе признака, столь глубоко отличающіе человѣка отъ животныхъ, *общія истины и слово* [1]).

БОННЕТЪ.

Жизнь Боннета раз дѣляется на двѣ части. Первую онъ провелъ въ наблюденіяхъ и открытіяхъ, вторую въ размышленіи.

Въ первой половинѣ, которую я назову эпохою натуралиста, онъ наблюдалъ надъ инстинктомъ насѣкомыхъ съ удивительною проницательностію. Во второй, которую можно назвать философскою эпохою, онъ хотѣлъ объяснить пружины и механизмъ этого инстинкта.

Г. Кювье справедливо замѣчаетъ, что «Боннету были необходимы ясныя представленія и это было причиною, что онъ вдавался болѣе въ гипотезы, нежели въ отвлеченности [2])».

Итакъ Боннетъ изобрѣлъ гипотезу о душѣ животныхъ и ихъ инстинктахъ [3]).

Онъ начинаетъ съ того факта, что начало произвольныхъ движеній заключается въ мозгѣ.

Онъ полагаетъ далѣе, что каждое представленіе соотвѣтствуетъ особенной фибрѣ мозга; что каждое представленіе имѣетъ свою фибру. По мнѣнію Боннета, эти фибры связываются, сочетаются, соединяются

[1]) Смотри выше главу I, стр. 10 и 11.

[2]) Biographie universelle. Vie de Bonnet.

[3]) Hypothèse sur l'ame des bêtes et leur industrie, tome VIII, page 366. Neufchatel, 1783.

одна съ другою, точно такъ, какъ представленія. Когда я предаюсь сочетанію представленій, то въ моемъ мозгѣ происходитъ сочетаніе фибръ, и вслѣдствіе этого сочетанія фибръ производятся всѣ мои произвольныя движенія.

Теперь предположимъ, что эти сочетанія фибръ, пріобрѣтаемыя мною, въ животныхъ врожденны, и тогда инстинктъ животныхъ будетъ объясненъ. Животныя будутъ дѣлать по природѣ, первоначально, безъ подражанія, безъ опытности, все то, чего я не могу сдѣлать не выучившись, безъ приготовленія, безъ изученія [1]).

АНАЛИТИЧЕСКІЙ ОПЫТЪ О ДУШѢ, БОННЕТА.

Гипотеза Боннета объ инстинктѣ животныхъ есть только частный случай его общей гипотезы о томъ, что онъ называетъ *механикою нашихъ представленій* [2]).

Вотъ разсужденіе Боннета.

---

[1]) „Архитекторъ строитъ зданіе, говоритъ Боннетъ, только потому, что онъ составилъ его планъ. Изобрѣтеніе или рисунокъ есть плодъ изученія и труда. Но какое дѣйствіе это изученіе и трудъ произвели въ его мозгѣ? Они дали различнымъ фибрамъ и различнымъ пучкамъ фибръ особенныя и правильныя положенія; положенія эти сохранились фибрами и вслѣдствіе ихъ дѣйствовала душа архитектора.“ „Не содержитъ ли мозгъ животнаго отъ природы системы представленій зданія и средствъ къ возведенію его и эта система фибръ не ставитъ-ли животное, при рожденіи прямо въ то самое положеніе, въ которое архитектора ставитъ трудъ многихъ лѣтъ“ (томъ VIII стр. 369)?

[2]) Preface de l'Essai analytique etc. tome VI, page vij.

Человѣкъ не состоитъ ни изъ одного тѣла, ни изъ одного духа: въ немъ духъ соединенъ съ тѣломъ. Итакъ все, что происходитъ въ духѣ, имѣетъ нѣчто, соотвѣтствующее себѣ въ тѣлѣ; также все, что происходитъ въ тѣлѣ, имѣетъ нѣчто соотвѣтствующее себѣ въ духѣ.

Представленія наши происходятъ отъ чувствъ [1]); главная часть всякаго органа чувствъ, есть нервъ; нервъ состоитъ изъ фибръ; самый мозгъ,—начало всѣхъ нервовъ,—есть ни что иное, какъ связка фибръ.

Изъ числа этихъ фибръ мозга, одни *чувственныя*, другія *умственныя*; первыми душа чувствуетъ, послѣдними—думаетъ.

Движеніе, сотрясеніе каждой умственной фибры производитъ представленіе; если одна только фибра приведена въ движеніе, то создается одно представленіе; если ихъ приведено въ движеніе нѣсколько, то и представленій бываетъ нѣсколько.

Наконецъ сочетаніе фибръ производитъ сочетаніе представленій и на оборотъ—сочетаніе представленій производитъ сочетаніе фибръ и, слѣдовательно, нѣтъ ничего проще, какъ механика нашихъ представленій.

Въ-самомъ-дѣлѣ если, хотите, ничего нѣтъ проще гипотезы. Но значитъ ли гипотеза что-нибудь въ-

[1]) Разумѣется не всѣ; но будемъ слѣдовать за Боннетомъ.

отношеніи къ самому предмету? Боннетъ объясняетъ наши представленія фибрами [1]), такъ, какъ Галль объясняетъ наши способности своими *малыми мозгами*; но доказалъ ли когда-нибудь Боннетъ связь фибры съ представленіемъ? Доказалъ ли когда-нибудь Галль связь способности съ какимъ-нибудь малымъ мозгомъ? Оба они губятъ сами себя: въ физіологіи потому, что видятъ части органа, а не видятъ самаго органа; въ философіи потому, что видятъ части духа, не видя самаго духа, духа единаго, *существенно единаго, единства нашего я, единства души.*

РЕЙМАРУСЪ.

Реймарусъ, профессоръ Гамбургской Академіи, издалъ въ 1760 году книгу объ инстинктѣ животныхъ [2]); эта книга весьма интересна.

Реймарусъ, весьма отчетливо различаетъ въ животныхъ инстинктъ отъ ума. «Всѣ дѣйствія, говоритъ онъ, которыя предшествуютъ опыту и которыя животныя побуждаются исполнять одинакимъ образомъ, тотчасъ послѣ рожденія, должны быть разсма-

[1]) Гипотеза Боннета заимствована отъ Гартлея. Какъ у Гартлея, такъ и у Боннета ученіе о дрожаніяхъ, о движеніяхъ фибръ, составляетъ только двойную ошибку. Два раза они воображаютъ, что изъясняютъ одно слово другимъ: во-первыхъ, слово *представленіе*, словомъ *дрожаніе*, потомъ слово—*дрожаніе*, словомъ —*представленіе*, и пр.

[2]) Observations physiques et morales sur l'instinct des animaux leurs industries et leurs mœurs. La traduction francaise, par Reneaume de la Tache, est de 1770.

триваемы, какъ чистое послѣдствіе естественнаго и врожденнаго инстинкта, не зависимаго отъ намѣренія, размышленія и изобрѣтательности [1]).»

«Нѣкоторыя животныя, прибавляетъ онъ, представляютъ кромѣ-того болѣе близкую аналогію со способностями ума человѣческаго... Бо́льшая часть хищныхъ и даже тѣхъ, которыя служатъ имъ добычею, выказываютъ что-то похожее на умъ, хитрость и изобрѣтательность. Многія способны къ подражанію и могутъ быть сдѣланы ручными, могутъ быть обучаемы и выучены разнымъ ловкостямъ [2]).»

Кроткая философія господствуетъ вездѣ въ этой книгѣ. Чудеса животныхъ безпрестанно говорятъ въ ней о Виновникѣ столькихъ чудесъ: это-то и составляетъ всю прелесть книги; все въ природѣ есть разумѣніе, искусство, мудрость, предусмотрѣніе и цѣль: на каждомъ шагу совершенство созданія выказываетъ намъ искусство Художника.

О языкѣ животныхъ.

Аристотель говоритъ только то́, что нѣкоторыя животныя «способны воспринимать звуки и различать разнообразіе знаковъ [3])». Плутархъ также при-

---

[1]) Томъ I, стр 125.

[2]) Томъ I, стр. 148.

[3]) „Нѣкоторыя животныя имѣютъ способность научаться, при-

знаетъ, что «животныя имѣютъ голосъ, но не имѣютъ языка [1]).»

Монтань не столь благоразуменъ. Онъ думаетъ, что и у животныхъ есть языкъ; правда, мы не понимаемъ его, но кто же въ томъ виноватъ?

«Нужно еще рѣшить, говоритъ онъ, кто виноватъ въ томъ, что мы не понимаемъ другъ друга, ибо мы не понимаемъ ихъ такъ же, какъ и они насъ; такъ-что они могутъ считать насъ скотами, точно такъ, какъ мы ихъ [2]).»

Невозможно серьозно говорить о мечтахъ Дюпонъ-де-Немура о языкѣ животныхъ.

Дюпонъ-де-Немуръ воображаетъ, что животныя обладаютъ способностью говорить, и, что̀ еще хуже, воображаетъ, что онъ понимаетъ ихъ языкъ; онъ составилъ, какъ всѣмъ извѣстно, переводъ *пѣсней соловья* [3]), *словарь воронъ*: «трудъ, стоившій ему, какъ онъ самъ говоритъ, двухъ зимъ и непріятности отъ большаго озябанія рукъ и ногъ [4])».

Заблужденіе всѣхъ, приписывающихъ животнымъ

нимая наставленія то одни отъ другихъ, то отъ человѣка; это тѣ, которыя способны нетолько слышать звуки, но и различать разнообразіе знаковъ.“ (Histoire des animaux, livre IX, page 533.)

[1]) Les opinions des philosophes.

[2]) Essais, livre II, page 12.

[3]) Quelques mémoires sur différents sujets, la plupart d'histoire naturelle, etc. page 123. Paris, 1813.

[4]) Ibidem, page 236.

языкъ, состоитъ въ томъ, что они не различаютъ голосовъ, криковъ, естественныхъ звуковъ животныхъ отъ искусственнаго языка человѣка, отъ его произвольныхъ знаковъ.

Животное имѣетъ голосъ для любви, для радости, можетъ издавать крики боли, звуки ужаса, ненависти, и проч. У животныхъ есть свои жесты; «ихъ движенія, какъ весьма остроумно говоритъ Монтань, говорятъ и отвѣчаютъ» [1]).

Но все-таки эти голоса, эти крики, эти жесты суть только вынужденное, а не произвольное выраженіе чувствованій животныхъ. Это есть, если можно такъ выразиться, только языкъ тѣла.

Духъ также имѣетъ свой языкъ, въ которомъ все искусственно, создано, условно, произвольно. Если я соединяю съ извѣстнымъ представленіемъ слово, то это зависитъ отъ моей воли: я могу замѣнить его другимъ словомъ. Если я знаю двадцать языковъ, то у меня есть двадцать разныхъ словъ для выраженія одного представленія. Даже на одномъ своемъ языкѣ я могу выразить слово изустно и на письмѣ. Для человѣка все есть знакъ, все можетъ служить ему языкомъ. Наши монеты также языки, ибо онѣ представляютъ ряды условныхъ понятій.

---

[1]) Essais, livre II, chapitre XII.

Крикъ животнаго можетъ возбудить представленіе, но онъ не есть плодъ представленія. И въ этомъ-то вся разница. Животныя не могутъ создавать себѣ языка; ихъ крики не суть условные знаки, созданныя слова; они имѣютъ только естественные звуки, и не имѣютъ языка.

Причина неусовершаемости рода въ животныхъ.

Животное никогда не совершенствуется, какъ родъ. Недѣлимыя, какъ мы уже видѣли, совершенствуются, но родъ никогда. Нынѣшнее поколѣніе никакъ не выше ему предшествовавшаго, равно какъ и послѣдующее поколѣніе не превзойдетъ настоящаго.

Одинъ человѣкъ совершенствуется, *какъ родъ*; потому-что онъ одинъ можетъ *размышлять*, онъ одинъ имѣетъ эту высочайшую способность, которую я опредѣлилъ такъ: дѣйствіе духа на духъ [1]).

И это-то дѣйствіе, это изученіе духа духомъ производитъ *методу*, т.-е. искусство, которое духъ создаетъ самъ для себя, чтобы руководиться имъ; это первое открытіе даетъ намъ всѣ прочія открытія.

---

[1]) „Кромѣ впечатлѣній, воображенія и естественныхъ желаній, въ насъ возбуждается то, что̀ называется размышленіемъ, т.-е. мы замѣчаемъ наши впечатлѣнія, сравниваемъ ихъ съ ихъ предметами, отыскиваемъ причины того, что̀ происходитъ въ насъ и внѣ насъ, однимъ словомъ—мы понимаемъ и разсуждаемъ, т.-е. познаемъ истину и переходимъ отъ одной истины къ другой.“ Боссюэтъ. De la connaissance de Dieu et de soi-même.

Метода есть орудіе духа, какъ обыкновенныя орудія; орудія физическія, суть орудія нашихъ чувствъ. И она способствуетъ нашему духу, какъ они способствуютъ нашимъ чувствамъ. Итакъ человѣкъ обладаетъ способностью *размышлять*, чего лишено животное; а чрезъ *размышленіе* онъ пріобрѣтаетъ методу; посредствомъ же методы онъ *открываетъ*, *изобрѣтаетъ*.

Посредствомъ методы духъ всѣхъ людей становится единымъ духомъ, который продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе и не имѣетъ конца. Одно поколѣніе начинаетъ какое-нибудь открытіе, другое его кончаетъ.

Самыя методы возобновляются и совершенствуются безпрестанно, и въ этомъ заключается величайшій прогрессъ.

Декартъ какъ-бы обновилъ духъ человѣческій только потому, что обновилъ методу.

Заключеніе двухъ первыхъ главъ.

Итакъ, всѣ мои изслѣдованія все-таки приводятъ меня къ прежнимъ моимъ заключеніямъ.

Есть три факта: инстинктъ, умъ животныхъ и умъ человѣка, и каждый изъ этихъ фактовъ имѣетъ свой ясный предѣлъ.

Инстинктъ дѣйствуетъ безсознательно; умъ по-

знаетъ для того, чтобы дѣйствовать; одинъ только умъ человѣка познаетъ и познаетъ себя.

Размышленіе, точно опредѣленное, есть познаніе мысли мыслью.

И эта *власть мысли надъ мыслью*, даетъ намъ цѣлый рядъ новыхъ отношеній. Лишь-только духъ видитъ себя, онъ судитъ себя; какъ-только онъ можетъ дѣйствовать на себя, то онъ свободенъ; если же онъ свободенъ, то становится нравственнымъ.

Человѣкъ нравственъ только потому, что свободенъ. Животное слѣдуетъ своему тѣлу; среди тѣла, которое окружаетъ его отовсюду веществомъ, духъ человѣческій свободенъ, и до такой степени свободенъ, что когда хочетъ, можетъ жертвовать самимъ тѣломъ.

«Великая сила воли надъ тѣломъ, выказывается говоритъ Боссюэтъ, въ явленіи чудесномъ: человѣкъ до такой степени владыка своего тѣла, что можетъ даже жертвовать имъ ради какого-нибудь большаго блага. Броситься подъ удары и идти навстрѣчу выстрѣловъ съ слѣпымъ порывомъ, какъ это случается съ животными, не выказываетъ ничего, превышающаго тѣло; но рѣшимость умереть съ сознаніемъ и по извѣстной причинѣ, несмотря на все противодѣйствіе тѣла, противящагося этому намѣренію, указываетъ на-

чало, высшее тѣла, и изъ числа животныхъ это начало существуетъ въ одномъ человѣкѣ [1]).»

III.

РАЗЛИЧНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.

О СВОБОДѢ.

Въ первой главѣ этого сочиненія я уже сказалъ: животныя дѣлаютъ многое независимо отъ настоящихъ потребностей и по одному *предусмотрѣнію* послѣдствій. Но они предусматриваютъ только вслѣдствіе полученныхъ впечатлѣній; слѣдовательно, въ нѣкоторой степени они размышляютъ объ этихъ впечатлѣніяхъ; слѣдовательно, они обладаютъ въ нѣкоторомъ родѣ способностью *размышлять*. Но у нихъ нѣтъ способности размышлять, которую мы опредѣлили какъ *дѣйствіе духа на духъ*. Они мыслятъ, не зная того, что они мыслятъ. Дѣйствія ихъ духа существуютъ, но безъ сознанія этого существованія, а это-то сознаніе дѣйствій духа духомъ только и составляетъ *размышленіе*.

---

[1]) De la connaissance de Dieu et de soi-même.

О свободѣ можно сказать то же самое, что̀ и о размышленіи.

Малебраншъ совершенно вѣрно опредѣлилъ, что *свобода* есть *умъ*: она есть только судящій, выбирающій умъ, а слѣдовательно можетъ быть столько же степеней свободы, сколько ихъ есть для ума.

Ф. Кювье очень хорошо замѣчаетъ, что нѣкоторыя животныя могутъ быть названы *свободными* въ-отношеніи къ другимъ: «*четырерукія* и *хищныя*, говоритъ онъ, сравнительно съ насѣкомыми суть въ нѣкоторомъ родѣ свободныя животныя».

Итакъ *свобода* есть ни что иное какъ непремѣнное послѣдствіе *ума*.

Слѣдовательно, животныя имѣютъ нѣкоторую степень, нѣкоторый видъ *свободы*, точно такъ же, какъ они имѣютъ нѣкоторый видъ способности *размышлять*.

ОБЪ ИНСТИНКТѢ И ПРИВЫЧКѢ.

Мое изложеніе мыслей Ф. Кювье о явленіяхъ инстинкта, было бы не совсѣмъ полно, еслибы я умолчалъ о сдѣланномъ имъ сравненіи этихъ явленій съ явленіями *привычки*.

Привычка къ какому-нибудь дѣйствію состоитъ въ томъ, что тѣлесный актъ, которымъ совершается это дѣйствіе, наконецъ начинаетъ повторяться

безъ участія умственнаго акта, первоначально необходимаго. Поэтому кажется, что привычка установляетъ между нашими органами съ одной стороны и нашими наклонностями, нуждами, желаніями, мыслями съ другой, такую непосредственную зависимость, что посредство нашего духа становится безполезнымъ. «Итакъ, говоритъ Ф. Кювье, если предположить, что эта зависимость существуетъ отъ природы, то явленія инстинкта были бы объяснены.» Природа въ такомъ случаѣ установила бы первоначально то отношеніе *между нашими потребностями и органами*, которое позже установляется привычкою.

«Эти два разряда явленій, прибавляетъ онъ, могли бы дотого перемѣшаться, что посредствомъ привычки можно было бы производить инстинкты: человѣкъ, который съ дѣтства упражнялся бы въ собираніи и прятаніи остатковъ своего обѣда, наконецъ сталъ бы дѣлать это такъ же машинально и безполезно, какъ домашняя собака, а сравненіе ткача съ паукомъ болѣе точно и вѣрно, чѣмъ можно было бы думать.»

Въ первой главѣ мы видѣли, что Кондильякъ также хотѣлъ отнести явленія инстинкта къ явленіямъ привычки. По его мнѣнію инстинктъ есть только привычка, лишенная размышленія. Его раз-

личіе между *я привычки* и *я размышленія*, весьма—остроумно.

«Когда математикъ, говоритъ онъ, бываетъ очень занятъ рѣшеніемъ какой-нибудь задачи, предметы все таки продолжаютъ дѣйствовать на его чувства. *Я*-привычки повинуется ихъ впечатлѣніямъ: оно пробѣгаетъ Парижъ, уклоняется отъ препятствій; тогда какъ *я*-размышленія все предано искомому рѣшенію задачи [1]).»

Но существенное различіе взглядовъ Кондильяка и Ф. Кювье состоитъ въ томъ, что Кондильякъ прибѣгаетъ къ привычкѣ только длятого, чтобы подвести *инстинктъ* подъ *умъ*, онъ допускаетъ, что *инстинктъ* есть *зачатокъ познанія;* Ф. Кювье напротивъ, доказываетъ, что всякое инстинктивное дѣйствіе лишено ума и познанія. Однимъ словомъ, Кондильякъ сравниваетъ инстинктъ съ привычкою по ихъ началу, которое онъ считаетъ общимъ [2]); а Ф. Кювье сравниваетъ ихъ, несмотря на различіе ихъ началъ, и потому только, что какъ-только при-

---

[1]) Traité des animaux, deuxième partie, chapitre V.

[2]) Кондильякъ нетолько говоритъ, что „инстинктъ есть привычка, лишенная размышленія“, но онъ хочетъ этимъ объяснить то, какимъ-образомъ животныя, „имѣя не много нуждъ и ежедневно повторяя одно и то же, должны имѣть только привычки и ограничиваться инстинктомъ.“ Тамъ же.

вычка сдѣлана, то все происходитъ какъ-бы по инстинкту, т.-е. безъ участія ума [1]).

ЗНАЧЕНІЕ ЧУВСТВЪ.

Многіе преувеличивали вліяніе чувствъ на умъ. Гельвецій доходитъ даже до того, что приписываетъ рукамъ человѣка превосходство его надъ животными.

Любопытно то, что Галенъ, говоря противъ Анаксагора, уже опровергалъ ученіе Гельвеція.

Сперва замѣтимъ, что никто лучше Галена, не постигалъ всего, что̀ есть удивительнаго въ рукѣ, всѣхъ почти безконечныхъ услугъ, оказываемыхъ намъ ею. «Природа, говоритъ онъ, дала льву зубы и когти, буйволу рога, кабану длинные выдающіеся клыки [2]). Что же касается до человѣка, то такъ какъ онъ разумное твореніе, природа дала ему вмѣсто оружія руки, служащія ему для всякаго рода дѣйствій; ими онъ куетъ себѣ копья, дротики, стрѣлы....

---

[1]) Правда, можно думать, что привычка не совсѣмъ чужда разума; тогда аналогія, предполагаемая Ф. Кювье, не могла бы существовать. Повторимъ еще разъ: онъ сравниваетъ инстинктъ съ привычкою только потому, что въ его глазахъ привычка, такъ же какъ и инстинктъ,—чужда познанія.

[2]) Онъ говоритъ еще: „природа дала лошади быстроту, а человѣку умъ и руки, чтобы укротить лошадь“. (De l'usage des parties, livre III). „Левъ быстрѣе человѣка; но что̀ нужды? Лошадь, укрощенная умомъ и руками человѣка, быстрѣе льва.“ (De l'usage des parties, livre I.)

ими онъ пишетъ законы правленія, воздвигаетъ алтари богамъ и сооружаетъ имъ статуи.... собираетъ свои размышленія и наблюденія и увѣковѣчиваетъ ихъ письмомъ — благодѣяніе, которому нынѣшнее поколѣніе обязано возможностью бесѣдовать съ Платономъ, Аристотелемъ, Гиппократомъ и другими древними [1]).»

Вотъ безъ-сомнѣнія прекрасная похвала *рукамъ*; лучше вѣроятно не сказалъ бы и Гельвецій.

«Но (тотчасъ прибавляетъ Галенъ съ свойственной ему высотою взгляда) человѣкъ не потому самое умное животное, что у него есть руки, какъ это говорилъ Анаксагоръ; напротивъ, потому, что человѣкъ есть самое умное изъ животныхъ, природа и одарила его руками, какъ гораздо справедливѣе утверждаетъ Аристотель [2]).»

Галенъ продолжаетъ: «вовсе не руки изобрѣли искусство, но умъ; умъ употребляетъ руки точно такъ, какъ музыкантъ лиру, кузнецъ клещи. И какъ ни лира не научаетъ музыканта, ни клещи кузнеца, такъ что они искусны только вслѣдствіе своего ума, несмотря на то, что немогутъ ничего сдѣлать безъ своихъ инструментовъ, такъ точно и душа извлекаетъ всѣ свои способности изъ собст-

---

[1]) De l'usage des parties, livre I.

[2]) Ibidem.

веннаго своего существа, хотя эти способности ничего не могутъ исполнить безъ органовъ тѣла [1]).»

«Различныя части тѣла, продолжаетъ онъ, не имѣютъ никакого вліянія на душу: онѣ не сообщаютъ ей ни боязни, ни храбрости, ни мудрости [2]).»

Все это полно самаго здраваго смысла.

Если слѣдовать системѣ Гельвеція, то обезьяна должна быть гораздо выше человѣка, потому-что у ней четыре руки, а у человѣка только двѣ.

Въ самыхъ животныхъ развитіе ума зависитъ не отъ внѣшнихъ чувствъ, но отъ органа болѣе глубокаго, болѣе внутренняго,—отъ мозга.

Тюлень обладаетъ самыми несовершенными чувствами (зрѣніемъ, вкусомъ, обоняніемъ, слухомъ),—вмѣсто рукъ у него плавники; между-тѣмъ умъ его, сравнительно съ другими млекопитающими, очень развитъ.

Это оттого, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ млекопитающихъ, которыхъ мозгъ наиболѣе развитъ [3]).

Вопросъ о вліяніи чувствъ на умъ есть одинъ изъ вопросовъ, болѣе всего заслуживающихъ новаго изслѣдованія.

---

[1]) De l'usage des parties, livre I.

[2]) Ibidem.

[3]) См. замѣчанія Ф. Кювье объ умѣ тюленя.

Впрочемъ, если строго заняться имъ, то нужно обратиться не къ Гельвецію, а къ Кондильяку.

«Глазъ нуждается, говоритъ Кондильякъ, въ помощи осязанія, чтобы судить о разстояніяхъ, величинахъ, положеніяхъ и фигурахъ [1]).» Онъ не останавливается на этомъ; ибо далѣе говоритъ, «что глазъ самъ-по-себѣ не способенъ видѣть пространства внѣ себя [2]).»

Однакожь всякій знаетъ, что маленькіе цыплята *клюютъ* зерна при самомъ выходѣ изъ яйца; правда, они не всегда попадаютъ въ нихъ, но это происходитъ не отъ невозможности вѣрно видѣть, а отъ недостатка довольно твердаго равновѣсія въ ихъ маломъ тѣлѣ.

«Жеребенокъ, говоритъ д'Аркуссія, черезъ часъ послѣ рожденія, слѣдуетъ за кобылою-матерью и безопасно ходитъ между обрывами [3])».

---

[1]) Traité des sensations, troisième partie, chap. III.

[2]) Traité des sensations, première partie, chap. XI. „Зрѣніе, говоритъ Кондильякъ, не простирается далѣе зрачка.“

Однакожь цыпленокъ видитъ зерно тамъ, гдѣ оно дѣйствительно лежитъ, а не у себя на зрачкѣ. Дитя слѣдитъ глазами за предметомъ тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, а не у себя на зрачкѣ. Опытъ Шезельдена (на которомъ основывается Кондильякъ), именно, наблюденія надъ слѣпорожденнымъ, который по снятіи бѣльмъ, въ первую минуту прозрѣнія, думалъ, что *предметы касались глазъ его*, необходимо нужно бы повторить.

[3]) Lettres de Philoierax, etc., Lettre XXIV.

У Ф. Кювье я нахожу два слѣдующія наблюденія:

«Какъ-только малютка увидѣлъ свѣтъ (дѣло идетъ о маленькой обезьянѣ, Rhésus), то, казалось, онъ различалъ предметы и въ-самомъ-дѣлѣ смотрѣлъ на нихъ; онъ слѣдилъ глазами за движеніями, происходившими около него, и ничто не показывало, чтобы онъ *нуждался въ осязаніи*, для того чтобы опредѣлить бо́льшее или мѣньшее разстояніе этихъ тѣлъ отъ него... Почти чрезъ двѣ недѣли малютка началъ отставать отъ матери и съ самыхъ первыхъ шаговъ показалъ ловкость и силу, которыя не могли быть приписаны ни упражненію, ни опыту, и которыя, напротивъ, весьма хорошо доказываютъ, что дѣлаемыя до-сихъ-поръ предположенія о *безусловной необходимости осязанія для приведенія въ дѣйствіе извѣстныхъ отправленій зрѣнія*, ошибочны.»

«Молодой бизонъ при рожденіи былъ ростомъ съ новорожденнаго теленка. Едва онъ родился, какъ всталъ на ноги и пошелъ почти бѣгомъ, не натыкаясь, по всѣмъ угламъ своего хлѣва, и двигался такъ, какъ-будто бы онъ по опыту зналъ всѣ мѣста.»

Впрочемъ нужно замѣтить, что всѣ животныя, о которыхъ я говорилъ, какъ то: цыплята, лошади, обезьяны, отрыгающія жвачку и проч., родятся съ открытыми глазами; другія же животныя, напротивъ, родятся съ закрытыми глазами, какъ напримѣръ

собака и пр. Человѣкъ родится съ открытыми глазами, но они не представляютъ еще всѣхъ условій, необходимыхъ для яснаго и отчетливаго зрѣнія.

Итакъ въ вопросъ объ отношеніи *зрѣнія* къ *осязанію*, и безъ того сложный, нужно ввести еще одинъ элементъ, элементъ видовъ, или точнѣе, элементъ состоянія, въ которомъ находится *органъ зрѣнія*, у разныхъ видовъ, въ первыя минуты, когда зрѣніе открывается.

«Мы выучиваемся видѣть, говоритъ Дюпонъ-де-Немуръ, точно такъ же, какъ выучиваемся читать [1]).»

Дюпонъ-де-Немуръ смѣшиваетъ здѣсь два совершенно различныя понятія. *Читать* значитъ придавать условный смыслъ какому-нибудь знаку. *Видѣть* значитъ просто замѣчать, отличать этотъ знакъ. *Читать* значитъ примѣнять данный коренный фактъ, фактъ зрѣнія, къ особенному употребленію, которому можно выучиться. Мы выучиваемся читать точно такъ, какъ выучиваемся *танцовать, прыгать на веревкѣ* [2]); но научаемся ли мы *видѣть*?

Можно усомниться въ этомъ.

«Я не стану утверждать, замѣчаетъ Кондильякъ, что наши глаза — какъ говорятъ всѣ и какъ я самъ весьма неточно говорилъ до-сихъ-поръ, — должны

---

1) Mémoires sur l'instinct, p. 161.

2) См. дальше, стр. 143, что я говорю о хожденіи.

учиться видѣть, ибо они необходимо видятъ все, что производитъ на насъ впечатлѣніе.... но скажу, что имъ нужно учиться смотрѣть. Въ различіи этихъ двухъ словъ и состоитъ сущность вопроса [1]).»

Вопросъ, такимъ-образомъ предложенный, не есть болѣе вопросъ. Если дѣло идетъ не о томъ, чтобы *видѣть*, а чтобы *смотрѣть* и если *смотрѣть*, по словамъ Кондильяка, значитъ *распознавать, анализировать* [2]), то нѣтъ сомнѣнія, что мы выучиваемся *смотрѣть, распознавать, анализировать*.

Я сдѣлаю только одно замѣчаніе. Первое затрудненіе, которое должно преодолѣть, читая Кондильяка, состоитъ въ употребленіи имъ нѣкоторыхъ выраженій, не совсѣмъ точныхъ, и о неточности которыхъ знаетъ и самъ Кондильякъ.

Такъ напр. онъ говоритъ, что только *осязаніе судитъ* само по себѣ о внѣшнихъ предметахъ [3]), прочія *чувства судятъ* о нихъ только посред-

---

[1]) Traité des sensations, troisième partie, chapitre III.

[2]) „Кажется не знаютъ, что есть различіе между словами *видѣть* и *смотрѣть;* между-тѣмъ, когда мы только видимъ, мы не составляемъ еще представленія; мы образуемъ ихъ только тогда, когда смотримъ въ порядкѣ, съ методою. Однимъ словомъ нужно, чтобы наши глаза анализировали.“ Ibidem.

[3]) Traité des sensations: Préambule de l'Extrait raissonné.

ствомъ *осязанія* [1]); что *осязаніе научаетъ* другія чувства [2]), и пр.

А между-тѣмъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что чувства суть только случайная причина, *что они не чувствуютъ, что только душа чувствуетъ посредствомъ органовъ* [3]).

Если употребить здѣсь строго точный языкъ, то нужно сказать, что только одинъ *духъ чувствуетъ, судитъ, познаетъ*. Никакое *чувство* не *учитъ* другое. Одинъ *духъ научается*, исправляя одно чувство другимъ или, говоря еще точнѣе, исправляя впечатлѣнія одного чувства впечатлѣніями другаго.

Итакъ *не глазъ* видитъ, но глазомъ видитъ *умъ*. Есть прямой опытъ, строго это доказывающій.

Если отнять у животнаго большой мозгъ, то животное совершенно потеряетъ умъ. Но въ отношеніи къ глазу ничто не измѣнилось, предметы продолжаютъ рисоваться на сѣтчатой оболочкѣ, радужная оболочка остается сократимою, оптическій нервъ способнымъ возбуждаться. А между-тѣмъ животное больше не видитъ. Нѣтъ возможности *видѣть*, потому-что нѣтъ *ума* [4]).

[1]) Extrait raisonné: Préambule.
[2]) Ibidem.
[3]) Extrait raisonné. Précis de la troisiéme partie.
[4]) См. Recherches expérimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux (seconde édition).

Тотъ же Дюпонъ-де-Немуръ, который такъ увѣренъ, что мы учимся видѣть, предполагаетъ, что мы всему выучиваемся [1]), напр. сосать грудь, ходить, и проч. Онъ полагаетъ, что въ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ инстинкту, «бываетъ воспріятіе самое живое, логика самая строгая, предусмотрѣніе самое остроумное и вѣрное [2])».

Дюпонъ-де-Немуръ говоритъ, что *сосать грудь* есть искусство [3]), что этому *искусству* выучиваются вслѣдствіе *разсужденія*, вслѣдствіе методы [4]), вслѣдствіе *извѣстнаго числа опытовъ, изъ которыхъ выводятся вѣрныя заключенія* [5]). Между-тѣмъ онъ не видитъ, что дитя сосетъ грудь безъ разсужденія, безъ опыта, безъ заключенія, ибо какъ-только оно встрѣчаетъ сосцы, то оно *сосетъ*.

Наконецъ справедливо-ли то, что мы выучиваемся ходить?

Въ то время, когда писалъ Дюпонъ-де-Немуръ, не было еще извѣстно начало, управляющее механизмомъ движеній перемѣщенія. Теперь же, когда я от-

---

1) Quelques mémoires sur différents sujets, la plupart d'histoire naturelle etc. 1853. Mémoire sur l'instinct, page 160.

2) Ibidem, page 157.

3) Mémoire sur l'instinct, page 163.

4) Page 171.

5) Page 164.

крылъ это начало [1]), то можно сказать, что фактъ хожденія нетолько не есть фактъ *ума*, но даже не есть фактъ *инстинкта*.

Начало, управляющее механизмомъ *хожденія*, содержится въ опредѣленной части головнаго мозга, въ части совершенно иной, чѣмъ та, которая составляетъ сѣдалище *ума*.

Я доказалъ прямыми опытами [2]), что головной мозгъ состоитъ изъ трехъ частей, существенно различныхъ: изъ *большаго мозга* [3]), исключительнаго вмѣстилища ума; *мозжечка*—вмѣстилища начала уравновѣшенія или правильнаго сочетанія движеній перемѣщенія [4]), и изъ *продолговатаго мозга* —вмѣстилища начала, управляющаго *дыханіемъ*, и слѣдовательно всѣмъ жизненнымъ механизмомъ.

Когда разрушаютъ у животнаго *большой мозгъ* [5]), —уничтожается *умъ;* когда у нихъ разрушаютъ *мозжечокъ*, то уничтожается способность *передвиженія;* если разрушаютъ *продолговатый мозгъ*, то уничтожается *дыханіе* и жизнь.

---

[1]) См. Recherches expérimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux dans les animaux vertébrés, seconde édition. Paris, 1841.

[2]) Ibidem.

[3]) Lobes ou hemisphères cérébraux.

[4]) Хожденіе, бѣганіе, прыганіе и пр.

[5]) Lobes ou hemisphères cérébraux.

Но здѣсь достаточно замѣтить, что отнявши большой мозгъ, можно уничтожить въ животномъ умъ, не нарушая правильности его движеній. Эта правильность существуетъ до-тѣхъ-поръ, пока мозжечокъ останется неприкосновеннымъ; она существуетъ и послѣ того, какъ умъ утраченъ, слѣдовательно, не зависитъ отъ ума.

Дюпонъ-де-Немуръ говоритъ, что «*ходить* значитъ держаться въ равновѣсіи поперемѣнно то на одной, то на другой ногѣ [1])», опредѣленіе очень вѣрное. Но онъ прибавляетъ, что это есть искусство, и искусство «*до такой степени пріобрѣтаемое*, что люди самые сильные *забываютъ* его при разстройствѣ разума невоздержностью [2]).» Нисколько; потому-что отъ *невоздержности* прямо поражается мозжечокъ, вмѣстилище начала, управляющаго движеніями [3]). Животное, раненное въ мозжечокъ, теряетъ равновѣсіе движеній, какъ-будто оно пьяно.

«Есть люди, говоритъ Дюпонъ-де-Немуръ, которые простираютъ искусство ходить до искусства танцовать и прыгать по канату [4])». Но онъ опять смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія: пер-

---

[1]) Mémoires sur l'instinct, page 160.

[2]) Ibidem.

[3]) См. Recherches experimentales sur les propriétés et les fonctions du système nerveux, etc.

[4]) Mémoires sur l'instinct, page 160.

воначальное равновѣсіе движеній, равновѣсіе произведенное мозжечкомъ, съ употребленіемъ, дѣлаемымъ изъ этого уже даннаго равновѣсія, длятого чтобы танцовать, прыгать по канату, бѣгать, ходить и проч., однимъ словомъ — умъ опредѣляетъ движеніе и родъ движенія; но равновѣсіе, т.-е. гармонія всѣхъ частныхъ усилій, производящихъ правильное и общее движеніе, это равновѣсіе зависитъ отъ особеннаго органа — мозжечка, не зависящаго отъ ума.

объ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ.

«Животныя, по природѣ своей, говоритъ Галенъ, не нуждаются ни въ какомъ ученіи.»

«Этого достаточно для того, чтобы думать, что животныя скорѣе вслѣдствіе игры инстинкта, нежели по вліянію разума, исполняютъ всѣ свои искусныя дѣйствія; изъ этого заключаю, что пчеламъ, паукамъ, муравьямъ не нужно ни обученія, ни опытности, длятого чтобы устроивать свои соты, паутину, подземные ходы и магазины [1]).»

Я уже сказалъ — животное дѣлаетъ все по инстинкту, *не учившись*.

Кто учитъ шелковичнаго червя дѣлать коконъ? Онъ не могъ видѣть своихъ родителей: одно поколѣніе не можетъ видѣть другаго.

---

[1]) De l'usage des parties, livre I.

Кто учитъ паука ткать паутину? Отчего же онъ дѣлаетъ ее хорошо? Отчего не можетъ дѣлать ее худо?

Всякій знаетъ *садоваго паука, котораго паутина есть образецъ радіусовъ выходящихъ изъ центра* [1]). Какъ часто видалъ я, что онъ, едва вылупившись, начиналъ ткать свою паутину: здѣсь дѣйствуетъ одинъ инстинктъ.

Но если я разорву паутину, то паукъ починяетъ ее; онъ починяетъ ее въ разорванномъ мѣстѣ; онъ не касается другихъ мѣстъ, а разорванное мѣсто починяетъ столько разъ, сколько я его разорву.

Въ пауке есть машинальный *инстинктъ*, заставляющій его *дѣлать* паутину, и *умъ* (родъ ума, какой можетъ быть въ пауке), который даетъ знать ему *о разорванномъ мѣстѣ*, о мѣстѣ, въ которомъ долженъ *дѣйствовать инстинктъ*.

Когда Реомюръ, де-Гееръ, оба Гюберы приписываютъ насѣкомымъ умъ, то принимаютъ слово умъ въ смыслѣ весьма неопредѣленномъ.

Я уже ссылался на Реомюра, который приписываетъ имъ, больше чѣмъ какому-либо другому животному, извѣстную степень ума [2]).

---

[1]) Выраженіе Реймаруса: Observations physiques et morales sur l'instinct, etc., tome I, page 129.

[2]) Смотри выше, стр. 28.

Карлъ де-Гееръ, этотъ второй Реомюръ [1]), также говоритъ намъ, что насѣкомыя одарены умомъ, какъ и прочія животныя, *хотя въ меньшей степени* [2]).

Францъ Гюберъ, этотъ удивительный наблюдатель пчелъ, удивительный даже послѣ Реомюра, желая описать усердный пріемъ пчелами новой матки, говоритъ, что «пчелы въ первую минуту дѣлаютъ это съ большимъ жаромъ и большими изъявленіями радости», но тотчасъ прибавляетъ, и очень мило: «я чувствую несвойственность этихъ выраженій... Г. Реомюръ въ нѣкоторомъ родѣ освятилъ ихъ; онъ не находитъ никакого затрудненія сказать, что пчелы оказываютъ маткѣ *услуги, уваженіе, почести* [3])».

Надъ этими-то выраженіями Реомюра насмѣхался Бюффонъ, какъ мы уже видѣли [4]). «Чѣмъ болѣе наблюдаютъ, говоритъ онъ, надъ этимъ ульемъ мухъ, тѣмъ больше открываютъ чудесъ; неизмѣнное и всегда одинаковое правленіе, глубокое уваженіе къ должностной особѣ, чрезвычайную бдительность въ служеніи ей [5])».

---

[1]) Онъ былъ по справедливости называемъ *шведскимъ Реомюромъ*.

[2]) Mémoires pour servir à d'histoire les insectes etc., tome II p. 11.

[3]) Nouvelles observations sur les abeilles, etc. Lettre VI.

[4]) См. выше стр. 28.

[5]) Discours sur la nature des animaux.

Петръ Гюберъ, сынъ Франца Гюбера, такой же рѣдкій наблюдатель, думаетъ, что открылъ языкъ муравьевъ.

Онъ называетъ его *сяжковымъ языкомъ*, потому-что *сяжки*, органы осязанія, говоритъ онъ, суть главное его орудіе [1]).

Я боюсь, какъ бы сяжковый языкъ Петра Гюбера не былъ слишкомъ похожъ на вороній словарь Дюпонъ-де-Немура.

Истина состоитъ въ томъ, что природа, или лучше Всевышнее Существо, дѣйствующее въ ней, скупо распредѣлило высшіе дары ума. Оно даровало *разумъ* только человѣку. *Умъ*, или по-крайней-мѣрѣ нѣкоторую степень *ума* даровало животнымъ самымъ близкимъ къ человѣку. Напротивъ, природа щедро надѣляла *инстинктомъ*. Самые чудесные *инстинкты* находятся у самыхъ маленькихъ животныхъ, — *у насѣкомыхъ*.

О системѣ животныхъ машинъ.

Часто говорили, что Декартъ заимствовалъ свою систему животныхъ машинъ изъ Перейры [2]).

Система животныхъ машинъ находится въ связи со всею философіею Декарта.

---

[1]) Recherches sur les fourmis indigènes, chap. VI, page 176.

[2]) Испанскій медикъ, писавшій около половины XVI столѣтія. См. его книгу подъ заглавіемъ (по имени отца и матери его) „Antoniana-Margarita“.

Декартъ читалъ очень мало; весьма вѣроятно, что онъ вовсе не читалъ Перейры.

Впрочемъ, что совершенно ново въ Декартѣ — это не система, но великій порядокъ понятій, изъ которыхъ онъ выводитъ систему.

Я нахожу слѣды системы животныхъ машинъ даже у древнихъ. Плутархъ уже опровергалъ ее по-своему, т.-е. равно здраво и остроумно.

«Что же касается тѣхъ, говоритъ Плутархъ, которые такъ натянуто и такъ грубо говорятъ, что животныя не могутъ ни радоваться, ни сердиться, ни бояться; что ласточка не запасаетъ корма и пчела не обладаетъ памятью, но что только окажется, будто ласточка имѣетъ предусмотрительность — будто левъ разъяряется и лань дрожитъ отъ страха; то не знаю, что они отвѣчали бы на то, еслибы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что точно такъ же они сами не видятъ, не слышатъ и не имѣютъ голоса, но что только кажется, будто они и видятъ, и слышатъ, и имѣютъ голосъ; наконецъ, что они не живутъ, но только кажется, что они живутъ, ибо одно не меньше другаго было бы противно всякой очевидности [1]).»

О системѣ животныхъ машинъ есть у Фенелона разговоръ, гдѣ встрѣчается не одно тонкое крити-

[1]) Quels animaux sont les plus avisés?

ческое замѣчаніе. Я говорю о разговорѣ подъ заглавіемъ: «Аристотель и Декартъ».

Декартъ, желая объяснить *преслѣдованіе* зайца собакою, предполагаетъ въ собакѣ весьма тонкія пружины, такъ, что *мельчайшія частицы зайца, дотрогиваясь до нихъ, привлекаютъ собаку къ зайцу*.

«Но (отвѣчалъ Аристотель) когда собака ошибется, и мельчайшія частицы зайца не поражаютъ уже ея обоняніе, отчего тогда собака ищетъ повсюду до-тѣхъ-поръ, пока не найдетъ слѣда?»

Нельзя забыть Лафонтена, говоря о животныхъ, особенно же о ихъ умѣ, ихъ привычкахъ, инстинктѣ.

Кто не знаетъ басни, въ которой великій простакъ-философъ такъ остроумно излагаетъ систему животныхъ машинъ?

«Они говорятъ, что животное есть машина, что все въ немъ дѣлается безъ выбора и какъ-бы посредствомъ пружинъ; что нѣтъ въ немъ ни чувства, ни души, и что все въ немъ тѣло. Такъ часы слѣпо и безъ всякаго намѣренія идутъ всегда ровными шагами; откройте ихъ, прочтите въ ихъ груди: нѣсколько колесъ замѣняютъ тамъ всевозможный умъ; первое колесо движетъ вторымъ, слѣдуетъ третье, наконецъ часы звонятъ. Точно такъ же животное, по словамъ этихъ людей, взволновано чувствами, называемыми по-просту скукою, радостью, любовью,

удовольствіемъ, страшною болью, или другимъ подобнымъ состояніемъ. Это не то; не ошибитесь! Что же это такое?..... часы!....»

Нужно бы передать здѣсь всю басню, но я ищу только того, что относится къ Декарту.

«Вотъ, говорю я, какъ разсуждаетъ этотъ писатель: Между всѣми животными, твореніями Всевышняго, я одинъ имѣю даръ мыслить и знаю, что мыслю; но вы знаете Ирида, изъ извѣстной науки, что еслибы мыслило животное, то оно не размышляло бы ни о предметѣ, ни о своей мысли. Декартъ идетъ дальше и утверждаетъ прямо, что оно нисколько не мыслитъ.»

Вотъ что *утверждаетъ* Декартъ, и чего, какъ легко догадаться, вовсе не принимаетъ Лафонтенъ. «Пусть станутъ меня увѣрять, что у животныхъ нѣтъ ума! Еслибы это отъ меня зависѣло, то я его приписалъ бы имъ, такъ же какъ и дѣтямъ. Не думаютъ ли дѣти съ самыхъ юныхъ лѣтъ? Итакъ есть существа, могущія думать, не сознавая себя.»

Лафонтенъ удивляется Декарту: —«Декартъ, сей смертный, котораго обоготворили бы у язычниковъ»— и тѣмъ не менѣе видитъ предѣлы его знанія. «Впечатлѣніе происходитъ; какъ?—Я не знаю. Можно узнать это только въ лонѣ Божества. И, говоря откровенно, Декартъ этого не зналъ еще.»

Часть II.

ЗООЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Часть II.

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ЗООЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

О ДОМАШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ЖИВОТНЫХЪ.

До послѣдняго времени вопросъ о домашнемъ состояніи животныхъ вовсе не занималъ натуралистовъ; они видѣли въ немъ только дѣйствіе власти человѣка надъ животными. Это было старинное общее мнѣніе, которое раздѣлялъ самъ Бюффонъ. «Человѣкъ, говоритъ онъ, измѣняетъ естественное состояніе животныхъ, принуждая ихъ повиноваться себѣ и заставляя служить себѣ [1])». Итакъ въ домашнемъ состояніи животныхъ все искусственно, все зависитъ отъ человѣка. Но если допустить это, то почему нѣкоторые виды сдѣлались домашними, и только эти одни, тогда-какъ столько другихъ остаются дикими?

Изъ этого видно, что вопросъ не такъ простъ

---

[1]) Les animaux domestiques, tome IV, page 169.

для разрѣшенія, какъ кажется. Рядомъ съ видами, сдѣлавшимися домашними, находятся виды, оставшіеся дикими. Власть человѣка, какъ общая причина, недостаточна для того, чтобы объяснить домашнее состояніе животныхъ, которое въ-самомъ-дѣлѣ есть весьма частный случай: частный фактъ долженъ имѣть свою собственную причину, которую и нужно было найти.

Домашнее состояніе животныхъ ведетъ начало изъ ихъ *общежительности.*

Нѣтъ ни одного вида, сдѣлавшагося домашнимъ, который не жилъ бы въ естественномъ состояніи, въ обществѣ; и на оборотъ, изъ столькихъ одиночныхъ видовъ, которыхъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, съ не меньшею пользою могъ бы привязать къ себѣ, нѣтъ ни одного, сдѣлавшагося домашнимъ. Слѣдовательно, общежительность животныхъ есть начальный фактъ, требовавшій новаго разсмотрѣнія. Бюффонъ слегка коснулся изученія его. Прежде всего онъ различаетъ три вида обществъ; взглядъ вполнѣ вѣрный [1]): Общества, *составляемыя животными*

---

[1]) Аристотель различалъ уже животныхъ, живущихъ уединенно отъ тѣхъ, которыя живутъ стадами, и отъ тѣхъ, которыя живутъ въ обществахъ. „Подъ животными живущими въ обществахъ я разумѣю, говоритъ онъ, тѣхъ, которыя соединяются для общей работы, чего не дѣлаютъ всѣ живущія стадами, но что дѣлаетъ человѣкъ, пчела, муравей и пр.“ Histoire des animaux,

нисшими, какъ напр. пчелами; *общества, составляемыя животными нѣсколько болѣе высшаго разряда,* какъ бобры, слоны, обезьяны и проч. *и общества, составляемыя родомъ человѣческимъ.*

Но въ первыхъ онъ видитъ только физическое соединеніе; вторыя, повидимому, зависятъ отъ выбора тѣхъ, ктоихъ составляетъ; третьи же зависятъ только отъ разума: «Это соединеніе, говоритъ онъ о послѣднихъ, есть самое лучшее произведеніе человѣка и самое мудрое употребленіе разума [1]).»

Эти три рода обществъ имѣютъ однакожь общій источникъ; всѣ они, не исключая и составляемыхъ человѣкомъ, по-крайней-мѣрѣ по началу своему, суть дѣйствіе кореннаго и опредѣленнаго инстинкта.

Тайная, первоначальная сила непобѣдимо влечетъ человѣка къ соединенію другъ съ другомъ. Этотъ инстинктъ предшествуетъ всякому размышленію; онъ господствуетъ даже въ самыхъ дикихъ народахъ; мысль же, что человѣкъ въ естественномъ состояніи живетъ уединенно, всегда была только философскимъ парадоксомъ, которому вездѣ противорѣчитъ наблюденіе.

---

livre I, page 9. „Овцы и козы, говоритъ онъ, спятъ семействами, прижавшись одна къ другой... Коровы пасутся также стадомъ; онѣ привыкаютъ другъ къ другу такъ, что если одна собьется съ дороги, то другія слѣдуютъ за ней". Ibidem, livre IX, page 545.

[1]) Discours sur la nature des animaux, tome IV, page 96.

Этотъ инстинктъ, управляющій человѣческимъ родомъ, есть также первне основаніе обществъ, составляемыхъ нѣкоторыми родами животныхъ; и онъ —коренной, какъ для этихъ родовъ, такъ и для насъ. Онъ не зависитъ ни отъ ума, ибо глупая овца живетъ обществомъ [1]), *левъ, медвѣдь, лисица* и пр. живутъ *уединенно;* ни отъ привычки, потому-что долгое пребываніе птенцовъ возлѣ родителей не производитъ его. Медвѣдь холитъ своихъ дѣтенышей такъ же долго и съ такою же нѣжностью, какъ собака, между-тѣмъ медвѣдь принадлежитъ къ числу наиболѣе уединяющихся животныхъ. Еще больше: этотъ инстинктъ не уничтожается, даже когда не приводится въ дѣйствіе. Ф. Кювье воспитывалъ молодыхъ собакъ вмѣстѣ съ свирѣпыми волками, и склонность къ общежительности всегда проявлялась въ собакѣ, какъ-только ей даруема была свобода. Г. Леруа, наблюдатель глубоко проницательный, пріобрѣвшій долголѣтнюю опытность, сдѣлалъ относительно обществъ животныхъ замѣчанія сколько тонкія, столько и любопытныя. Онъ видитъ первую степень этихъ обществъ въ соединеніи волка съ волчицею, «которыя раздѣляютъ

---

[1]) Насѣкомыя составляютъ самыя замѣчательныя и самыя многочисленныя общества.

между собою семейныя заботы [1])». «Косуля и его самка, говоритъ онъ, чувствуютъ потребность любить другъ друга, независящую ни отъ какой другой потребности [2])». Наконецъ кроликъ представляетъ ему общество, не ограничивающееся однимъ семействомъ, а простирающееся на нѣсколько семействъ, или лучше на «всѣ существа этого вида, которыя находятся въ сосѣдствѣ [3])».

Ф. Кювье идетъ еще дальше. Онъ выводитъ домашнее состояніе животныхъ изъ ихъ общежительности.

Мы видѣли три различныхъ состоянія: уединяющихся видовъ, какъ: *кошки, куницы, медвѣди, гіены и пр.*; видовъ, живущихъ семействами, какъ *волки, косули* и пр.; и видовъ, составляющихъ настоящія общества, какъ: *бобры, слоны, обезьяны, собаки, тюлени* и пр.

Изученіемъ этихъ обществъ и занимается Ф. Кювье. Здѣсь существуетъ соединеніе, несмотря на то, что интересы различны. Сотни недѣлимыхъ всякаго пола и всякаго возраста сближаются, понимаютъ другъ друга, подчиняются другъ другу. «Здѣсь-то, говоритъ Ф. Кювье, инстинктъ общежитія выказы-

[1]) Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux, page 24.

[2]) Ibidem, page 49

[3]) Ibidem, page 50.

вается во всемъ объемѣ со всѣмъ своимъ вліяніемъ; и здѣсь-то онъ можетъ быть сравниваемъ съ инстинктомъ образующимъ человѣческія общества». Ф. Кювье слѣдитъ за успѣхами животнаго, раждающагося и развивающагося среди своего стада, и, въ каждую эпоху своей жизни, научающагося изъ всего, что̀ его окружаетъ, приводить свое новое существованіе въ гармонію съ прочими. Онъ видитъ въ слабости молодыхъ начало повиновенія старшимъ, обладающимъ уже силою, а въ привычкѣ повиноваться, разъ принятой молодыми, причину, по которой власть остается у старшаго, хотя этотъ старшій въ свою очередь становится самымъ слабымъ. На самомъ дѣлѣ всякій разъ, когда общество находится подъ руководствомъ главы, этотъ глава почти всегда бываетъ старшій лѣтами изъ всего стада. Я говорю почти всегда, потому-что установленный порядокъ можетъ быть нарушенъ порывами сильныхъ страстей; тогда власть переходитъ къ другому и, опять начинаясь силою, она сохраняется потомъ точно также по привычкѣ.

Итакъ изъ класса млекопитающихъ есть виды, составляющіе настоящія общества; изъ однихъ этихъ видовъ человѣкъ беретъ всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ.

Лошадь, сдѣлавшаяся въ домашнемъ состояніи то-

варищемъ человѣка, можетъ быть названа естественнымъ товарищемъ всѣхъ животныхъ своего вида. Дикія лошади ходятъ стадами: у нихъ есть глава, идущій впереди, за которымъ они довѣрчиво слѣдуютъ, который даетъ имъ знакъ къ бѣгству или къ битвѣ. Онѣ соединяются такимъ образомъ по инстинкту, и сила этого инстинкта такъ велика, что домашняя лошадь, видя въ первый разъ стадо дикихъ лошадей, часто оставляетъ своего хозяина для того, чтобы присоединиться къ стаду, которое съ своей стороны приближается къ ней и зоветъ ее.

Баранъ, воспитанный нами, слѣдуетъ за нами; но онъ равно слѣдуетъ за стадомъ, среди котораго родился. Онъ видитъ въ человѣкѣ только *главу своего стада*, какъ выразился весьма остроумно Ф. Кювье. Это-то и составляетъ основаніе новой теоріи. Человѣкъ для домашнихъ животныхъ есть только членъ ихъ общества; все его искусство приводится къ тому, чтобы заставить ихъ принять себя въ товарищи; ибо какъ-только онъ дѣлается ихъ товарищемъ, то вскорѣ становится ихъ главою, вслѣдствіе своего умственнаго превосходства. Слѣдовательно онъ не измѣняетъ ихъ *естественнаго состоянія*, какъ говоритъ Бюффонъ; напротивъ, онъ пользуется этимъ *естественнымъ состояніемъ*. Другими словами: онъ нашелъ животныхъ

общежительными, и дѣлаетъ ихъ *домашними*; домашнее состояніе есть только особенный случай, простое видоизмѣненіе, опредѣленное послѣдствіе *общежительности*.

Всѣ наши домашнія животныя по своей природѣ общежительны. *Быкъ*, *коза*, *свинья*, *собака*, *кроликъ* и пр., живутъ въ естественномъ состояніи обществами и стадами. *Кошка* съ перваго взгляда кажется исключеніемъ, ибо видъ кошки есть одиночный, какъ я уже сказалъ. Но дѣйствительно ли *кошка* есть домашнее животное? Она живетъ съ нами, но дѣлается ли она нашимъ товарищемъ? Она получаетъ отъ насъ благодѣянія; но оказываетъ ли она намъ въ замѣнъ того покорность, послушаніе, услуги, подобныя оказываемымъ видами вполнѣ домашними? Итакъ время, заботы, привычка ничего не могутъ сдѣлать безъ первоначально общежительной природы и самый примѣръ кошки служитъ этому самымъ явнымъ доказательствомъ.

Бюффонъ признаетъ, что «хотя кошки живутъ въ нашихъ домахъ, но онѣ не вполнѣ домашнія, и что наилучше-прирученныя все-таки не покорены намъ вполнѣ [1])». Въ противоположности этихъ двухъ

[1]) Histoire du chat, tome VI, p. 7. Онъ въ другомъ мѣстѣ очень хорошо различаетъ дикія *собранія* волковъ отъ настоящихъ *обществъ*, образуемыхъ собаками. Собаки, даже самыя грубыя, говоритъ онъ, ищутъ сообщества другихъ животныхъ; онѣ

словъ: *приручены* и *покорены*, заключается зародышъ важной истины. Человѣкъ на самомъ дѣлѣ можетъ приручать виды даже наиболѣе одиночные и самые лютые. Онъ приручаетъ *медвѣдя, льва, тигра*. Древніе, которые дѣлали изъ тщеславной роскоши больше, нежели сколько мы дѣлаемъ для науки, видали колесницы, возомыя *тиграми* и *пантерами*. Мы всякій день видимъ, что медвѣди повинуются своему хозяину, легко поддаются упражненіямъ. А между-тѣмъ ни одинъ одиночный видъ, какъ бы ни легко было сдѣлать его ручнымъ, никогда не производилъ домашней породы.

Это происходитъ отъ того, что привычка не есть инстинктъ. Животное приручается по привычкѣ и только по инстинкту оно общежительно. Если отдѣлить *корову, козу, овцу* отъ стада, то силы ихъ упадаютъ, и этотъ упадокъ слу-

---

по природѣ готовы слѣдовать за ними, сопровождать ихъ, и по инстинкту умѣютъ провожать и стеречь наши стада. Волкъ, напротивъ, врагъ всякаго общества, онъ даже не живетъ въ обществѣ съ животными своего вида; когда они бываютъ вмѣстѣ-то это не мирное общество, а военный союзъ, который составляется съ большимъ шумомъ, съ ужасными завываніями и который предвѣщаетъ намѣреніе напасть на какое-нибудь большое животное, напримѣръ, на оленя, на быка, или же отдѣлаться отъ какой-нибудь страшной дворной собаки. Лишь-только ихъ военная экспедиція окончилась, то они расходятся и молча возвращаются въ свое уединеніе.“ Histoire du loup, tome VIII, p. 41.

житъ новымъ доказательствомъ потребности ихъ жить обществомъ.

Ф. Кювье передаетъ фактъ, хорошо показывающій все различіе, существующее между животнымъ, обладающимъ привычкою къ обществу, и животнымъ, имѣющимъ инстинктъ общежитія. «Одна львица потеряла, говоритъ онъ, собаку, съ которою была воспитана, и, чтобы сохранить то же зрѣлище для публики, ей дали другую, которую она тотчасъ же приняла. Казалось, она не страдала отъ потери своего товарища; привязанность, которую она питала къ нему, была весьма слаба,—она терпѣла его возлѣ себя; такимъ же образомъ она терпѣла и вторую. Эта львица умерла въ свою очередь, тогда собака представила намъ совсѣмъ другое зрѣлище: она не хотѣла выдти изъ клѣтки, въ которой жила съ львицею; грусть ея увеличивалась все болѣе-и-болѣе, на третій день она не хотѣла ѣсть и умерла на седьмой день.»

Итакъ, чѣмъ болѣе изучать вопросъ, тѣмъ болѣе можно видѣть, что домашнее состояніе возникаетъ изъ общежительности. Человѣкъ обладаетъ только немногими средствами къ тому, чтобы дѣйствовать на животныхъ. Любопытно поэтому прослѣдить сравнительно вліяніе этихъ средствъ на животныхъ одиночныхъ и на животныхъ общежительныхъ; это и сдѣлалъ Ф. Кювье.

Голодъ есть первое изъ этихъ средствъ и одно изъ самыхъ могущественныхъ. Голодомъ укрощаютъ молодыхъ лошадей, воспитанныхъ въ независимости, Имъ даютъ только понемногу пищи послѣ долгихъ промежутковъ. Животное такимъ-образомъ привязывается къ тому, кто ходитъ за нимъ, и если прибавляютъ кстати какую-нибудь лакомую пищу, то эта привязанность сильно возрастаетъ, а вслѣдствіе-того возрастаетъ и власть человѣка. Ф. Кювье говоритъ, что посредствомъ извѣстныхъ лакомствъ, особенно сахара, можно достигнуть укрощенія травоядныхъ животныхъ и подчинить ихъ тѣмъ упражненіямъ, которыхъ свидѣтелями дѣлаютъ насъ иногда цирки.

Принужденное бодрствованіе есть средство еще сильнѣйшее, чѣмъ голодъ. Никакое другое средство не уничтожаетъ больше силъ животнаго, и слѣдовательно не располагаетъ его вѣрнѣе къ повиновенію. Этого принужденнаго бодрствованія достигаютъ посредствомъ голода, доведеннаго до высшей степени ударами кнута, громкими звуками, какъ напр. барабана или трубы.

Голодомъ, принужденнымъ бодрствованіемъ, человѣкъ возбуждаетъ потребности животнаго, но онъ возбуждаетъ ихъ только для того, чтобы удовлетворить имъ. Въ-самомъ-дѣлѣ тамъ, гдѣ

начинается съ нашей стороны благодѣяніе, начинается въ сущности и наша власть; зато человѣкъ не ограничивается удовлетвореніемъ естественныхъ потребностей; онъ возбуждаетъ новыя. Кормя животное лакомою пищею, онъ возбуждаетъ въ немъ удовольствіе и вслѣдствіе того новую потребность. Потребность еще болѣе новая, болѣе искусственная, есть потребность ласки. Лошадь, слонъ и пр. принимаютъ наши ласки, какъ благодѣяніе; кошка иногда страстно добивается ихъ. Онѣ дѣйствуютъ сильнѣе всего на собаку и, достойно замѣчанія, что всѣ виды рода собаки равно чувствительны къ нимъ.

«Въ звѣринцѣ музеума, говоритъ Ф. Кювье, была волчица, на которую ласки руки и голоса такъ сильно дѣйствовали, что, казалось, всякій разъ, какъ ее ласкали, она испытывала настоящее упоеніе, и радость ея выражалась съ одинаковою живостью и въ крикахъ, и въ движеніяхъ. Сенегальскій шакалъ выказывалъ то же самое; обыкновенная лисица была такъ сильно взволнована ласками, что были принуждены удерживаться, въ отношеніи къ ней, отъ всякихъ знаковъ подобнаго рода.»

Итакъ человѣкъ достигаетъ подчиненія себѣ животнаго только хитростью, обольщеніемъ. Онъ воз-

буждаетъ потребности животнаго, чтобы придать себѣ, если можно такъ выразиться, заслугу удовлетворенія ихъ; онъ возбуждаетъ новыя потребности; онъ этими благодѣяніями дѣлаетъ себя мало-по-малу необходимымъ, и когда достигнетъ этого, то употребляетъ принужденіе и наказанія, но тогда только онъ прибѣгаетъ къ нимъ, ибо еслибы онъ началъ съ наказаній, то никогда бы не получилъ довѣрія; но онъ употребляетъ наказанія умѣренно, потому-что два самыя вѣрныя послѣдствія всякаго насилія суть возмущеніе и ненависть.

«Человѣку, говоритъ Ф. Кювье, нужно покорить въ животномъ только волю». И человѣкъ, какъ мы сейчасъ видѣли, дѣйствуетъ на волю только потребностями: онъ усиливаетъ эти потребности; онъ возбуждаетъ даже новыя; наконецъ, уничтожаетъ источникъ нѣкоторыхъ посредствомъ холощенія. Волъ, валухъ, вполнѣ подчиняются только послѣ этого изуродованія.

Таковы средства, употребляемыя человѣкомъ. Но эти средства, которыя, будучи приложены къ животному общежительному, дѣлаютъ изъ него домашнее животное, изъ животнаго одиночнаго образуютъ только ручное животное. Итакъ истинное и основное начало домашняго состоянія, заключается, еще разъ, только въ *инстинктѣ общежительности*.

Мы уже многихъ животныхъ сдѣлали домашними; но, безъ-сомнѣнія, есть еще многія, которыхъ можно было бы привести къ тому же состоянію. Не говоря уже объ обезьянахъ, которыхъ живость, измѣнчивость и рѣзвость дѣлаютъ неспособными къ повиновенію, и которыхъ, слѣдовательно, надобно исключить, несмотря на ихъ умъ и инстинктъ къ общежительности—не говоря о двуутробкахъ, о неполнозубыхъ, о грызунахъ, которыхъ умъ слишкомъ ограниченъ, чтобы человѣкъ могъ извлекать изъ него большія выгоды,—почти всѣ *толстокожія*, которыя еще не сдѣлались домашними, могли бы сдѣлаться ими, напримѣръ *тапиръ*: такъ-какъ онъ больше и кротче кабана, то онъ далъ бы, можетъ-быть, поколѣніе домашнихъ животныхъ, превосходящихъ свинью. Рыбаки могли бы пріучить тюленя къ рыболовству; мы сами не должны бы были пренебрегать воспитаніемъ *зебры, квагги, дауджигетая*, этихъ прекрасныхъ видовъ *однокопытныхъ*, а также изъ отрыгающихъ жвачку животныхъ, *альпаки, вигони*, которыхъ волосъ такъ обиленъ и гораздо тоньше шерсти. Итакъ общежительность, образующая домашнее состояніе, указываетъ между дикими животными на тѣ виды, которые могли бы еще сдѣлаться домашними. Но инстинктъ общежительности, еслибъ онъ дѣйствовалъ одинъ, далъ бы

только *домашнее недѣлимое;* другой фактъ усиливаетъ его дѣйствіе и образуетъ *породу*. Этотъ другой фактъ есть *передача* отъ одного поколѣнія другому *видоизмѣненій*, пріобрѣтенныхъ первымъ поколѣніемъ: фактъ *очень общаго разряда,* о которомъ я тотчасъ буду говорить.

Итакъ инстинктъ общежительный даетъ домашнее недѣлимое; а усиленный, передачею *пріобрѣтенныхъ измѣненій,* даетъ породу.

II.

О РОДСТВѢ ВИДОВЪ.

Въ другомъ мѣстѣ я изложилъ точные признаки *вида* и *рода* [1]). Признакъ вида есть *безпредѣльная плодовитость*; признакъ рода есть *ограниченная плодовитость*.

Здѣсь не мѣсто возвращаться къ этимъ великимъ вопросамъ.

Я только напомню главную мою мысль, что всѣ недѣлимыя одного вида могутъ совокупляться и ихъ совокупленіе плодовито-безпредѣльно; всѣ виды одного рода также могутъ совокупляться, но ихъ совокупленіе ограниченно-плодовито.

[1]) Флурансъ: Histoire des idées et des travaux de Buffon, chap. V, p. 96 и Histoire des travaux de G. Cuvier, chap. IV, page 297 (secondes éditions).

Ублюдокъ осла и лошади становится безплоднымъ съ перваго или втораго поколѣнія; ублюдокъ собаки и волка перестаетъ плодиться со втораго или съ третьяго поколѣнія и проч. Плодовитость всякаго вида, сама по себѣ, вѣчна. О плодовитости породъ можно сказать то же самое, потому-что порода есть только разновидность, видоизмѣненіе вида. Всѣ породы нашихъ лошадей плодовиты между собою, и эта плодовитость не имѣетъ предѣла. То же должно сказать о всѣхъ породахъ собакъ, барановъ, быковъ, козловъ и пр. Всѣ породы человѣка плодовиты между собою, а *плодовитость* есть *неограниченная*—фактъ, доказывающій *единство вида человѣческаго, физическое единство человѣка*.

Итакъ есть два рода ублюдковъ: *ублюдки вида* и *ублюдки породы, плодовитость* первыхъ *ограниченная*, послѣднихъ *безпредѣльная*.

Теперь я говорю только объ ублюдкахъ вида.

Совокупленіе волка съ собакою, осла съ лошадью, льва съ тигромъ, козла съ овцею, барана съ козою и пр. производитъ ублюдковъ съ плодовитостью ограниченною; итакъ волкъ и собака, оселъ и лошадь, левъ и тигръ, козелъ и баранъ и пр. принадлежатъ къ тому же роду.

Напротивъ-того, собака и лисица разныхъ родовъ;

ибо онѣ не совокупляются и не производятъ дѣтей.

Бюффонъ уже доказалъ, что самецъ лисицы не совокупляется съ сукою [1]). Мои опыты подтверждаютъ опыты Бюффона. Лисица-самецъ никогда не могла быть доведена до совокупленія съ сукою и кобель съ лисицею-самкою. Я даже убѣжденъ, что если-бы когда-нибудь произошло ихъ совокупленіе, то осталось бы безъ послѣдствій.

Животныя, различающіяся какимъ-нибудь значительнымъ признакомъ: или въ зубахъ, или въ органахъ чувствъ [2]), уже не принадлежатъ къ одному роду.

У собаки зрачокъ имѣетъ круглую форму, у лисицы зрачекъ продолговатый [3])—, собака лучше видитъ днемъ, лисица ночью. При такомъ различіи, относительно такого важнаго органа, не можетъ быть *родоваго единства.*

У собаки, волка, шакала все устройство тѣла сходно, форма ихъ зрачка одна и та же. Зато волкъ и сука, кобель и волчица производятъ дѣтей.

Бюффонъ уже видѣлъ ублюдковъ собаки и вол-

---

[1]) Tome V, page 212, et tome VII, page 79.

[2]) Зубы и органы чувствъ суть весьма важные органы; форма зубовъ опредѣляетъ питаніе животныхъ, органы чувствъ суть орудія ума.

[3]) Когда зрачокъ лисицы съуживается, то образуетъ вертикальную щель, какъ у кошекъ.

ка [1]), и съ давняго времени нашъ звѣринецъ имѣетъ ихъ постоянно.

Собака и шакалъ также производятъ дѣтей, если ихъ соединить вмѣстѣ. И этого нужно было ожидать согласно съ тѣмъ, что̀ я только-что сказалъ; впрочемъ, нѣкоторыхъ фактовъ этого перекрестнаго распложенія недоставало прежде моихъ опытовъ [2]).

Совокупленіе шакала съ сукою дало мнѣ въ 1845 году трехъ дѣтенышей; одинъ изъ нихъ былъ серо-желтаго цвѣта, какъ отецъ; два другіе болѣе чернаго: мать черная.

Эти три ублюдка (говорилъ я въ 1845 г.), будучи воспитаны среди щенятъ ихъ возраста, во-первыхъ отличаются отъ нихъ грубыми, дикими движеніями: это три дикаря среди образованнаго народа.

Съ другой стороны первое прорѣзаніе зубовъ у нихъ дѣлается гораздо скорѣе, чѣмъ у щенятъ.

Но что̀ въ-особенности отличаетъ ихъ отъ щенятъ, это то̀, что у нихъ двоякаго рода волосъ, какъ у всякаго дикаго животнаго, щетинистый и

---

[1]) Tome III, page 11 (suppléments).

[2]) Палласъ сознается, что не могъ достигнуть плодовитаго совокупленія шакала съ собакою. (Mémoire sur la variation des animaux. Mémoires de l'Académie de Saint-Pétersbourg, année 1784, page 92.)

шерстистый, тогда-какъ у щенятъ есть только щетинистый волосъ [1]).

Съ 1845 г. число фактовъ такого рода очень увеличилось. Я получилъ ублюдковъ отъ самки-шакала и кобеля, и наоборотъ — отъ суки и шакала.

Что же касается трехъ ублюдковъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, то всѣ трое, два самца и одна самка, остались живыми. Совокупленіе одного изъ двухъ самцовъ съ самкою произвело второе поколѣніе ублюдковъ, а отъ втораго я получилъ и третье. Но получу ли я отъ третьяго *четвертое?* Я — продолжаю опытъ.

Великій натуралистъ Палласъ составилъ, касательно происхожденія домашнихъ животныхъ, весьма сложную теорію. Онъ предполагаетъ, что это происхожденіе искусственное. Наши домашнія животныя суть только ублюдки, происшедшіе чрезъ скрещиваніе разныхъ видовъ. Напр. собака первоначально происходитъ отъ совокупленія шакала съ волкомъ. Этотъ ублюдокъ шакала и волка впослѣдствіи былъ скрещиваемъ опять съ волкомъ, и отъ того произошли дворныя собаки, — съ гіеною, отъ чего произошли медіоланскія собаки, —

[1]) См. о двоякой шерсти дикихъ животныхъ и объ одинакой шерсти нѣкоторыхъ изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, что я говорю дальше въ главѣ V объ овцѣ.

съ лисицею, и отъ этого произошли собаки съ острыми мордами и пр. [1])

Я разсмотрю каждое изъ этихъ положеній.

Я убѣжденъ, что волкъ и шакалъ могутъ совокупляться и производить дѣтей [2]), такъ-какъ они одного рода [3]). Но недѣлимое рожденное отъ такого совокупленія, будетъ видовой ублюдокъ, т.-е. ублюдокъ съ ограниченною плодовитостью. Видовой ублюдокъ, т.-е. недѣлимое съ ограниченною плодовитостью, не могло произвести собаку, т.-е. животное съ непрерывною плодовитостью.

Кромѣ-того волкъ, шакалъ не совокупляются съ лисицею [4]), съ гіеною, и я убѣжденъ, что они тщетно [5]) совокуплялись бы, ибо они не одного рода [6]).

---

[1]) Mémoire sur la variation des animaux. (Mémoires de l'Académie de Saint-Pétersbourg, année 1784, page 69.)

[2]) Я не могъ еще произвести опытовъ, которые, весьма вѣроятно, не преминутъ доказать это.

[3]) См. начало, указанное, стр. 104.

[4]) Полагаясь на разныхъ писателей, Палласъ (Mémoire sur la variation des animaux, p. 91) приводитъ нѣкоторые факты плодовитаго совокупленія собаки съ лисицею; ни одинъ изъ этихъ фактовъ по моему мнѣнію не достовѣренъ.

[5]) Я увѣрился, что лисица не производитъ дѣтей съ собакою. См. выше, стр. 105. Я также увѣрился, что собака не производитъ дѣтей съ гіеною, отъ которой она отличается еще больше, чѣмъ отъ лисицы.

[6]) См. начало, указанное на стр. 105.

Мы знаемъ уже, что ублюдокъ собаки и волка безплоденъ со втораго или третьяго поколѣнія; итакъ собака не происходитъ отъ волка; волкъ и собака, слѣдовательно, принадлежатъ къ двумъ разнымъ видамъ.

Мы знаемъ, что собака не производитъ дѣтей ни съ гіеною, ни съ лисицею; слѣдовательно, собака не происходитъ ни отъ лисицы, ни отъ гіены.

Мы еще не знаемъ, правда, какая будетъ плодовитость ублюдка *шакала* и *собаки* [1]). Но должно быть что-нибудь одно: или они будутъ имѣть ограниченную плодовитость, и тогда *собака* и *шакалъ* также будутъ два различные вида; *собака* все-таки не произойдетъ отъ *шакала;* или они будутъ имѣть непрерывную плодовитость, и тогда *шакалъ* и *собака* будутъ составлять одинъ видъ; *собака* будетъ *шакалъ,* сдѣлавшійся домашнимъ, *шакалъ* будетъ собака, оставшаяся дикою; мы отъискали бы родоначальника нашихъ собакъ точно такъ, какъ мы знаемъ родоначальниковъ *свиней, барановъ, кроликовъ,* и пр.

Итакъ вездѣ *простое, чистое происхожденіе;* нельзя допустить *происхожденія смѣшаннаго.* Всѣ наши свиньи происходятъ отъ одного кабана, а не отъ кабана, скрестившагося съ какимъ-нибудь тол-

---

[1]) См. выше, стр. 106.

стокожимъ; всѣ кролики только отъ дикаго кролика, а не отъ кролика, скрестившагося съ зайцемъ [1]), и пр., и пр.

Наши *домашнія животныя* имѣютъ простое, чистое, естественное, а не искусственное происхожденіе, однимъ словомъ *единое*; и оттого, что происхожденіе ихъ едино, они имѣютъ непрерывную плодовитость, постоянную наслѣдственность.

Итакъ *всѣ наши домашнія животныя* суть простые виды и все въ нихъ просто: разновидности, породы въ каждомъ видѣ суть только опредѣленныя видоизмѣненія этого самаго вида .

Я говорю *опредѣленныя видоизмѣненія*. Въ-самомъ-дѣлѣ видоизмѣненія, дающія породы, всегда поверхностны, ограниченны; основаніе *вида* не измѣняется: оно остается однимъ и тѣмъ же; всѣ породы одного вида, какъ бы онѣ разнообразны, какъ бы онѣ многочисленны ни были, никогда до такой степени не удаляются другъ отъ друга, чтобы ихъ взаимная плодовитость исчезла, а въ этомъ-то и заключается великій фактъ: ихъ общая плодовитость есть самое прямое доказательство, са-

---

[1]) Заяцъ и кроликъ принадлежатъ къ разнымъ видамъ и при моихъ опытахъ никогда не производили дѣтей. Еслибы когда-нибудь они и произвели дѣтей, то ихъ ублюдокъ былъ бы видовой ублюдокъ, т.-е. съ ограниченною плодовитостью.

мый вѣрный знакъ неизмѣннаго продолженія ихъ перваго единства. Нѣтъ ничего болѣе интереснаго, болѣе важнаго въ отношеніи философскомъ, какъ то, что̀ относится къ великой тайнѣ родства видовъ.

«Вообще, говоритъ Бюффонъ, родство вида есть одна изъ тѣхъ глубокихъ тайнъ природы, которыя человѣкъ будетъ въ состояніи разрѣшить только посредствомъ повторенія опытовъ долгихъ и трудныхъ. Какимъ образомъ можно узнать степень родства животныхъ разнаго вида, иначе, какъ только вслѣдствіе ихъ совокупленія испытываемаго тысячу и тысячу разъ? Ближе-ли родство осла, къ лошади, чѣмъ къ зебрѣ? Ближе-ли родство собаки къ волку, чѣмъ къ лисицѣ и шакалу [1])?»

Мои опыты отвѣчаютъ на этотъ послѣдній вопросъ. Волкъ и шакалъ именно *ближе* къ собакѣ, чѣмъ лисица, потому-что волкъ и шакалъ производятъ дѣтей съ собакою, а лисица и собака не производятъ дѣтей.

Бюффонъ продолжаетъ: «Надъ совокупленіемъ животныхъ разныхъ видовъ, по которому только можно узнать ихъ родство, не было произведено достаточно опытовъ. Факты, которые мы могли собрать относительно этого совокупленія, произвольнаго или

[1]) Tome III, page 32 (suppléments).

принужденнаго, такъ незначительны, что мы не въ состояніи ничего сказать о дѣйствительномъ существованіи жюмаровъ [1]).»

Бюффонъ совершенно правъ: о совокупленіи различныхъ видовъ не было произведено достаточно опытовъ и въ этомъ отношеніи наши факты незначительны. Впрочемъ можно смѣло увѣрять, что жюмары, т.-е. ублюдки быка и кобылы, жеребца и коровы, не существуютъ.

Сейчасъ я сказалъ: только виды одного рода могутъ производить дѣтей. Лисица и собака, роды столь близкіе, но *различные*, не производятъ дѣтей. Тѣмъ болѣе животныя разныхъ разрядовъ не могутъ производить ихъ; быкъ не можетъ производить дѣтей съ кобылою, жеребецъ съ коровою.

Я возвращаюсь къ Бюффону: «Какое отношеніе, говоритъ онъ, мы можемъ найти между родствомъ видовъ и родствомъ болѣе извѣстнымъ, родствомъ различныхъ породъ одного вида?–Можетъ быть въ видѣ собаки есть такая рѣдкая порода, которую труднѣе разводить, нежели смѣшанный видъ, происходящій отъ осла и кобылы [2]).»

Можетъ–быть есть такая порода, которую *труднѣе разводить*, чѣмъ подобный плодъ скрещен-

---

[1]) Tome III, page 34 (suppléments).

[2]) Tome III, p. 33 (suppléments).

ныхъ видовъ; но *порода,* разъ произведенная, имѣетъ всегда плодовитость непрерывную, плодъ же скрещенныхъ видовъ, напротивъ-того, имѣетъ плодовитость ограниченную; такимъ-образомъ между родствомъ породъ и родствомъ видовъ находится рѣшительный фактъ, отношеніе, требуемое Бюффономъ, истинный предѣлъ.

Не могу окончить этой статьи, чтобы не привести еще изъ Бюффона слѣдующихъ прекрасныхъ словъ: «Сколько другихъ вопросовъ, говоритъ онъ, можно сдѣлать объ этомъ одномъ предметѣ и какъ мало такихъ, которые мы можемъ разрѣшить! Сколько фактовъ было бы намъ необходимо имѣть, чтобъ быть въ состояніи что-нибудь сказать и даже сдѣлать какія-нибудь догадки! Сколько произвести опытовъ, чтобы открыть эти факты, убѣдиться въ нихъ, или даже только предупредить ихъ основательными догадками! Впрочемъ, прибавляетъ онъ съ увлеченіемъ полнымъ краснорѣчія, философъ долженъ, нисколько не отчаяваясь, восхвалять природу даже тогда, когда она кажется ему скупою или черезъчуръ таинственною, и быть довольнымъ тѣмъ, что помѣрѣ-того, какъ онъ поднимаетъ часть ея покрова, она показываетъ ему несмѣтное множество другихъ предметовъ, вполнѣ достойныхъ его изысканій. Ибо то, что̀ мы уже знаемъ, должно за-

ставлять насъ догадываться о томъ, что мы можемъ узнать; духъ человѣческій не имѣетъ границъ, онъ расширяется помѣрѣ раскрытія вселенной; итакъ человѣкъ можетъ и долженъ браться за все; ему нужно столько времени, чтобы узнать все. Онъ могъ бы даже, умножая свои наблюденія, видѣть и предвидѣть всѣ явленія, всѣ случаи природы, съ такою вѣрностью и точностью, какъ-будто бы онъ выводилъ ихъ непосредственно изъ причинъ; и что можетъ быть простительнѣе, и даже благороднѣе энтузіазма, который считаетъ человѣка способнымъ узнать всѣ силы, и своими трудами открыть всѣ тайны природы [1])!»

III.

О НАСЛѢДСТВЕННОСТИ ПРІОБРѢТЕННЫХЪ ВИДОИЗМѢНЕНІЙ И О ПОРОДАХЪ.

Вопросъ о *наслѣдственности пріобрѣтенныхъ видоизмѣненій* есть одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ общей физіологіи.

Нѣтъ ни одной изъ нашихъ домашнихъ породъ, которая не имѣла бы своихъ отличительныхъ свойствъ, которая не передавала бы ихъ чрезъ

[1]) Tome III, page 33 (suppléments).

рожденіе, которая бы не обязана была ими случайнымъ обстоятельствамъ. Я говорю случайнымъ обстоятельствамъ, потому-что можно ихъ сохранить у нея, заставить ее пріобрѣсти или потерять ихъ. Есть искусство сохранять чистоту породъ, видоизмѣнять ихъ, производить новыя породы.

«Поддержка разновидностей, говоритъ Бюффонъ, и даже ихъ умноженіе — зависитъ отъ руки человѣка; нужно изъ рукъ природы взять недѣлимыхъ, болѣе всего похожихъ другъ на друга, отдѣлить ихъ отъ другихъ, соединить вмѣстѣ; нужно то же самое дѣлать съ разновидностями, находящимися въ многочисленныхъ поколѣніяхъ ихъ потомковъ, и такими послѣдовательными заботами можно, современемъ, создать въ глазахъ нашихъ, т.-е. произвести на свѣтъ безконечность новыхъ существъ, которыхъ одна природа никогда не произвела бы [1]).»

Ф. Кювье много занимался породами. «Можно навѣрно, говоритъ онъ, образовать породу, если стараться постоянно совокуплять недѣлимыхъ, снабженныхъ особенностями организаціи, которыя хотятъ сдѣлать свойствами этихъ породъ. Эти свойства, будучи сначала произведены случайно, такъ сильно укоренятся послѣ нѣсколькихъ поколѣній, что только съ трудомъ могутъ быть уни-

---

[1]) Tome II, page 497 (Oiseaux).

чтожены, и свойства, относящіяся къ уму, укрѣпляются точно такъ же, какъ физическія свойства. Такимъ-образомъ собаки образовались для охоты, вслѣдствіе воспитанія, котораго дѣйствіе передается по наслѣдству.»

Нельзя не чувствовать всего интереса, который получаетъ изученіе *разновидностей и породъ*, съ этой точки зрѣнія. Причины, производившія виды, перестали дѣйствовать; причины, производящія разновидности,—въ нашихъ рукахъ, и о всей силѣ этихъ послѣднихъ легко судить по ихъ дѣйствію. Ни одинъ естественный родъ нашихъ каталоговъ не представляетъ столь значительныхъ различій, какъ различія домашнихъ животныхъ одного вида. Левъ и тигръ не болѣе отличаются одинъ отъ другаго, чѣмъ испанская кошка отъ ангорской кошки; волкъ и шакалъ походятъ другъ на друга больше, чѣмъ медіоланская собака на борзую. Эти различія болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя въ дикомъ состояніи раздѣляютъ одинъ видъ отъ другаго, производятся случайными обстоятельствами, домашнимъ состояніемъ, человѣкомъ.

Никакъ не должно думать, что животныя могутъ выродиться, сдѣлавшись домашними, хотя это безпрестанно повторяютъ. Дѣйствіе домашняго

состоянія, напротивъ, клонится къ развитію; оно увеличиваетъ ростъ почти всѣхъ животныхъ, которыхъ подчиняютъ его вліянію, объемъ хвоста нѣкоторыхъ барановъ, число роговъ другихъ, шерсть ангорской кошки и проч.

Все это развитіе, разъ пріобрѣтенное, передается чрезъ рожденіе. Этой-то *передаточности пріобрѣтенныхъ видоизмѣненій*, этой одной передаточности мы обязаны всѣми нашими породами.

Мы видѣли, что признакъ рода состоитъ въ *ограниченной плодовитости*, признакъ вида въ непрерывной *плодовитости;* общежительность животныхъ дала намъ домашнее состояніе: наслѣдственность, *передаточность пріобрѣтенныхъ видоизмѣненій* даетъ намъ *породы* [1]).

Я нахожу три различныхъ источника породъ.

Есть породы, зависящія отъ случайностей и, если можно такъ выразиться, отъ *случаевъ* [2]) *организаціи;* есть породы, зависящія отъ *климата* и породы зависящія отъ *скрещиванія* различныхъ породъ между собою.

---

[1]) „Въ каждомъ видѣ, говоритъ Бюффонъ, породы, суть только постоянныя разновидности, передающіяся по наслѣдству.“ Supplements, tome IX, page 361.

[2]) „Изъ двухъ особенныхъ недѣлимыхъ, говоритъ Бюффонъ, которыхъ природа произвела какъ-бы *случайно*, человѣкъ сдѣлаетъ постоянную и непрерывную породу, изъ которой онъ извлечетъ нѣсколько другихъ породъ, безъ его старанія никогда бы не появившихся на свѣтъ.“ Tome II, page 497. Oiseaux.

Я начинаю съ того, что̀ относится къ породамъ, зависящимъ отъ случайностей [1]), отъ организаціи.

Пусть въ числѣ щенятъ одного рожденія, два или три будутъ съ ушами болѣе длинными или съ хвостомъ болѣе короткимъ; если совокуплять втеченіи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній недѣлимыхъ съ длинными ушами или съ короткимъ хвостомъ, то образуются породы собакъ съ длинными ушами или съ короткимъ хвостомъ.

И всѣ наши породы домашнихъ животныхъ мы производимъ не иначе. Мы образуемъ породы крупныхъ лошадей чрезъ совокупленіе самыхъ большихъ недѣлимыхъ.

Мы образуемъ породы маленькихъ собакъ чрезъ совокупленіе самыхъ маленькихъ недѣлимыхъ.

Такъ мы получаемъ нашихъ маленькихъ комнатныхъ собакъ, этихъ болонокъ, мопсовъ и проч., которыя, какъ говоритъ Г. Кювье, «суть произведенія наиболѣе выродившіяся, и самыя сильныя доказательства власти человѣка надъ природою [2]).»

---

[1]) И эти *случайности* иногда простираются очень далеко. Ф. Кювье, сравнивая различныя породы собакъ между собою, нашелъ такія, у которыхъ однимъ зубомъ больше, то̀ на одной, то̀ на другой челюсти и даже у нѣкоторыхъ однимъ пальцемъ больше, то̀ на переднихъ, то̀ на заднихъ ногахъ.

[2]) Règne animal, tome I, p. 150 (seconde édition).

Добантонъ, выбирая изъ нашихъ барановъ и овецъ недѣлимыхъ съ болѣе длинною и тонкою шерстью, достигъ того, что произвелъ изъ нашихъ *французскихъ породъ*, красивую *испанскую длинношерстую породу, мериносовъ* [1]).

За этими породами, зависящими отъ *органическихъ случайностей*, поддерживаемыхъ, развитыхъ посредствомъ рожденія, я ставлю *породы, зависящія* отъ *климата*.

«Во всѣхъ животныхъ, говоритъ Бюффонъ, каждый видъ разнообразится, смотря по разнымъ климатамъ, и общіе результаты этихъ разновидностей образуютъ различныя породы, изъ которыхъ мы можемъ замѣтить только наиболѣе выказывающіяся, т.-е. чувствительнымъ образомъ отличающіяся однѣ отъ другихъ, причемъ мы опускаемъ изъ вида всѣ промежуточные оттѣнки, которые здѣсь, какъ и вездѣ, безконечны [2]).»

Наконецъ слѣдуютъ *новыя* породы, происходящія отъ *скрещиванія* различныхъ породъ.

Всѣ наши породы лошадей, собакъ, барановъ и проч. могутъ совокупляться между собою и про-

---

[1]) См. объ этомъ опытѣ Добантона мою. Histoire des idées et des travaux de Buffon, chap. IV, p. 90 (seconde édition).

[2]) Histoire du cheval, tome IV, page 228.

изводить новыя породы, промежуточныя между двумя скрещенными породами.

Совокупленіе арабскаго жеребца съ нашими кобылами, производитъ новыя породы, среднія между арабскою и породою нашихъ климатовъ.

Совокупленіе варварійскаго барана, съ толстымъ хвостомъ, съ нашими овцами, производитъ промежуточную породу, въ которой хвостъ по объему занимаетъ середину между хвостомъ варварійскаго барана и хвостомъ нашихъ обыкновенныхъ барановъ.

Совокупляя голубей, которые кажутся намъ красивѣе, мы умножаемъ ежедневно прекрасныя породы голубей и проч.

Это-то и составляетъ глубокій признакъ, отличающій скрещиваніе породъ отъ скрещиванія видовъ.

Скрещиваніе породъ всегда производитъ новыя породы.

Скрещиваніе видовъ, напротивъ, никогда не производитъ новыхъ видовъ.

Лошадь и оселъ, козелъ и баранъ цѣлые вѣка совокупляются и производятъ ублюдковъ, но ублюдковъ безплодныхъ; они не произвели промежуточной новой породы.

Всякое органическое видоизмѣненіе, произвольное, естественное, способно передаваться рожденіемъ и можетъ быть источникомъ породы. Я говорю

естественное, ибо искусственныя видоизмѣненія, изуродованія, не передаются.

Сколько ни отрѣзывать уши у собакъ или хвостъ у лошадей, жеребята и щенята всегда родятся съ ушами и съ хвостомъ.

Я нѣсколько разъ совокуплялъ собакъ, у которыхъ вынута была селезенка. Дѣтеныши всегда выходили на свѣтъ съ селезенкою.

Ф. Кювье передаетъ одинъ случай, бывшій въ нашемъ звѣринцѣ съ волчицею, совокупленною съ гончею собакою, у которой былъ отрѣзанъ хвостъ; волчица произвела двухъ ублюдковъ съ весьма короткимъ хвостомъ, изъ чего Ф. Кювье заключилъ, что изуродованія могутъ передаваться. Это фактъ еще не рѣшительный. Часто родятся дѣтеныши съ весьма короткимъ хвостомъ отъ родителей съ длиннымъ хвостомъ. Г. Леруа говоритъ, что кролики послѣ извѣстнаго числа поколѣній, бывшихъ въ домашнемъ состояніи, теряютъ способность рыть себѣ норы [1]).

Я пускалъ на свободу въ паркѣ кроликовъ, рожденныхъ отъ родителей, которые втеченіи нѣсколькихъ поколѣній жили въ такихъ обстоятельствахъ, что не могли копать. Они тотчасъ же начинали рыть норы.

---

[1]) Lettres philosophiques etc., page 231.

Но то, что по этому опыту несправедливо въ отношеніи къ кролику, справедливо въ отношеніи къ собакѣ, животному, сдѣлавшемуся болѣе домашнимъ.

Въ естественномъ состояніи собака роетъ себѣ норы, какъ шакалъ, лисица, кроликъ и проч. Въ домашнемъ же состояніи можно развѣ замѣтить, что собака иногда слегка скребетъ землю, чтобы закопать туда остатки своей пищи [1]).

Итакъ инстинкты ослабѣваютъ или теряются при цѣломъ рядѣ недѣятельныхъ поколѣній, точно также какъ они развиваются и усиливаются въ ряду дѣятельныхъ поколѣній [2]).

Дѣтеныши, рожденные отъ собакъ, съ которыми постоянно охотились, не нуждаются въ обученіи для охоты; они охотятся *по природѣ*, и Г. Леруа говоритъ, что молодыя лисицы, выходя въ первый разъ изъ норы, болѣе осторожны въ мѣстахъ, гдѣ на нихъ очень нападаютъ, чѣмъ бываютъ даже старыя тамъ, гдѣ имъ не ставятъ западню [3]).

---

[1]) См. выше стр. 120 и 121.

[2]) „Извѣстно, говоритъ Г. Леруа, что организація во всѣхъ животныхъ и даже въ человѣкѣ передаетъ нѣкоторую способность и наклонность къ извѣстнымъ дѣйствіямъ.“ Lettres philosophiques etc., p. 107.

[3]) Lettres philosophiques, page 86.

IV.

О НРАВѢ ЖИВОТНЫХЪ.

«Природа, говоритъ Боннетъ, даровала каждому животному свойственный ему характеръ» [1]).

«Этотъ характеръ, говоритъ онъ далѣе, въ *психическомъ* отношеніи, то же, что̀ родовое и видовое различіе въ *физическомъ*» [2]).

То, что̀ Боннетъ называетъ здѣсь характеромъ животнаго, есть то же самое, что̀ Бюффонъ называетъ *нравомъ*.

«Лисица, говоритъ Бюффонъ, отличается отъ собаки самымъ существеннымъ признакомъ, *нравомъ*» [3]).

Этотъ характеръ, эти психическія свойства Боннета, этотъ нравъ Бюффона, суть единственныя отличительныя черты видовъ во многихъ случаяхъ.

Судя по организаціи, волкъ ни что иное какъ собака, а между-тѣмъ назначеніе этихъ двухъ жи-

[1]) Oeuvres de Bonnet, tome IV, partie II, page 217.

[2]) Ibidem.

[3]) Histoire du renard, tome VII, page 79.

вотныхъ далеко не одинаково: первый живетъ въ лѣсахъ, послѣдняя же съ человѣкомъ; первый живетъ почти уединенно, другая существенно общежительна; волкъ остался дикимъ, а собака сдѣлалась домашнею. Никакое животное болѣе собаки не походитъ на волка формами и органами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакое животное болѣе собаки не отличается отъ него наклонностями, нравами, умомъ. Зайца не легко различить отъ кролика съ перваго взгляда, между-тѣмъ заяцъ живетъ на поверхности земли, а кроликъ роетъ себѣ нору; наша бѣлка строитъ себѣ гнѣздо на деревѣ, а гудсонская бѣлка ищетъ убѣжища въ землѣ, между кореньями сосенъ, плодами которыхъ питается, и проч.

Итакъ, если даже разсматривать это съ точки зрѣнія положительнаго различія видовъ, то изученіе умственныхъ свойствъ не менѣе важно, какъ изученіе свойствъ органическихъ; причина тому ясна: животное дѣйствуетъ вслѣдствіе своихъ умственныхъ качествъ; образъ жизни зависитъ отъ этихъ дѣйствій; слѣдовательно, сохраненіе видовъ не менѣе основывается на умственныхъ качествахъ животнаго, какъ и на его органическихъ свойствахъ.

Аристотель и Бюффонъ лучше всѣхъ успѣли живо изобразить нравы животныхъ.

Георгъ Леруа и Фридрихъ Кювье удивитель-

нымъ образомъ наблюдали и описали нравы животныхъ млекопитающихъ; Реомюръ, Боннетъ, де-Геръ нравы насѣкомыхъ; но они только описали, а не умѣли живо изобразить ихъ. Я уже приводилъ изъ Аристотеля нѣкоторыя особенно замѣчательныя мѣста [1]).

Бюффонъ же отличается особенно изображеніемъ нравственной стороны животныхъ. Вотъ лисица,—«знаменитая своими хитростями, столько же хитрая, какъ и осмотрительная, остроумная и осторожная, даже до терпѣливости [2])».

Тамъ представляется кошка, «съ своимъ врожденнымъ коварствомъ, своимъ лживымъ характеромъ, съ своимъ криводушнымъ нравомъ, дѣлающимся все хуже съ лѣтами, и который только скрывается личиною воспитанія. Кошка, кажется, чувствуетъ только для себя, она вступаетъ въ сношенія только для того, чтобы употребить ихъ во зло, и вслѣдствіе такого сходства въ нравѣ, она съ мѣньшимъ трудомъ уживается съ человѣкомъ, чѣмъ собакою, въ которой все искренно [3])».

Бюффонъ любилъ описывать въ животныхъ всѣ оттѣнки страстей человѣческихъ; этимъ онъ дѣлаетъ

---

[1]) См. выше стр. 68 и слѣдующія.

[2]) Histoire du renard, tome VII, page 75.

[3]) Histoire du chat, tome VI, page 3.

для насъ гораздо занимательнѣе самихъ животныхъ, но вмѣстѣ вводитъ что-то искусственное въ свои удивительныя описанія.

Одно только чистое наблюденіе даетъ фактъ такимъ, каковъ онъ дѣйствительно, и полагаетъ единственное прочное основаніе науки.

Всѣмъ извѣстно то, что̀ Бюффонъ говоритъ о великодушіи льва, о его гордости, мужествѣ; о жестокости тигра, его ненасытной лютости, о его слѣпой свирѣпости. Ф. Кювье всегда находилъ въ обоихъ этихъ животныхъ одинакій характеръ: оба они равно способны къ привязанности, благодарности, и оба равно ужасны въ ярости.

Обыкновенно въ хищныхъ животныхъ предполагаютъ характеръ менѣе способный къ привязанности и обходительности, чѣмъ въ травоядныхъ. Наблюденіе показываетъ, что всѣ возмужалые отрыгающія жвачку, въ-особенности же самцы, суть животныя грубыя, злыя, которыхъ никакое благодѣяніе не можетъ подчинить человѣку, которыя едва узнаютъ того, кто ихъ питаетъ, ни сколько не привязываясь къ нему, и всегда готовы поразить его, лишь-только перестаютъ его страшиться.

Напротивъ-того тигръ, левъ, гіена и проч. чувствуютъ благодѣянія, узнаютъ того, кто за ними

ходитъ, привязываются къ нему любовью, на которую можно положиться. «Сто разъ, говоритъ Ф. Кювье, за кажущеюся кротостью травояднаго, слѣдовало какое-нибудь дѣйствіе звѣрства; почти никогда наружные знаки хищнаго животнаго не были обманчивы: если оно расположено вредить, то это высказывается во всемъ, въ его взглядѣ, въ его движеніяхъ; то же самое бываетъ и тогда, когда его одушевляетъ доброе чувство.»

Итакъ травоядныя животныя (по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, особенно отрыгающія жвачку,) когда они сильны, въ сущности болѣе необходительны, чѣмъ плотоядныя; это отъ того, что умъ ихъ гораздо грубѣе, гораздо ограниченнѣе, а для того чтобы дѣйствовать на внутреннія качества животнаго, у насъ есть только одно средство — его умъ.

Плутархъ, правда, въ тѣ минуты, когда онъ немного превозноситъ животныхъ на счетъ человѣка [1]), говоритъ, что одно животное *никогда не дѣлается рабомъ другаго.* «Никогда не видано, говоритъ онъ, чтобы какой нибудь левъ подчинился другому, или лошадь другой по недостатку мужества, какъ подчиняется одинъ человѣкъ другому,

---

[1]) См. выше, стр. 78.

легко соглашаясь жить въ рабствѣ, которое всегда въ родствѣ со страхомъ [1]).»

Аристотель однакожь утверждаетъ противное: «слоны, говоритъ онъ, вступаютъ въ сильныя битвы между собою; и съ тѣмъ, который палъ, жестоко обходятся, какъ съ рабомъ [2])».

Въ Ботаническомъ саду (Jardin des Plantes) посадили въ одинъ ровъ трехъ медвѣдей, одного стараго и двухъ молодыхъ. Старый сперва былъ сильнѣе и очень худо обращался съ двумя другими. Впослѣдствіи молодые отмстили ему. Сдѣлавшись сильнѣе его и дѣйствуя всегда заодно, они въ свою очередь стали хозяевами, и хозяевами самыми жестокими. Старый медвѣдь до того подчинился, что не смѣлъ ни сойти съ того малаго пространства, которое, казалось, было ему назначено, ни коснуться ни къ чему-нибудь, что̀ бросали въ ровъ.

Порабощеніе животнаго безъ сомнѣнія не то, что̀ мы понимаемъ подъ разумнымъ рабствомъ человѣка; но животныя подчиняются одно другому изъ трусости, изъ слабости, изъ боязни; ихъ нравъ «переламывается: какъ говоритъ Аристотель,

---

[1]) Que les bestes usent de la raison.

[2]) Histoire des animaux, livre IX, p. 541.

побѣжденный не можетъ переносить голоса побѣдителя [1])» и въ этомъ столь жалкомъ отношеніи, положеніе животнаго не лучше положенія человѣка.

Нравъ животныхъ никогда полнѣе не выражается, какъ въ усиліи, дѣлаемомъ ими для сохраненія своихъ дѣтенышей, или для наученія ихъ хранить самихъ себя, т.-е. *для обученія ихъ.*

«Волчица, говоритъ Г. Леруа, учитъ своихъ дѣтей нападать на животныхъ, которыхъ они должны пожирать [2])».

Кто не видалъ, какъ кошка учитъ своихъ дѣтенышей ловлѣ мышей? Она начинаетъ съ того, что ударомъ зубовъ одуряетъ мышь: мышь хотя ранена, но еще бѣгаетъ, а котята за ней. Кошка все время внимательно слѣдитъ за этимъ и если замѣчаетъ, что мышь хочетъ ускользнуть, то однимъ прыжкомъ бросается на нее.

«Орелъ, говоритъ Добантонъ, носитъ своего птенца на крыльяхъ, и когда птенецъ имѣетъ довольно силы для того, чтобы поддерживать себя, тогда орелъ испытываетъ его, оставляя одного на воздухѣ, но тотчасъ поддерживаетъ его, какъ-только силы оставляютъ птенца [3])».

---

[1]) Histoire des animaux, livre IX, p. 541.

[2]) Lettres philosophiques etc., page 233.

[3]) Encyclopédie, article *Aigle.*

«Я видалъ нѣсколько разъ въ день, говоритъ Дюро-де-ла-Малль: (Dureau-de-la-Malle,) какъ въ то время, когда птенцы соколовъ и перепелятниковъ начинаютъ летать, отцы и матери возвращались съ охоты съ мышью или воробьемъ въ когтяхъ, летали по двору [1]) и звали всегда одинакимъ крикомъ своихъ птѣнцовъ, остававшихся въ гнѣздѣ. Птенцы выходили на голосъ родителей и летали подъ ними. Тогда отцы поднимались перпендикулярно, предувѣдомляя своихъ учениковъ новымъ крикомъ и роняли изъ когтей добычу, на которую бросались молодыя птицы. При первыхъ урокахъ, каково бы ни было стараніе отцовъ бросить добычу почти на птенцовъ своихъ, летающихъ на пятьдесятъ футовъ ниже ихъ,—эти неловкіе ученики почти всегда дѣлали промахи и немогли поймать ее. Тогда отцы нападали на добычу, вновь схватывали ее, всегда прежде, чѣмъ она достигала до земли, потомъ снова поднимались для повторенія урока и позволяли своимъ птенцамъ съѣдать добычу только тогда, когда они сами схватывали ее.»

«Мѣстность и обстоятельства до такой степени способствовали наблюденіямъ этого рода, что я успѣлъ даже убѣдиться, что ученіе шло, постепенно ус-

[1]) Лувра, гдѣ г. Дюро-де-ла-Малль жилъ тогда.

ложняясь.... потому-что какъ-только молодыя хищныя птицы выучивались ловить въ воздухѣ мертвыхъ мышей, тотчасъ родители приносили имъ живыхъ птицъ и повторяли описанный мною пріемъ до-тѣхъ-поръ, пока ихъ птенцы не были способны безъ промаха ловить птицу на лету, и слѣдовательно сами могли заботиться о своей пищѣ и самосохраненіи [1])».

«Инстинктъ говоритъ Бюффонъ, есть только произведеніе всѣхъ способностей животнаго, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ [2])».

Это опредѣленіе инстинкта гораздо лучше подходило бы къ опредѣленію нрава. Инстинктъ есть способность коренная и простая.

Инстинктъ есть ремесло, талантъ, врожденное искусство.

«Бо́льшая часть животныхъ, какъ напр. пчелы, пауки, бобры, остроумно замѣчаетъ Фонтнель, обладаютъ каждый особеннымъ искусствомъ, но искусствомъ единственнымъ, и которому между ними нѣтъ перваго изобрѣтателя.»

Инстинктъ входитъ въ составъ нрава.

Я говорилъ уже о наблюденіяхъ Ф. Кювье надъ бобрами.

---

[1]) Mémoires sur le développement des facultés intellectuelles de animaux.

[2]) Histoire de l'éléphant, tome XI, page 2.

Здѣсь я возвращаюсь къ этому только длятого, чтобы подробнымъ примѣромъ лучше дать понять, что̀ составляетъ точный признакъ инстинкта.

Бобръ, котораго изучалъ Ф. Кювье съ наибо̀льшею послѣдовательностью, былъ взятъ очень молодымъ съ береговъ Роны; онъ былъ вскормленъ грудью женщины, слѣдовательно, не могъ ничего перенять даже отъ своихъ родителей. Его посадили въ клѣтку съ рѣшеткою. Ему приносили для корма ивовыя вѣтви, кору которыхъ онъ съѣдалъ. Вскорѣ замѣчено было, что какъ-только онъ сдиралъ съ этихъ вѣтвей кору, то разгрызалъ ихъ на куски и складывалъ въ уголъ клѣтки. Онъ приготовлялъ матеріалъ для постройки.

Ему помогли въ этомъ: доставили землю, солому, древесныя вѣтви; тогда онъ сталъ дѣлать передними ногами маленькія кучи изъ этой земли, послѣ того толкалъ ихъ впередъ мордою или переносилъ во рту, клалъ однѣ на другія, сильно прижималъ ихъ хвостомъ до-тѣхъ-поръ, пока не выходило изъ нихъ сплошной и твердой массы, въ которую онъ втыкалъ палку ртомъ; однимъ словомъ — онъ строилъ.

Здѣсь заключаются два вполнѣ очевидные факта: одинъ, что это животное ни чѣмъ не обязано

обществу подобныхъ себѣ, первому источнику, по Бюффону, искусства бобровъ; другой фактъ состоитъ въ томъ, что это животное трудилось безъ пользы, безъ цѣли, машинально, влекомое слѣпою нуждою, ибо, говоритъ Ф. Кювье, «изъ всѣхъ трудовъ, которымъ онъ предавался, не могло произойти для него никакой пользы».

Бюффонъ предполагаетъ, что бобры, въ одиночествѣ, не умѣютъ ничего предпринять, ни строить [1]). Бобръ Ф. Кювье, предпринималъ, строилъ, и между-тѣмъ онъ былъ одинъ.

Если вѣрить Бюффону, то «бобры, можетъ-быть, составляютъ единственный примѣръ, представляющій намъ древній памятникъ этого вида ума животныхъ, который, хотя по своему началу несравненно ниже ума человѣческаго, тѣмъ не менѣе однакожь предполагаетъ въ нихъ общіе планы и соображенія [2])». «Такъ-какъ общество бобровъ, говоритъ онъ, не есть принужденное соединеніе, но составляется нѣкоторымъ образомъ по выбору, и заставляетъ предполагать въ составляющихъ его, по-крайней-мѣрѣ, общее содѣйствіе и общія цѣли, то оно заставляетъ также предполагать по-крайней-мѣрѣ, отблескъ ума, хотя по началу своему весьма

---

[1]) Histoire du castor, tome VIII, page 286

[2]) Ibidem, page 283.

отличающагося отъ ума человѣка, но тѣмъ не менѣе производящаго дѣйствія, до того сходныя, что ихъ можно сравнивать [1]).

Итакъ Бюффонъ, отнимая умъ у собаки [2]), видитъ отблескъ ума въ бобрѣ, «который, впрочемъ, кажется ему гораздо ниже собаки, по тѣмъ свойствамъ, которыя могли бы приблизить его къ человѣку [3])».

Это происходитъ отъ того, что Бюффонъ принимаетъ дѣйствіе инстинкта за дѣйствіе ума [4]).

Я сейчасъ приведу факты, зависящіе дѣйствительно отъ ума. Плутархъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ, «какъ собака бросала маленькіе камни въ кружку, не совсѣмъ наполненную масломъ, и я удивлялся, говоритъ онъ, какъ она могла въ своемъ умѣ сдѣлать то разсужденіе, что масло должно непремѣнно выйти, потому-что камни, которые тяжелѣе масла, опустятся на дно кружки, а масло, которое легче, уступитъ имъ мѣсто [5])».

Не допуская *разсужденія* въ умѣ собаки о механизмѣ факта, нельзя однакожъ сказать, чтобы фактъ былъ невозможенъ.

---

1) Histoire du castor. T. VIII, page 185.

2) См. выше стр. 19 и слѣдующія.

3) Histoire du castor, tome VIII, page 287.

4) См. выше стр. и стр.

5) Quels animaux sont les plus avisés?

Вотъ что я видѣлъ въ Ботаническомъ саду. Тамъ было слишкомъ много медвѣдей. Рѣшено было сбыть съ рукъ двухъ изъ нихъ, и для этого вздумали прибѣгнуть къ синильной кислотѣ.

Нѣсколько капель этой кислоты налили въ маленькіе пирожки. При видѣ ихъ медвѣди поднялись на заднія лапы съ открытою пастью; удалось бросить нѣсколько пирожковъ имъ въ пасти; но они тотчасъ выкинули ихъ и бросились бѣжать. Можно было полагать, что они не соблазнятся и не дотронутся больше до пирожковъ. Но мы вскорѣ увидѣли, что оба медвѣдя толкали лапами пирожки въ бассейнъ, полоскали ихъ въ водѣ, потомъ внимательно нюхали и, помѣрѣ испаренія яда, спѣшили съѣдать ихъ. Такимъ-образомъ они безнаказанно съѣли всѣ наши пирожки: они показали намъ столько ума, что мы перемѣнили свое рѣшеніе; мы пощадили ихъ.

Въ послѣдніе годы у насъ былъ молодой орангутанъ. Я имѣлъ возможность изучать его, и онъ часто поражалъ меня своимъ умомъ. Вспомните, что сказалъ Бюффонъ объ орангутанѣ, котораго онъ наблюдалъ. «Я видѣлъ, какъ животное предлагало руку, чтобы проводить людей, посѣщавшихъ его, съ важностію прогуливалось съ ними, какъ-бы въ компаніи; я видѣлъ, какъ оно садилось

за столъ, развертывало салфетку, вытирало ею губы, употребляло ложку и вилку длятого чтобы подносить пищу ко рту, само наливало питье въ стаканъ, чокалось, когда его къ тому приглашали, брало чашку и блюдечко, приносило на столъ, клало туда сахаръ, наливало чай, студило его для питья и все это безъ инаго указанія, какъ только по знаку или слову своего господина, а часто и само по себѣ. Оно никому не дѣлало вреда, подходило съ нѣкоторою осторожностью и какъ-будто вызывало ласки и пр. [1])».

То же самое дѣлалъ нашъ молодой орангутанъ. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, очень любилъ ласки, особенно отъ маленькихъ дѣтей, игралъ съ ними, старался подражать всему, что̀ предъ нимъ дѣлалось и пр. Онъ очень хорошо умѣлъ брать ключь отъ комнаты, въ которой помѣщался, вкладывать его въ замокъ, отворять дверь. Иногда клали этотъ ключь на каминъ, тогда онъ взбирался туда по привѣшенной веревкѣ, къ потолку и служившей ему обыкновенно для того, чтобы качаться. На этой веревкѣ сдѣлали узелъ, чтобы укоротить ее, онъ развязывалъ этотъ узелъ.

Въ немъ не было нетерпѣнія, игривости, какъ въ другихъ обезьянахъ; его видъ былъ печальный,

[1]) Томъ XIV, стр. 53.

походка важная, движенія мѣрныя. Однажды я посѣтилъ его съ однимъ знаменитымъ старцемъ, тонкимъ и глубокимъ наблюдателемъ. Немного странный нарядъ, медленная и слабая походка, сгорбленное тѣло, обратили на себя, съ самаго нашего прихода, вниманіе молодаго животнаго. Онъ съ охотою исполнялъ все, что̀ отъ него требовали, не спуская впрочемъ глазъ съ предмета, его занимавшаго. Когда мы собрались уходить, онъ приблизился къ своему новому посѣтителю, взялъ тихо и лукаво палку, которую тотъ держалъ въ рукѣ, и, представляя, будто опирается на нее, согнулъ спину, замедлилъ шагъ, и, такимъ образомъ, обошелъ комнату, въ которой мы были, подражая позѣ и походкѣ моего стараго друга. Потомъ онъ самъ возвратилъ палку, и мы оставили его, убѣдившись, что и онъ умѣетъ наблюдать.

V.

О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМЪ РАЗЛИЧІИ ВИДОВЪ.

Древніе, кажется, никогда не задавали себѣ задачи о *различіи* видовъ. «Нужно почти угадывать, говоритъ Г. Кювье, когда дѣло идетъ о примѣненіи названій, которыя они употребляли [1])». Едва

[1]) Histoire naturelle des poissons, tome I, page 13.

можно повѣрить тому, что мы не знаемъ положительно, что такое ихъ *пантера*, ихъ *линскъ*, или какую обезьяну они называли *циноцефаломъ* и проч.

Но что я говорю о древнихъ! Сколько видовъ у Бюффона, о которыхъ мы сомнѣваемся? Сколько видовъ даже у Г. Кювье, въ которыхъ мы не увѣрены! Бюффонъ упрекаетъ натуралистовъ своего времени въ томъ, что они составляли роды, которые онъ очень справедливо называетъ метафизическими и произвольными [1]), а Г. Кювье упрекаетъ Бюффона въ томъ, что онъ составляетъ виды, которые суть только мнимое произведеніе его соображеній [2]).

Можно достигнуть положительнаго различія видовъ только посредствомъ прямаго и полнаго наблюденія, а это прямое и полное наблюденіе можно сдѣлать только въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ.

Нужно наблюдать надъ живымъ животнымъ и наблюдать надъ нимъ долго, наблюдать его полы

[1]) „И такъ мы составили роды физическіе и дѣйствительные совершенно различные отъ этихъ метафизическихъ и произвольныхъ родовъ, которые всегда существовали только идеально.“ Histoire du mouflon, tome XI, page 369.

[2]) „Это названіе было дано Бюффономъ виду, который былъ только мнимое произведеніе его соображеній.“ Le Règne animal, tome I, p. 88.

и возрасты. Надобно видѣть, какъ оно развивается и плодится. Нужно изучить его *нравъ, инстинкты, умъ*. Каждый изъ этихъ предметовъ имѣетъ свой собственный признакъ, а совокупностью этихъ признаковъ опредѣляется видъ.

Естественная исторія млекопитающихъ [1]), Ф. Кювье, заключаетъ въ себѣ исторію звѣринца Музея втеченіи двадцати лѣтъ; мало сочиненій содержатъ въ себѣ болѣе точныхъ фактовъ и вѣрнѣе ведутъ къ цѣли, которую я указываю здѣсь: къ различію видовъ.

Одно изъ животныхъ, наиболѣе затруднявшихъ естествоиспытателей и коментаторовъ, есть *циноцефалъ* древнихъ, обезьяна, которая изображена на столькихъ памятникахъ древняго Египта. По мнѣнію Ф. Кювье эта обезьяна должна быть нашъ павіанъ.

Изъ названія *циноцефалъ*, видоваго названія у древнихъ, новѣйшіе сдѣлали родовой терминъ, означающій цѣлую группу четырерукихъ. Линней, придерживавшійся признака взятаго отъ хвоста, смѣшивалъ циноцефаловъ съ многими другими обезьянами. Лицевый уголъ, позже введенный въ употре-

---

[1]) Histoire naturelle des mammifères, avec figures originales coloriées, dessinées d'après des animaux vivants. 70 livraison, in-folio de 1818 à 1837.

бленіе и весьма измѣняющійся съ лѣтами, заставлялъ еще смѣшивать нѣкоторыхъ молодыхъ цинопефаловъ съ генонами. Ф. Кювье находитъ болѣе вѣрный признакъ въ положеніи ноздрей, которыя продолжаются до конца морды, и такимъ-образомъ составляютъ собачью морду, откуда происходитъ названіе *циноцефалъ* (собако-головый).

Обезьяны всѣхъ родовъ, всѣхъ подродовъ, *генопы, тощавки, макаки, циноцефалы* и проч. представили ему то обратное отношеніе возраста къ уму, которое мы видѣли въ орангутанѣ [1]).

Такъ напримѣръ у гульмана [2]) въ молодомъ возрастѣ лобъ широкій, морда мало выдающаяся, черепъ возвышенный, округленный и пр. Этимъ органическимъ чертамъ соотвѣтствуетъ умъ довольно обширный. Съ лѣтами лобъ пропадаетъ, подается назадъ, морда выдается; въ нравственномъ отношеніи происходитъ не меньшая перемѣна: апатія, буйство, потребность уединенія замѣняютъ проницательность, кротость, довѣріе. «Эти различія такъ велики, говоритъ Ф. Кювье, что мы по привычкѣ своей судить о дѣйствіяхъ животныхъ по своимъ собственнымъ, приняли бы молодое животное за недѣлимое такого возраста, въ

[1]) См. выше стр. 51.

[2]) Видъ тощавки и одна изъ обезьянъ, чтимыхъ въ брамінской религіи.

которомъ всѣ нравственныя качества достигли своего развитія, а возмужалаго за недѣлимое, обладающее одними только физическими силами.»

Послѣ двухъ *орангутановъ*, о которыхъ я выше говорилъ [1]), у насъ были два *шимпанзе*, самецъ и самка; я нашелъ въ этихъ двухъ *шимпанзе* умъ совершенно подобный уму *орангутана*.

Естествоиспытатели долго смѣшивали орангутана съ шимпанзе. Нынѣ намъ извѣстно, что орангутанъ живетъ только въ самыхъ восточныхъ странахъ Азіи: въ Малаккѣ, Кохинхинѣ, на островѣ Борнео и пр. Шимпанзе же живетъ только въ Африкѣ: въ Гвинеѣ, Конго и пр. Которую изъ этихъ обезьянъ нужно поставить ближе къ человѣку? Судя по уму, онѣ обѣ равно близки, или, выражаясь лучше и точнѣе, онѣ обѣ равно далеки отъ человѣка; но впрочемъ ближе къ нему, чѣмъ всякое другое животное. Орангутанъ и шимпанзе суть животныя, болѣе всѣхъ обладающія умомъ.

Судя же по наружному виду тѣла, *шимпанзе* болѣе приближается къ человѣку размѣромъ рукъ, которыя короче, чѣмъ у орангутана; но, съ другой стороны, орангутанъ болѣе подходитъ къ человѣку по числу ребръ; у него, какъ у чело-

---

[1]) Стр. 48 и стр. 260.

вѣка, ихъ двѣнадцать паръ, а у шимпанзе тринадцать.

Орангутанъ и шимпанзе въ возмужаломъ возрастѣ достигаютъ роста человѣка. *Понго* изъ Борнео, эта большая страшная обезьяна, описанная многими естествоиспытателями [1]), какъ особенное животное, есть ничто иное какъ возмужалый орангутанъ.

Изъ всѣхъ обезьянъ Стараго Свѣта Ф. Кювье наблюдалъ въ звѣринцѣ [2]) размноженіе только однихъ *макаковъ* [3]). Принемъ родился — *маймонъ* (maimon), *собственно макакъ, резусъ* (rhesus) и что̀ еще любопытнѣе, ублюдокъ, происходящій отъ перекреснаго оплодотворенія собственно макака съ китайскою обезьяною (bonnet chinois).

Между обезьянами Новаго Свѣта *коаита* (coaita) видъ *сапажу* изъ рода Ateles также замѣчательна медленностью въ движеніяхъ, какъ прочія четверорукія замѣчательны вообще своею живостью, рѣзвостью: она скорѣе тащится, чѣмъ ходитъ. «Можно подумать, говоритъ Ф. Кювье, что ей необходима особенная рѣшимость для каждаго движенія.» Это происходитъ отъ того, что она суще-

[1]) Именно Вурмбомъ, батавскимъ естествоиспытателемъ.

[2]) Тамъ впослѣдствіи случилось рожденіе циноцефала, павіана; самецъ питалъ къ дѣтенышу живѣйшую нѣжность.

[3]) Подраздѣленіе геноновъ.

ственно устроена для жизни на деревьяхъ. Посредствомъ своихъ длинныхъ ногъ, еще длиннѣйшихъ рукъ и своего цѣпкаго хвоста, она переходитъ съ вѣтки на вѣтку, перепрыгиваетъ съ дерева на дерево съ чрезвычайною ловкостью, и такъ-какъ она питается плодами, то почти никогда не сходитъ на землю. *Коаита, кайю* и пр. суть *лѣнивыя обезьяны* Новаго Свѣта; *лѣнивыя же обезьяны* Стараго Свѣта суть *лори*. Въ послѣдніе годы у насъ былъ *тощій лори* (Lores gracilis), котораго всѣ движенія были медленны, лѣнивы, но въ то же время легки и ловки. *Сажу* составляютъ маленькое семейство, котораго почти всѣ виды еще нужно опредѣлить. Бриссонъ считалъ ихъ три, Линней четыре, Гмелинъ шесть, Бюффонъ два, Г. Кювье четыре, а по мнѣнію Ф. Кювье можно бъ было ихъ установить до восьми.

Въ нашемъ звѣринцѣ видѣли размноженіе игрунки, одного изъ самыхъ красивыхъ и самыхъ маленькихъ видовъ обезьянъ Новаго Свѣта, и *бѣлолобаго лемура*, изъ этого страннаго рода лемуровъ, который, какъ извѣстно, находится только на островѣ Мадагаскарѣ.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ опредѣлить видовые предѣлы большихъ *пятнистыхъ кошекъ*.

Древніе, въ-особенности Оппіянъ, говорятъ о

двухъ *пантерахъ*. Бюффонъ, имѣвшій предъ глазами трехъ изъ этихъ большихъ *пятнистыхъ кошекъ*, даетъ одной названіе пантеры, другой онсы (once), а третьей *леопарда*. По мнѣнію Г. Кювье, пантера Бюффона есть *ягуаръ*; его онса есть собственная *пантера*, *большая пантера* древнихъ, а его леопардъ есть ихъ *малая пантера*. Г. Кювье отличаетъ *большую пантеру* отъ *малой*, или *пантеру*, собственно говоря, отъ *леопарда*, по пятнамъ ихъ шерсти, которыя меньше и многочисленнѣе у леопарда, чѣмъ у пантеры.

Послѣ того, какъ этотъ первый пунктъ почти разъясненъ, трудность является въ опредѣленіи бо́льшей части другихъ видовъ, особенно самыхъ малыхъ. *Сервалъ* Г. Кювье, то ли самое животное какъ у Бюффона? Каракалъ или рысь турокъ, персовъ и пр. естьли настоящая рысь древнихъ, какъ полагалъ Г. Кювье ? Этотъ каракалъ и африканскій, далѣе африканскій каракалъ и бенгальскій, составляютъ ли различные виды? Не составляютъ ли они только простыхъ разновидностей одного вида? и пр., и пр. Видъ *кошки*, отличающійся отъ всѣхъ прочихъ невыпускными когтями, составляетъ *гепардъ* (guepard) или *индѣйскій тигръ-охотникъ*. *Гепардъ* нашего звѣринца, описанный Ф. Кювье, отличался большою кротостью; въ немъ была гиб-

кость, ловкость домашней кошки, онъ какъ кошка любилъ ласки и также точно мурлыкалъ, когда его ласкали.

Въ нашемъ звѣринцѣ дѣти раждались *у льва*, въ Лондонѣ *у тигра*, и, что̀ еще замѣчательнѣе; тамъ былъ въ послѣднее время *ублюдокъ*, рожденный отъ смѣшенія этихъ двухъ видовъ.

Въ нашемъ звѣринцѣ часто, или, лучше сказать, почти всегда бываетъ два вида *гіены: гіена полосатая* и *гіена пятнастая*. Ф. Кювье видѣлъ пятнастую гіену, которая имѣла самую живую привязанность къ своему господину; онъ видѣлъ также *гіену полосатую*, «которой, говоритъ онъ, можно бы было дать свободу, какъ собакѣ, еслибы не опасеніе испугать публику». Бюффонъ говоритъ, что гіена есть животное, которое «не дѣлается ручнымъ, даже если взято совершенно маленькимъ [1])». Нравъ гіены теперь намъ болѣе извѣстенъ. Многіе офицеры нашей арміи въ Африкѣ держатъ въ своихъ жилищахъ полосатыхъ гіенъ и нисколько не боятся оставлять ихъ на свободѣ. На мысѣ Доброй Надежды оставляютъ на свободѣ также и *гіену пятнастую*.

---

[1]) Histoire de l'hyène, tome IX, page 177.

Выдра есть также животное, легко дѣлающееся ручнымъ. Ф. Кювье видѣлъ нѣсколько выдръ, которыя сдѣлались очень ручными и которыя питались только хлѣбомъ и молокомъ. Поэтому онъ не раздѣляетъ сомнѣнія Бюффона, о томъ, что ручныя выдры, какъ разсказываетъ Геснеръ, повиновались своему господину и приносили къ нему пойманную ими рыбу.

Собака представляетъ самую полную побѣду человѣка надъ природою. Это животное предало намъ весь свой видъ и до такой степени, что типъ этого вида, кажется, исчезъ. Нигдѣ не было найдено собаки въ дикомъ состояніи. За недостаткомъ этого дикаго состоянія, которое неизвѣстно, Ф. Кювье беретъ собаку, менѣе всего измѣненную человѣкомъ, т.-е. собаку самаго грубаго, самаго неискуснаго человѣка на землѣ, собаку жителя Новой-Голландіи. Эту-то собаку онъ принимаетъ за типъ вида. Послѣ ново-голландской собаки, болѣе всего приближается къ дикому состоянію *эскимосская собака*. Въ нашемъ звѣринцѣ была и та, и другая, изъ которыхъ ни одна не имѣла чистаго и отчетливаго лая, какъ наши домашнія собаки; и у обѣихъ было подъ щетинистымъ волосомъ родъ шерсти или *пуха*, который домашнія собаки совершенно утратили.

Собака и *волкъ* суть два до того близкіе вида, что невозможно было еще найти признаковъ, различающихъ ихъ. Линней, несмотря на свое искусствовъ этомъ родѣ, не могъ найти другаго различія, кромѣ того, что хвостъ завороченъ или направо или налѣво. Отличительная черта собаки, по мнѣнію Линнея, есть то, что у ней хвостъ завороченъ налѣво [1]).

У насъ въ звѣринцѣ было нѣсколько волковъ, сдѣлавшихся очень ручными. Одинъ изъ нихъ представилъ Ф. Кювье примѣръ такой глубокой привязанности, на которую едвали способна даже собака. «Этотъ волкъ, говоритъ онъ, слѣдовалъ вездѣ за своимъ господиномъ, повиновался его голосу, выказывалъ самую полную покорность.... Принужденный уѣхать, хозяинъ подарилъ его звѣринцу; тамъ это животное, заключенное въ клѣтку, нѣсколько недѣль было чрезвычайно скучно и едва ѣло; потомъ здоровье его впрочемъ возстановилось, оно привязалось къ своимъ сторожамъ и, казалось, забыло всякую другую привязанность, какъ-вдругъ чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился его хозяинъ. По первому слову, произнесенному имъ волкъ, не замѣчавшій еще его въ толпѣ, узналъ по голосу своего бывшаго хозяина и выразилъ

[1]) Cauda sinistrorsum recurva.

свою радость движеніями и криками.... Нужно было разстаться еще разъ.... Прошло три года.... Послѣ такого промежутка времени, котораго, разумѣется, было бы достаточно, чтобы собака самой вѣрной породы забыла своего господина, хозяинъ волка возвратился; это случилось вечеромъ, все было заперто, животное не могло ничего видѣть; но голосъ хозяина не изгладился изъ его памяти; лишь-только онъ его услышалъ, онъ узналъ его, отвѣчалъ ему криками и какъ-только препятствіе, раздѣлявшее ихъ, было устранено, бросился къ нему, ласкалъ его и угрожалъ зубами своимъ сторожамъ, которымъ за минуту предъ тѣмъ выказывалъ знаки привязанности.»

Къ видамъ *волка* и *шакала* болѣе всего приближается наша домашняя собака. *Волкъ* и *шакалъ* могутъ производить дѣтей съ *собакою*, какъ мы уже видѣли [1]). *Волкъ* очень похожъ на собаку, *шакалъ* же еще болѣе похожъ на нее. Въ собакѣ организація *волка*, но въ ней нетолько организація *шакала*, но даже и его *нравъ*. Какъ-скоро собаки приходятъ въ дикое состояніе, онѣ составляютъ многочисленныя толпы, роютъ себѣ норы, заодно охотятся, точно такъ, какъ шакалы. Итакъ *шакалъ* не есть-ли родоначальникъ *домашней со-*

[1]) См. выше стр. 193.

баки? Любопытный вопросъ, впрочемъ разрѣшимый [1]) опытами, о которыхъ я говорилъ и которыхъ результаты не заставятъ себя долго ждать [2]).

Шакалъ сенегальскій и *шакалъ индійскій* суть два вида совершенно различные, оба дикіе, но которые не менѣе того производили вмѣстѣ дѣтей въ нашемъ звѣринцѣ. Ублюдокъ, рожденный отъ смѣшенія этихъ двухъ видовъ, при рожденіи былъ покрытъ пухомъ или шерстистымъ волосомъ. Этотъ пухъ, этотъ шерстистый волосъ покрывалъ также дѣтенышей красной лисицы (видъ — живущій въ Сѣверной-Америкѣ,) которая также производила дѣтей въ нашемъ звѣринцѣ.

Циветта и *цибетъ* составляютъ ли два различные вида? Бюффонъ не рѣшился ничего сказать объ этомъ и нерѣшимость продолжалась до-тѣхъ-поръ, пока нашъ звѣринецъ, не пріобрѣлъ обоихъ видовъ, и не далъ возможности непосредственно сравнить ихъ. Теперь уже невозможно будетъ ихъ смѣшивать; у *циветты* черныя поперечныя полосы, у *цибета* черныя пятна вмѣсто полосъ и пр.; *циветта* происходитъ изъ Африки, *цибетъ* изъ восточной Индіи.

---

[1]) См. выше стр. 198.

[2]) Жоффруа *Сент-Илеръ* вслѣдствіе своихъ изслѣдованій принимаетъ теперь положительно собаку за шакала, сдѣлавшагося домашнимъ. См. Comptes rendus, 1859 г. 17 янв. *Зам. ред.*

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что *кабанъ* есть родоначальникъ нашихъ *домашнихъ свиней*; ибо всѣ наши породы домашнихъ свиней производятъ съ этимъ животнымъ плодовитыхъ недѣлимыхъ и притомъ съ плодовитостью непрерывною. Но странно, что это единственное толстокожее, котораго мы могли сдѣлать домашнимъ. *Свинья* еще и теперь, даже въ нашемъ климатѣ, имѣетъ въ *кабанѣ* свою породу въ первоначальномъ и дикомъ состояніи. *Собака, лошадь, быкъ* давно уже утратили свои типы; какъ мы увидимъ, все указываетъ намъ на то, что родоначальникъ *барана* есть *муфлонъ*, родоначальникъ *козла* есть *безоаровый козелъ*.

Однорогій или *индѣйскій носорогъ* только одинъ изъ носороговъ былъ привозимъ живымъ въ Европу.

Тотъ, котораго описываетъ Ф. Кювье и котораго показывали въ Парижѣ въ 1800 г., былъ только седьмымъ животнымъ этого вида въ Европѣ; первое явилось у насъ въ 1513 году.

У насъ въ настоящее время есть молодой *индѣйскій носорогъ*. Онъ довольно кротокъ, кажется очень уменъ, любитъ играть съ своимъ сторожемъ и, несмотря на свою массивную форму, очень легокъ и живъ, особенно когда бѣгаетъ. Въ нашемъ звѣринцѣ съ нѣкотораго времени находятся два *слона*: одинъ *азіатскій*, другой *африканскій*. Нѣтъ ниче-

го легче, какъ сравнить ихъ отличительныя черты. Не говоря о существенномъ различіи коренныхъ зубовъ, представляющихъ въ азіатскомъ слонѣ поперечныя полосы и въ африканскомъ ромбы, у перваго лобъ впалый, спина выпуклая, у втораго наоборотъ—лобъ выпуклый, а спина впалая; у перваго уши относительно малыя, у втораго очень большія; у перваго во многихъ мѣстахъ длинная шерсть, у втораго кожа голая, и пр.

Азіатскаго слона очень часто и очень давно видали въ Европѣ. Что же касается *африканскаго слона*, то описанный Ф. Кювье, былъ второй, приведенный къ намъ живымъ. Первый околѣлъ въ 1681 г. въ Версали, и Перро и Дюверней представили его анатомію въ мемуарахъ *Академіи наукъ*. Тотъ, который у насъ теперь, третій.

Я уже замѣтилъ, что всѣ однокопытныя могли бы сдѣлаться домашними, какъ лошадь и оселъ. Въ нашемъ звѣринцѣ были послѣдовательно всѣ эти прекрасные виды: *квагга*, описанная Г. Кювье [1]); *джигетай, зебра, онагга*, описанные Ф. Кювье. Тамъ нѣсколько разъ *зебръ, онагга* даже рождали дѣтей и, что̀ еще любопытнѣе, чѣмъ прямое распло-

---

1) Въ сочиненіи La Menagerie du Muséum d'histoire naturelle, которому Histoire naturelle des mammifères, Ф. Кювье, служитъ нѣкоторымъ-образомъ продолженіемъ.

женіе, у насъ былъ плодъ отъ скрещиванія *зебры* съ *лошадью*, и той же самой *зебры* съ *ослом*ъ. *Джигетай* произвелъ недавно дѣтей съ осломъ. Ублюдокъ, происшедшій отъ совокупленія *джигетая*-самца съ *ослицею, самецъ*. У него соловой цвѣтъ джигетая, а крикъ осла. Джигетай ржетъ.

Видъ верблюда кажется не существуетъ болѣе въ природномъ состояніи, также какъ видъ собаки, лошади, быка. *Одногорбый верблюдъ* можетъ производить дѣтей чрезъ совокупленіе съ *двугорбымъ верблюдомъ*, но ублюдки ихъ бываютъ неплодовитые. Верблюдъ питается очень обыкновенными травами и ѣстъ относительно меньше лошади, но работаетъ гораздо больше. *Дромадеры* нашего звѣринца очень долго таскали всю воду, употребляемую въ Ботаническомъ саду (Jardin des Plantes), что́ послужило доказательствомъ тому, что одинъ дромадеръ по работѣ своей равняется двумъ сильнымъ лошадямъ.

Итакъ вотъ еще видъ, которымъ наше сельское хозяйство могло бы обогатиться, точно такъ же, какъ *вигонью* и *альпакою*, о которыхъ я говорилъ въ предъидущей главѣ. Всѣмъ извѣстна тонкость *вигоньей* шерсти. Шерсть *альпаки* почти такъ же тонка, какъ шерсть кашмирскихъ козъ, но притомъ она гораздо длиннѣе. Къ этому надобно прибавить

что ея мясо слыветъ за очень вкусное, и если когда-либо достигнутъ того, что разведутъ ее у насъ, то она, какъ баранъ, будетъ доставлять намъ и пищу, и одежду.

Альпійскій козелъ обыкновенно разсматривался, какъ родоначальникъ нашего домашняго козла, пока не былъ извѣстенъ намъ дикій или безоаровый козелъ (aegagre). Этотъ козелъ, описанный Палласомъ и Гмелиномъ, есть животное средней Азіи; животное же, бывшее въ нашемъ звѣринцѣ, которое Ф. Кювье называетъ этимъ именемъ [1]), было получено нами съ Альповъ. *Безоаровый козелъ* болѣе похожъ на козла, чѣмъ альпійскій козелъ, кромѣ того и нравъ его, и всѣ привычки совершенно тѣ же, какъ у нашихъ домашнихъ козловъ. Итакъ аналогія, кажется, указываетъ на этотъ родъ дикаго козла, какъ на родоначальника нашихъ козловъ, и было бы любопытно знать, подтвердитъ ли прямой опытъ, т.-е. *плодовитое* совокупленіе и *непрерывная плодовитость*, то, на что указываетъ аналогія.

По поводу кашмирской козы, Ф. Кювье подробно различаетъ два вида волосъ, которыми природа повидимому одарила всѣхъ сухопутныхъ млекопитающихъ: одни тонкіе курчавые въ родѣ пуха, болѣе или менѣе густаго; другіе болѣе толстые, гладкіе, даю-

[1]) Былъ ли это настоящій безоаровый козелъ?

щіе цвѣтъ животному и составляющіе, въ весьма многихъ случаяхъ, органъ особеннаго весьма нѣжнаго осязанія. Этотъ-то курчавый волосъ, этотъ-то пухъ кашмирскихъ козъ и составляетъ всю цѣну этихъ животныхъ. Наши домашнія козы имѣютъ такой же пухъ, какъ кашмирскія, но онъ не такъ тонокъ; но, несмотря на то, онъ все-таки несравненно выше самой лучшей шерсти нашихъ овецъ. Нужно-бы ввести чуждую породу для того, чтобы мы могли выучиться извлекать изъ нашихъ породъ всю возможную пользу.

Баранъ послѣ собаки есть животное, котораго природу болѣе всего измѣнила рука человѣка. И видоизмѣненія, разновидности простираются у него на бо́льшую часть о́ргановъ; хвостъ становится чу́довищнымъ отъ двухъ огромныхъ массъ жира въ толстохвостыхъ варварійскихъ баранахъ. Хвостъ барана этой породы, описаннаго Ф. Кювье, былъ до того длиненъ, что волочился по землѣ и шириною превосходилъ тѣло.

Впрочемъ скопленіе жира въ извѣстныхъ пунктахъ есть общій характеръ *видоизмѣненія, разновидности породы* у животныхъ, отрыгающихъ жвачку. *Варварійскій баранъ* имѣетъ это накопленіе жира на хвостѣ. У абиссинскаго барана, съ черною головою и бѣлымъ тѣломъ, на хвостѣ только

небольшое накопленіе жира, но зато есть гораздо болѣе значительное въ передней части груди. Горбъ *дромадера*, оба горба двугорбаго верблюда суть только скопленія жира. Такое же скопленіе жира составляетъ утолщеніе бедръ *гну*, горбъ *зебу*, и пр.

Разновидность, съ удвоеннымъ числомъ роговъ, являлась до-сихъ-поръ только въ видахъ *козла* и *барана*. Есть бараны и козлы о четырехъ рогахъ. У быка, у буйвола, рога могутъ увеличиваться, уменьшаться, отрываются отъ костей, и остаются прикрѣпленными только къ кожѣ, исчезаютъ, но никогда не было замѣчено, чтобы число ихъ увеличивалось.

Самую замѣчательную разновидность въ видѣ барана представляетъ *шерсть*. Всѣ животныя въ дикомъ состояніи имѣютъ, какъ мы уже видѣли, два рода волосъ: *шелковистый* и *шерстистый*. Между-тѣмъ наши домашнія собаки и овцы представляютъ въ этомъ отношеніи двѣ противоположныя крайности. У собаки остался только шелковистый волосъ, она утратила всякій слѣдъ шерстистаго волоса, напротивъ-того, баранъ утратилъ весь *шелковистый* волосъ и сохранилъ только *шерстистый*, или волну.

Бюффонъ справедливо думалъ, что *муфлонъ* есть родоначальникъ нашихъ домашнихъ барановъ. Ди-

кій видъ прямо можетъ быть разсматриваемъ, если можно такъ выразиться a priori, какъ родоначальникъ домашней породы, всякій разъ, когда можетъ переходить отъ одной породы къ другой черезъ промежуточныя формы. Между *муфлономъ* и нашимъ бараномъ такія промежуточныя формы существуютъ. Во-первыхъ, всѣ наши домашнія породы смѣшиваются и производятъ дѣтей. Это было извѣстно о европейскихъ породахъ, а Ф. Кювье увѣрился въ этомъ относительно породъ изъ другихъ странъ свѣта. Съ другой стороны всегда возможно при помощи той или другой изъ этихъ породъ приблизить муфлона къ самымъ удаленнымъ отъ него породамъ: есть между ними большія и малыя, коренастыя и поджарыя, съ мордою болѣе или менѣе дугообразною, выпуклою, съ рогами болѣе или менѣе толстыми, и проч. Всѣ почти отличаются отъ муфлона шерстью; муфлонъ, повидимому, имѣетъ только щетинистый волосъ, у него почти нѣтъ волны, нужно раздвинуть щетинистый волосъ его, чтобы найти шерсть покрывающую кожу. Разстояніе между *муфлономъ*, въ которомъ только слѣдъ шерстистаго волоса, и нашими баранами, утратившими даже слѣдъ щетинистаго волоса, сдѣлалось такъ далеко, какъ-только можетъ быть. Но даже здѣсь встрѣчаются промежуточныя

формы между муфлономъ и бараномъ съ чистою шерстью, и приближаютъ ихъ другъ къ другу. *Морванъ* (morvan), также какъ муфлонъ, повидимому, не имѣетъ щетинистаго волоса. Африканскій баранъ съ длинными ногами лѣтомъ имѣетъ только щетинистый волосъ, каждую же зиму появляется у него въ небольшомъ количествѣ *шерстистый пухъ*, подобный пуху муфлона и всякую весну этотъ пухъ спадаетъ.

Муфлонъ живетъ въ самыхъ возвышенныхъ странахъ Корсики, многочисленными стадами, предводимыми самыми сильными и самыми опытными недѣлимыми. Это животное грубо, дико, не требуетъ никакого особеннаго ухода, производитъ дѣтей съ нашими овцами и, слѣдовательно, составляетъ *типъ, родоначальника* нашихъ домашнихъ барановъ.

Спрашивается, кто ближе стоитъ къ первоначальной породѣ: *волъ*, *зебу* или горбатый быкъ? Происходитъ-ли одна изъ этихъ разновидностей отъ другой — не извѣстно. Въ нашемъ звѣринцѣ *зебу* производитъ дѣтей и даетъ недѣлимыхъ плодовитыхъ съ нашими породами домашнихъ быковъ.

Я только-что сказалъ, что, можетъ-быть, свинья одна изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ встрѣчается въ дикомъ состояніи; я прибавилъ, впрочемъ,

что баранъ, козелъ весьма вѣроятно, имѣютъ свою дикую породу въ муфлонѣ, въ безоаровомъ козлѣ, но я говорилъ только о большихъ видахъ. Нашъ домашній кроликъ имѣетъ родоначальника въ *дикомъ кроликѣ; морская свинка*—въ кавіи, маленькомъ животномъ южныхъ странъ Америки, и пр.

Ф. Кювье издалъ сочиненіе о зубахъ млекопитающихъ, сдѣлавшееся классическимъ въ зоологіи, на которое я долженъ здѣсь по-крайней-мѣрѣ указать, ибо оно содержитъ много выводовъ интересныхъ вообще, и въ-особенности въ физіологическомъ отношеніи. Давно было извѣстно, что объемъ пищеварительнаго канала опредѣляетъ пищу животнаго.

«Всегда оказывается, говоритъ Бюффонъ, что отъ вмѣстимости желудка и кишекъ зависитъ различіе образа питанія животныхъ; ибо отрыгающія жвачку, какъ напр. *быкъ*, *баранъ*, *верблюдъ* и пр. имѣютъ четыре желудка и кишки чрезвычайно длинныя, поэтому они питаются только травою, которой одной для нихъ достаточно. *Лошади*, *ослы*, *зайцы*, *кролики*, *кавіи* (cavia) имѣютъ только одинъ желудокъ, но зато у нихъ слѣпая кишка равняется второму желудку, и они питаются травою и зернами. *Кабаны*, *бѣлки* и пр., которыхъ желудокъ и кишки мѣньшаго объема, ѣдятъ только

немного травы и питаются зернами, плодами и кореньями; тѣ же, которые, какъ *волки, лисицы, тигры* и пр., имѣютъ желудокъ и кишки еще мѣньшаго объема, относительно размѣра ихъ тѣла, принуждены для того, чтобы существовать, выбирать пищу самую сочную и ѣсть мясо и кровь [1]).

Итакъ вмѣстимость желудка и кишекъ опредѣляетъ пищу животнаго: эта вмѣстимость желудка и кишекъ, въ свою очередь, опредѣляется *зубами.*

Ф. Кювье замѣтилъ, что всѣ *грызуны,* у которыхъ коренные зубы снабжены собственно такъ-называемыми корнями, имѣютъ слѣпую кишку, очень объемистую, и что они всѣ *травоядны*; напротивъ-того, *грызуны,* коренные зубы которыхъ лишены корней, вовсе не имѣютъ слѣпой кишки, или имѣютъ очень небольшую такую кишку и всѣ они *всеядны.*

Въ *плотоядныхъ* животныхъ эти отношенія зубовъ, пищеварительнаго канала и пищи еще болѣе замѣтны: способъ пищи животнаго вычисляется съ точностью почти математическою, только по одной формѣ коренныхъ зубовъ, *бугорчатой* или *рѣжущей. Кошки,* напр. (*левъ, тигръ, пантера* и пр.) питаются исключительно мясомъ и почти

[1]) Histoire du bœuf, tome I, p. 441.

всѣ ихъ зубы *рѣжущіе*; у нихъ только одинъ бугорчатый зубъ въ верхней челюсти, нижній бугорчатый недоростаетъ. Собаки имѣютъ по два бугорчатыхъ зуба въ каждой челюсти и могутъ питаться отчасти растительными веществами. У *енота*, *кохши*, *медвѣдя* и пр., почти всѣ зубы *бугорчатые* и ихъ пища можетъ быть вполнѣ *растительною*. Я кормилъ одного медвѣдя втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ только чернымъ хлѣбомъ и морковью, безъ примѣси всякаго животнаго вещества, и онъ прекрасно жилъ. Другой медвѣдь, котораго я кормилъ такимъ же образомъ втеченіи трехъ лѣтъ, дошелъ до того, что болѣе не хотѣлъ дотрогиваться до мяса.

Эти законы просты, ясны и всякій чувствуетъ ихъ важность. Одинъ наружный признакъ, бугорчатая или рѣжущая форма зубовъ опредѣляетъ, по связи отношеній, форму кишечнаго канала, пищу, даже обычаи животнаго, даже его инстинктъ. Въ этомъ осуществляются знаменитыя слова Дювернея: «дайте мнѣ зубъ животнаго и я скажу, какой у него нравъ и обычаи».

ЗАМѢЧАНІЯ И ФРИДРИХЪ КЮВЬЕ.

Фридрихъ Кювье, членъ академіи наукъ и братъ Георга Кювье, родился въ Монбельярѣ 28-го іюня

1773 года. Какъ-скоро онъ достигъ возраста, въ которомъ могъ вступить въ школу, то послѣдовалъ туда за братомъ [1]). Отвлеченныя науки мало занимали его; уже съ того самаго времени умъ его склоняется къ наблюдательнымъ наукамъ.

Около 1800 года Г. Кювье, уже славный трудами высокаго значенія, призвалъ его въ Парижъ.

Невозможно было жить возлѣ такого человѣка, жить ежедневно въ братской дружбѣ, и не раздѣлять его любимыхъ занятій, не поддаваться могущественному вліянію его генія.

Г. Кювье начиналъ тогда свою большую коллекцію сравнительной анатоміи. Онъ хотѣлъ имѣть каталогъ ея и поручилъ составленіе его брату. Таковъ былъ случай, породившій два первыя сочиненія нашего новаго натуралиста: его *мемуары о различныхъ породахъ домашнихъ собакъ* [2]) и его *трактатъ о зубахъ млекопитающихъ* [3]). Мало-помалу за этимъ послѣдовали сочиненія болѣе важнаго свойства: его статья *объ инстинктѣ* [4]), его *мемуары объ общежительности* [5]), *о домашнемъ*

---

1) Бывшемъ четырьмя годами старше его.

2) Смот. что было объ этомъ сказано на стр. 217.

3) См. что сказано на стр. 305.

4) Dictionnaire des sciences naturelles, volume XXIII.

5) Mémoires du Muséum, volume XIII.

сосшояніи животныхъ [1]), о *привычкѣ* [2]), его большая *естественная исторія млекопитающихъ* [3]), самое важное твореніе этого рода, послѣ Бюффона, и пр., и пр. Ф. Кювье, какъ естествоиспытатель, представляетъ совершенно особенный характеръ. Когда ему поручили въ 1804 г. звѣринецъ Ботаническаго сада, то заботы о звѣринцѣ стали его ежеминутнымъ занятіемъ, и безпрестанно окруженный животными, которыхъ инстинкты онъ подмѣчалъ съ остроумною проницателностію, онъ въ Парижѣ былъ тѣмъ, чѣмъ Г. Леруа хотѣлъ видѣть своего натуралиста въ лѣсу [4]). Натуралистъ долженъ оставить свой кабинетъ, углубиться въ лѣса, чтобы слѣдить за образомъ жизни этихъ чувствующихъ существъ. Тридцать лѣтъ такой жизни доставили ему глубокія познанія, которыя, будучи пріобрѣтаемы безъ мнѣній заранѣе принятыхъ и системъ заранѣе составленныхъ, были всегда вѣрнымъ выраженіемъ точнаго наблюденія и сдѣлали его единственнымъ въ своемъ родѣ.

Онъ былъ для высшихъ животныхъ то, чѣмъ были Реомюръ и Боннетъ для насѣкомыхъ. Въ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Mémoires du Muséum, volume X.

[3]) См. что я сказалъ объ этомъ, стр. 265.

[4]) См. выше стр. 2.

одномъ отношеніи онъ сдѣлалъ больше ихъ: онъ лучше видѣлъ точную цѣль психологическаго анализа, состоящую въ положеніи границъ фактовъ; онъ подвергъ опыту вопросы, которые до-тѣхъ-поръ причислялись къ области чистой философіи, — онъ расширилъ область опыта.

Ф. Кювье въ 1810 году былъ назначенъ инспекторомъ парижской академіи; въ 1831 году онъ былъ сдѣланъ главнымъ инспекторомъ.

Въ эту совершенно иную карьеру онъ внесъ ту же совѣстливость честнаго человѣка, то же постоянное вниманіе, ту же привычку — создавать полезныя мысли; и изъ всего этого онъ оставилъ намъ драгоцѣнную память въ своемъ сочиненіи *о преподаваніи естественной исторіи въ нашихъ школахъ.*

Роллѐнъ, этотъ добрый ректоръ, человѣкъ столько размышлявшій объ образованіи юношества, предлагалъ, около начала послѣдняго столѣтія, ввести преподаваніе естественной исторіи въ школахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы занимали дѣтей изученіемъ этихъ чудесъ, которымъ они, говорилъ онъ, тѣмъ болѣе будутъ удивляться, чѣмъ болѣе будутъ пріобрѣтать ума!

Тогда появилось твореніе Плюша [1]). Это былъ

---

[1]) Le spectacle de la nature. Твореніе остроумное, привлекательное, незамѣтно влекущее читателя отъ природы къ Богу и

первый и, можетъ-быть, единственный плодъ мысли Роллѐна [1]), ибо длятого, чтобы видѣть введеніе естественной исторіи въ общественное образованіе, нужно перейти ко времени устройства центральныхъ училищъ.

Но въ эту эпоху естественная исторія, введенная въ наши школы, преподавалась со всѣмъ что̀ есть въ ней строгаго и труднаго, съ ея учеными номенклатурами, съ ея отвлеченными методами. Между-тѣмъ, какъ весьма хорошо замѣчаетъ Ф. Кювье, во-первыхъ, наши настоящія школы даже въ своихъ высшихъ классахъ не совсѣмъ соотвѣтствуютъ центральнымъ школамъ, и, кромѣ того, преподаваніе научныхъ методъ, столь полезное для умовъ уже развитыхъ, не могло бы быть пригодно въ дѣтствѣ. Итакъ, слѣдовало бы, спустя столѣтіе, возвратиться къ мысли Роллѐна, который хотѣлъ раздѣлить естественную исторію на двѣ части, одну для ученыхъ, а другую для дѣтей. Однимъ словомъ—нужно бы было науки соразмѣрять съ возрастомъ.

«Я называю дѣтскою физикою, говоритъ Роллѐнъ, изученіе природы, для котораго нужно только гла-

---

по прекрасному выраженію Роллѐна, *дѣлающее его внимательнымъ къ Провидѣнію*.

[1]) Прежде намъ совѣтовали, говоритъ Плюшъ, взять названіе дѣтской физики (Préface du spectacle de la Nature). Это названіе предлагалъ Роллѐнъ.

за. Оно состоитъ въ томъ, чтобы обращать вниманіе на предметы, представляемые намъ природою, тщательно разсматривать ихъ, удивляться различнымъ красотамъ ихъ, но не углубляться въ тайныя причины ихъ, что̀ составляетъ предметъ ученой физики [1]). Любопытство въ дѣтствѣ есть первый двигатель ума. И вотъ почему естественная исторія такъ хорошо могла бы быть преподаваема въ этомъ возрастѣ.

Приведите ребенка въ кабинетъ естественной исторіи: не найдется ничего, чего бы онъ не сталъ разсматривать, чего бы онъ не тронулъ, о чемъ бы не спросилъ васъ. Тогда чувствуешь всю справедливость выраженія Роллѐна, которое, вполнѣ понятое, открываетъ всю тайну воспитанія юношества: неизмѣримо многому дѣти могли бы научиться, еслибы мы умѣли пользоваться всѣми случаями, которые они намъ сами доставляютъ [2]).

Ф. Кювье, проникнутый удивленіемъ къ брату, доходившемъ до поклоненія, казалось, старался заслужить извиненіе въ счастьѣ принадлежать ему.

Для этого брата онъ жилъ, для этого брата онъ

---

[1]) Traité des études, tome II, page 498.

[2]) Ibidem.

сдѣлался натуралистомъ. Что же касается до него самого, то онъ старался быть забытымъ и никогда не домогался успѣховъ. Его скромность имѣла особенную прелесть: она была такъ естественна, что можно было бы сказать, что достоинства его не проникли до него.

Ф. Кювье былъ назначенъ, 24-го декабря 1837 года, профессоромъ въ музеумѣ естественной исторіи.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (въ іюлѣ 1838 года), во время пребыванія его въ Стразбургѣ, въ объѣздѣ по должности инспектора, онъ вдругъ почувствовалъ ту же самую болѣзнь, которая за шесть лѣтъ предъ тѣмъ похитила его брата.

Ходъ болѣзни былъ такъ быстръ, что онъ долженъ былъ даже потерять надежду увидѣть сына. Онъ умеръ, произнеся эти слова, послѣднее доказательство великодушной чувствительности его души: «Пусть мой сынъ напишетъ на моей могилѣ: *Фридрихъ Кювье, братъ Георга Кювье.*»

НМРА КП ОФ 8218/204
РК 182
АС 11178
ГК 196928 19